Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1973

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга представляет собой вторую часть большой работы по истории кочевых народов в Восточно-Европейских степях X—XV вв. Первая часть ее была опубликована в 1966 г. отдельной книгой «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов».

Взятое целиком наше исследование находится как бы на стыке двух традиционных для русской науки тем: истории печенегов, торков и половцев в южнорусских степях и истории Золотой Орды.

С одной стороны, работа продолжает те исследования, которые были посвящены южным соседям Древней Руси, тюркоязычным и некоторым другим группам кочевников. Дореволюционная литература останавливалась при исследовании этого населения степей на XIII в. Монгольское завоевание было для нее верхним хронологическим рубежом. Существовало представление, что в золотоордынский период половцы и другие домонгольские племена исчезли и на их место пришли монголо-татары. В советской науке это представление было преодолено. Статья Л. П. Зяблина [1] подвела итог тем новым тенденциям, которые стремились представить кочевое население Золотой Орды как тех же половцев, только находившихся в новом состоянии — состоянии политической зависимости от золотоордынских ханов. Но несмотря на победу этой точки зрения традиционная верхняя граница истории половцев — XIII в. сохранялась очень долго.

Важнейший недостаток дореволюционной литературы о половцах и других восточноевропейских кочевниках — это отсутствие исследования внутреннего социального строя и хозяйства кочевых объединений. Впервые в работе С. А. Плетневой [2] и статье З. М. Шараповой [3] появились весьма ценные разделы о социальном и хозяйственном устройстве кочевников южнорусских степей. Но и они, следуя установившейся в русской историографии традиции, не продолжают историю половцев в золотоордынский период. А между тем, именно для золотоордынского периода мы располагаем сравнительно большим набором исторических свидетельств о социальном строе и его эволюции у кочевников Восточной Европы. И хотя в золотоордынский период общественный строй половецких и других кочевых племен претерпел значительные изменения под влиянием монгольских завоевателей, мы можем понять ряд явлений общественного устройства домонгольских половцев только с учетом тех социальных сдвигов, которые зафиксированы для кочевой степи XIII—XIV вв.

---

[1] См. Л. П. Зяблин. О «татарских курганах». СА, 1955, вып. XXII.

[2] См. С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62.

[3] См. З. М. Шарапова. Социально-экономический и политический строй у половцев. «Уч. зап. МОПИ», 1953, т. XXVIII, вып. 2.

С другой стороны, наша работа посвящена одной из тем истории Золотой Орды. В настоящее время накоплен огромный материал по истории этого государства. Еще в начале прошлого века была поставлена задача написать историю Золотой Орды в целом [4]. Появился ряд работ, ставивших своей целью создать исчерпывающее исследование всех сторон этой огромной исторической темы. Вышли в свет обширные исследования о монголах и их государствах. Параллельно развивалась литература, посвященная отдельным частным вопросам истории Улуса Джучи, историографическим, источниковедческим, нумизматическим, общеисторическим и археологическим темам. Эти частные темы истории Золотой Орды разрослись сейчас в отдельные научные проблемы. Одна из таких проблем — социальный строй Золотой Орды.

В нашей работе выделились две взаимосвязанные части. Первая — анализ материальной культуры, социального строя, хозяйства, верований, расселения племен кочевой степи Восточной Европы в X—XIV вв. главным образом по археологическим памятникам с привлечением письменных источников. Вторая — исследование специфических черт общественного строя кочевников Восточной Европы под властью золотоордынских ханов в XIII—XIV вв., взаимоотношений городов и кочевой степи в Золотой Орде, исследование феодального строя в Золотой Орде в целом по преимуществу на материале письменных источников. В этой второй части и составившей книгу «Общественный строй Золотой Орды» мы стремились показать, как старые племена печенегов, торков, половцев и др., пройдя феодальную улусную систему в Золотой Орде, трансформировались в новые кочевые формирования XV—XVI вв.

Для понимания многих сторон общественного строя Золотой Орды необходимо коснуться специфики общественного строя у кочевников в связи с особенностями их производства. Эта общеисторическая проблема породила много споров и ее обсуждение и изучение имеет длительную и сложную историю.

Изучение особенностей общественного строя у кочевников и дискуссии о «кочевом феодализме»

Уже в XVIII в. появляются широкие исторические исследования о кочевниках Евразии. Историков заинтересовала та всесокрушающая сила, которой обладали вышедшие из глухих степей дикие «нецивилизованные» орды номадов. В 1756—1758 гг. появилась работа Ж. Дегиня «Всеобщая история гуннов, турков, монголов и прочих западных татар» [5]. Она почти не затрагивала вопросов социальной истории кочевников. Дегинь считал, что кочевые орды объединяют предводители, которые и являются носителями государственности в обществе кочевников. Мелкие коллективы номадов могут объединиться в большие державы и тогда они приобретают черты как бы одного народа. Потому Ж. Дегинь выдвинул идею «политической классификации» тюркских народов Азии.

Эпоху в изучении истории кочевников, особенно монголов, составил труд д'Оссона «История монголов» (1834—1835) [6]. Огромный новый материал, введенный д'Оссоном в научный оборот, определил все дальнейшие исследования по истории монголов и их государств.

---

[4] Мы имеем в виду академический конкурс 1832 г. на соискание премии Академии наук за сочинение по истории Золотой Орды (см. Тизенгаузен, т. I, стр. 557).

[5] J. Deguignes. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tatares occidentaux, ouvrage tiré des livres chinois. Paris, 1756—1758.

[6] C. d'Ohsson. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan, t. I—IV. La Hay et Amsterdam, 1834—1835.

Однако и в этой работе социальному строю кочевников было уделено мало внимания. Общество монголов рисовалось д'Оссоном как хаотическое сборище кочевников, «некультурных и неспособных на историческое творчество». Вся история их после Чингис-хана — это следствие могучей воли и власти этого человека. Исследование социального строя монголов у д'Оссона сведено к описанию структуры военной организации, созданной Чингис-ханом, причем армейские построения исследователь выводит только из организационной деятельности этого завоевателя.

Менее оригинальная, чем труд д'Оссона и также лишенная анализа социального строя кочевников была книга английского историка Ховарса «История монголов» (1876—1927) [7].

Колониальные устремления царской России в XIX в. нашли отражение в работах В. В. Григорьева [8], который противопоставлял «диких» кочевников народам культурных стран и отводил России всемирно историческую роль в обуздании тюркской кочевой стихии. Близкие мысли высказывал и Г. Вамбери [9].

В книге Л. Каэна «Введение в историю Азии. Турки и монголы от начала до 1405 года» (1896) [10] отрицалось существование классовой структуры общества у кочевников. Проводилась апология тюрко-монгольских народов, характерная и для Г. Ховарса. Все противоречия внутри этого общества автор выводил из религиозной или племенной розни. Л. Каэн считал, что при столкновении с культурами оседлых народов кочевники утрачивали свое единство, силу и, не воспринимая ничего от этой, более высокой культуры, «становились расслабленными», теряли «степные доблести», заменяя их узким и фанатичным национализмом. Л. Каэн был далек от представления о движении тюрок и монголов на запад как о стихийном беспорядочном движении диких полчищ. Но он видел только один фактор, придававший какую-то структуру этим ордам — воля и организаторские способности военачальника, что особенно ярко проявилось в личности Чингис-хана. Поэтому у Л. Каэна тюркские народы превращаются в военные отряды, названные именами своих военачальников, а сами эти вожди становятся «благодетелями» своих народов-отрядов. «Не только для того, чтобы кормить и одевать своих неимущих подданных тюркский хан ночью не спит, днем не отдыхает; ради величия имени тюрков, ради национальной славы он трудится и сражается ночью и днем. Египетские фараоны, персидские или ассирийские цари избивали массы народа для прославления своего собственного имени или для возвеличения своих богов; тюркский каган думает только о славе своего народа» [11].

В 1896 г. Н. Аристов выступил со статьей «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения о их численности» [12]. В ней получила наиболее яркое в русской дореволюционной литературе выражение «родовая» теория происхождения государства, возникающего якобы как продолжение развития семьи, рода, племени.

---

[7] H. H. Howorth. History of the Mongols from the 9th to the 19th century, t. I—IV. London, 1876—1927.

[8] См. В. В. Григорьев. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. ЖМНП, 1875, март.

[9] См. Г. Вамбери. Первобытная культура тюрко-татарских народов. «Зап. Западно-Сибирского отдела РГО», 1884, кн. VI.

[10] L. Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines jusqu'à 1405. Paris, 1896.

[11] Ibid., p. 78.

[12] «Живая старина», 1896, вып. 3—4.

Являясь сторонником этой теории, В. В. Бартольд в рецензии на книгу Н. Аристова все же высказал мысли о наличии социальной борьбы у кочевников и предлагал видеть в ней одну из причин образования у них государства [13]. Взгляды В. В. Бартольда на происхождение кочевых государств и на их социальное устройство пережили длительную и сложную эволюцию. В трактовке социальных отношений у кочевников В. В. Бартольд был склонен переносить отношения между членами дома Чингис-хана на всю монгольскую державу и рассматривал разложение империи Чингис-хана как результат распада его рода [14]. В. В. Бартольд справедливо считал, что именно тюрки-кочевники способствовали развитию феодализма и удельной системы в Средней и Передней Азии. Но он считал, что эти социальные явления развились из характерных для кочевников родовых общественных отношений, перенесенных на государство, которое было, по В. В. Бартольду, как бы достоянием правящего рода [15].

Успешная дешифровка древнетюркских надписей дала толчок исследованию общественных отношений кочевников Азии в первом тысячелетии н. э. Большая часть суждений об общественном строе номадов у В. В. Бартольда, как и у других востоковедов того времени, базировалась на этих новых, только что прочтенных текстах. В. В. Бартольд считал тюркских ханов и каганов носителями государственности у кочевников. По его мнению, только сильные личности способны преодолеть социальные противоречия, существовавшие среди кочевников и создать империю, в которой эти противоречия исчезнут и наступит «родовой строй под эгидой вождя — кагана». Не случайно, что В. В. Бартольд сочувственно цитировал вышеприведенные слова Л. Каэна [16]. Но тема социальных противоречий у кочевников звучит все сильнее и настойчивее в поздних работах В. В. Бартольда. В ряде своих исследований он высказывал мысли о «демократических монархиях» у кочевников и о каганах как выразителях и создателях государственности у тюрков VI—VII вв. Менее определенно В. В. Бартольд высказывался о сущности социального строя у кочевников монгольской эпохи XIII—XIV вв. Государство Чингис-хана он считал построенным на аристократических принципах, в отличие от «демократического» государства у тюрков, и образование монгольской империи ставил в связь с социальными конфликтами и подавлением движения низов в Монголии [17]. В. В. Бартольд не считал общество кочевников подобным обществу примитивных дикарей. Он признавал, что у кочевников есть определенный социальный строй. Возникновение государственности у кочевников, в частности у монголов, он связывал с деятельностью сильной личности, гениального организатора, который должен был располагать хорошей армией. Свои взгляды на этот вопрос В. В. Бартольд хорошо изложил в работе «Улугбек и его время» (1918 г.). Он писал: «Жизнь кочевников, несмотря на всю ее несложность, существенно отличается от первобытной жизни дикарей. В степи существует различие между богатыми и бедными и вытекающий отсюда антагонизм сословий, существует потребность защитить свое имущество, главным образом свои стада от внешних врагов, происходит вооруженная борьба за пастбища, захватывающая иногда

---

[13] См. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 278.
[14] Там же, стр. 133, 496.
[15] Там же, стр. 265.
[16] Там же, стр. 243.
[17] Там же, стр. 261 и сл., 428 и сл., 471.

обширный район, происходят кризисы, заставляющие народ организовать свои силы и объединиться вокруг одного лица или одного рода Вместо обычных условий жизни кочевников, при которых можно говорить только об общественном, но не о государственном строе, в короткое время возникает не только сильная государственная власть, но и представление о великодержавном могуществе, при благоприятных условиях переходящее в представление о мировом владычестве. Для успеха такой идеи необходимо, чтобы ее представитель располагал грозной, тщательно организованной силой. Будничные условия жизни кочевников мало благоприятны для таких стремлений; для сколько-нибудь прочного существования кочевой империи необходимо, чтобы ее глава или путем набегов, или путем завоеваний доставлял своим подданным богатства культурных стран. В завоеванной стране кочевники, особенно династия и ее главные сподвижники, постепенно подчиняются влиянию более высокой культуры; но то, что они принесли с собой, исчезает не сразу и не бесследно. Завоеватели стараются соединить свободу кочевой жизни с благами культуры; под влиянием такого стремления вырабатываются своеобразные отношения между государем, его соплеменниками и его новыми подданными; государственная система, возникшая на прежней родине завоевателей, хотя и не без влияния представителей культуры, находит в завоеванной стране более благоприятные условия для своего развития, успешно выдерживает соперничество с политическими идеалами, существовавшими в той же стране раньше, и оставляет в чужой стране более прочный след, чем на своей родине» [18].

В конце XIX в. появился ряд работ о законодательстве и обычном праве у номадов Азии вообще и у монголов эпохи XIII—XIV вв. в частности. Однако эти работы по монгольскому, так называемому «праву Чингис-хана», исходили из абстрактных правовых идей и рассматривали этот памятник монгольского права без конкретного социально-политического анализа [19].

К изучению монгольской армии историки второй половины XIX в. также подходили формально, с точки зрения рассмотрения вопросов только военной истории. Их интересовало военное искусство монголов, построение воинских порядков, организация походов и служб охраны, а не общественные отношения, нашедшие выражение в устройстве армии [20].

Но интерес к социальной истории номадов не исчез. В значительной степени в начале XX в. он сосредоточился на вопросе об оценке личности Чингис-хана и его деятельности.

Характерная дискуссия о монгольской государственности, праве и «Ясе» Чингис-хана возникла в среде эмигрантской профессуры на юридическом факультете Харбина в 1930-х годах. В. А. Рязановский доказывал, что «яса» была кодификацией обычного права и совершенно не видел в ней отражения классовых интересов того слоя, представи-

---

[18] В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 28.

[19] См. Я. И. Гурленд. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия. ИОАИЭ, 1904, вып. XX, № 4—5; П. С. Попов. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжень. ЗВОРАО, 1907, т. XVII, вып. 4.

[20] См. М. И. Иванин. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875; И. В. Бентковский. Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру и вообще на дух народа. «Ставропольские губ. ведомости», 1877, № 8.

телем и вождем которого был Чингис-хан [21]. Его оппоненты, Г. К. Гинс и Г. Г. Тельберг, видели в «ясе» только результат организаторско-учредительской деятельности Чингис-хана, усматривая в ней истоки всей монгольской государственности, права, армии, видя только в талантах полководца причину и военных, и внутренних успехов монголов, отказываясь исследовать какие-либо социальные процессы, приведшие к появлению этого исторического персонажа [22].

В 20—30-х годах XX в. распространилась обширная литература о Чингис-хане как о сильной личности, «гениальном дикаре», «фюрере» кочевников, которые без него были бы дикой и аморфной массой [23]. Идеализация и придание личности Чингис-хана некоторого налета мистики сохранились в буржуазной науке в ряде работ и до наших дней. Так, например, Б. Шпулер, опубликовавший ряд исследований по истории монголов, по Золотой Орде и Хулагуидскому Ирану, при характеристике монгольских завоеваний исходит из признания гениальности Чингис-хана и считает его источником всех событий, приведших к экспансии монголов. Этот человек, по его мнению, стремился к созданию централизованной мировой империи при наличии массы номадов, аморфной и дикой, которая окружала его и была лишь его орудием. Но эта цель оказалась недостижима, что не замедлило проявиться уже при первых его преемниках [24].

Для западноевропейской историографии XX в. стали характерны идеи извечной борьбы кочевой аморфной стихии и цивилизованных оседлых районов, идеи, не вскрывающие существа исторических событий.

В работах французского историка кочевых народов Р. Груссе [25] нет попыток понять события, связанные с продвижением кочевников на запад, исходя из анализа социальных явлений, вопрос об общественном строе номадов в его работах почти не затрагивается. Исследователь отмечает лишь внешнюю сторону событий, которая состоит, по его мнению, в периодических вторжениях номадов в цивилизованные

---

[21] См. В. А. Рязановский. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931; его же. Является ли монгольское право правом обычным? Харбин, 1932; его же. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и русское право. «Изв. юридического ф-та в Харбине». Харбин, 1931.

[22] См. Г. Г. Тельберг. Рецензия на книгу: В. А. Рязановский. Монгольское право. «Изв. юридического ф-та в Харбине». Харбин, 1931; Г. К. Гинс. Монгольская государственность и право в их историческом развитии. «Вестн. китайского права», 1931, № 3.

[23] См., например, работы так называемых «евразийцев»: И. Р. «Наследие Чингис-хана», Берлин, 1925; Э. Хара-Давань, Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1928; R. Fox. Genghis-Khan. London, 1936. Идеализация личности Чингис-хана была характерна также для книг, выпущенных в Германии в 1930-х годах. Связь этих реакционных концепций с идеологией фашизма несомненна. См., например, J. Barckhausen. Das gelbe Weltreich. Lebensgeschichte einer Macht. Berlin, 1935. Разбор взглядов «евразийцев» см. В. В. Каргалов. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, стр. 234. Развитие их концепций мы находим в работе Г. Вернадского (G. Vernadsky. The Mongols and Russia. New Haven, 1953). См. рецензию Н. Я. Мерперта и В. Т. Пашуто. ВИ, 1955, № 8. В. Котвич в 1930-х годах проповедовал мысль о том, что Чингис-хан был «творцом идеи всеобщего мира в единой мировой империи» и эта идея обусловила монгольское движение (W. Kotwicz. Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV siècle. «La Pologne au VII Congrés International des Sciences Historiques». Warsovie, 1933).

[24] B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955; B. Spuler. Les Mongols dans l'histoire. Paris, 1961.

[25] R. Grousset. L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris, 1948.

области мира. Таких волн было три: Аттила, Чингис-хан и Тимур. Не ставя вопроса о внутреннем, социальном различии трех этих крупнейших исторических явлений, Р. Груссе исходит из самого характера образа жизни степных обитателей, который, по его мнению, извечен и которым их наделила природа. Р. Груссе формулирует особый «закон» развития кочевников, рассматривая их взаимоотношения с оседлыми народами только в географическом аспекте. Исследователь преувеличивает роль «сильных» личностей, кочевых ханов — создателей больших империй номадов. Извечной угрозе, исходящей из центральноазиатских степей, цивилизованные народы только в XVI в. смогли противопоставить достаточно мощную военную силу, создать которую помогло, по мнению Р. Груссе, изобретение артиллерии.

Работы Х. Шурманна о налогах в монгольских государствах не могут быть обойдены при характеристике буржуазной исторической литературы, посвященной кочевническому общественному строю [26]. Автор рассматривает свою тему широко — на материале всех государств, созданных монголами. Взаимоотношение победителей кочевников и побежденных оседлых народов при этом ставится во главу угла. Автор делит историю этих государств на три периода: первый — эпоха правления Чингис-хана — период племенной конфедерации с родом завоевателя во главе, период вывоза ремесленников из завоеванных земель и отсутствия постоянной систематической эксплуатации завоеванных народов; второй — период постепенной выработки в борьбе с некоторыми слоями кочевой знати «концепции» систематической эксплуатации оседлых земель — период распространения принципов организации кочевой конфедерации на оседлые земли и окончания завоеваний, заключительным этапом которых было образование Золотой Орды. Третий — возобновление традиционных систем правления в оседлых областях, выразившееся в реформах, например, в Иране — хана Газана, «создание стабильной системы взаимного сосуществования степи и оседлых зон». Автор подчеркивает, что долгое время в монгольских государствах управление и налоговая система строились не в территориальных понятиях, а в «терминах населения», в чем отразились особенности общественного строя кочевников.

Но Х. Шурманн не смог подняться до научного анализа общественных отношений у кочевников. Рассуждая довольно примитивно и прямолинейно, он усматривает истоки централизованных монархий на Средневековом Востоке, в том числе и Оттоманской империи, в монгольских государствах, так как именно в XIII—XIV вв., по его мнению, были заложены основы абсолютизма, благоприятные условия для которого были созданы огромной военной силой завоевателей-монголов, которые чувствовали себя вынужденными организовывать мощную центральную власть во враждебной среде завоеванных стран.

Мы разделяем мысль Х. Шурманна о параллельности ряда процессов социального развития в государствах, образовавшихся на территориях, завоеванных монголами, которая проводится автором разбираемой статьи. Но мы не можем согласиться с его взглядами на сущность общественных отношений в этих государствах. Х. Шурманн пишет, что феодализм у монголов есть не что иное, как «система наследования», при которой взрослый сын отделяется от семьи и основывает свое независимое владение. Другими словами, статья Х. Шурманна — еще один пример отрицания существования классовой струк-

---

[26] H. F. Schurmann. Mongolian tributary practices of the thirteenth century. «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1956, No. 3—4.

туры общества в кочевых государствах и рассмотрения их как простой проекции родового быта и родовых взаимоотношений на все кочевое общество.

Исследование общественного строя кочевников получило дальнейшее развитие в работах крупнейшего советского монголиста В. Я. Владимирцова. В начале своей научной работы он видел в деятельности Чингис-хана своего рода историческую неожиданность, чудо [27]. Но позднее [28] Б. Я. Владимирцов занялся изучением непосредственно социального строя кочевников-монголов и показал, что они представляли собой не хаотический конгломерат племен, а организованное общество, со своими законами классообразования и классовой борьбы, оформленное в определенную устойчивую структуру, развитие которой и обусловливает исторический процесс. Б. Я. Владимирцов начал работу по выявлению точного смысла терминов, служивших для выражения существовавших у тюрок и монголов общественных отношений. Он обрисовал социальное положение простого монгольского производителя-кочевника, который владеет скотом, кочует аилом, имеет орудия труда в своей собственности, но пастбищем пользуется, завися от воли и распоряжений собственника кочевых территорий, т. е. завися в своих кочевках и в использовании пастбищ от ханов и нойонов.

Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» является первым специальным исследованием по феодализму кочевников, исследованием, основанным на изучении огромного фактического материала, а не на построении умозрительной концепции.

В советской исторической науке в 1930-е годы вслед за Б. Я. Владимирцовым была предпринята попытка разработать понятие кочевого феодализма.

Работы С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, Л. П. Потапова и других поставили вопрос о существовании особого варианта феодального строя у кочевников [29].

С. П. Толстов считал возможным видеть в архаических кочевых обществах элементы рабовладельческой формации, а в более поздних — феодального строя. Он показал, как из элементов родовой взаимопомощи развиваются у кочевников феодальные отношения, отметил роль пережитков родового строя, маскирующих классовую эксплуатацию у кочевников, особую силу и живучесть этих пережитков

---

[27] См. Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Берлин—Пг.—М., 1922.

[28] См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. Эта книга выгодно отличалась от появившихся почти одновременно работ других исследователей (см. Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.—Иркутск, 1934; Р. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы, ч. I. М.—Л., 1934) с грубосоциологическими построениями, отождествлявшими феодализм у кочевников с феодализмом в странах Западной Европы. В какой-то степени эти взгляды были реакцией на господствующий в 1920-х годах тезис о существовании родового строя у кочевников (см. К. Каутский. Материалистическое понимание истории, т. II. М.—Л., 1931, стр. 103; П. Кушнер. Очерки развития общественных форм. М.—Л., 1927; К. М. Тахтарев. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм, ч. 1. Л., 1924, стр. 281 и сл.).

[29] См. С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодализма». Л., 1934; А. Н. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. СЭ, 1934, № 6; А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. Л., 1946; Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. «Зап. ХНИИЯЛИ», 1947, вып. 1.

в условиях кочевого общества. С. П. Толстов показал, что не родовая, а территориальная кочевая община является основной ячейкой кочевого общества в условиях феодализма. В борьбе степняков с оседлым населением С. П. Толстов видел элементы классовой борьбы, так как к оседлости раньше других переходят именно бедные слои кочевников [30].

В 1950-х годах был напечатан ряд статей теоретического характера, в которых выяснялась феодальная по существу зависимость степняков-скотоводов от кочевых феодалов. Эта зависимость осуществлялась не путем прикрепления к земле, а вхождением кочевников в зависимые от кочевой аристократии объединения, сохранявшие видимость родовых союзов. Эти группы вместе с закрепленными за ними пастбищами и со своим скотом управлялись и эксплуатировались ханами, беками — кочевой феодальной знатью. Наиболее общей формой зависимости кочевого коллектива от хана была необходимость при перекочевках следовать указанным ханом маршрутам. Так знать осуществляла свое право собственности на землю, эксплуатируя непосредственного производителя-скотовода [31]. Кроме того, феодалы распоряжались полновластно наиболее удобными землями и своими непосредственно им принадлежавшими стадами, за которыми ходили рабы или полурабы. Иногда ханский и байский скот раздавался бедноте во временное пользование на условиях аренды. Эксплуатация общинников часто осуществлялась баями под видом родовой взаимопомощи. Кочевые группы в условиях феодализма сохраняли видимость рода, но на самом деле в большинстве случаев являлись объединениями, аналогичными сельской территориальной общине.

На дискуссии 1954—1955 гг., посвященной объяснению сущности «кочевого феодализма», был поставлен вопрос о феодальной собственности на землю в условиях кочевого общества. С. Е. Толыбеков выступил с отрицанием таковой, с положением о длительном существовании у кочевников родового строя, о полуфеодальном характере даже позднего кочевого общества, о развитии у них феодальной собственности на землю только при переходе к оседлости [32]. Эти тезисы не встретили поддержки. Большинство выступивших в дискуссии их отвергло. Для обозначения «кочевого феодализма» рядом авторов, в том числе и самим С. Е. Толыбековым, был принят термин «патриар-

---

[30] Эта интересная мысль С. П. Толстова была развита другими исследователями: сила кочевников в определенные периоды их истории состоит в том, что внутри их общества сохраняется относительное единство, связанное с патриархальной неразвитостью общественного строя, при которой эксплуатация человека и классовые противоречия, разъедающие другие более развитые общественные системы и ослабляющие их, у кочевников переносятся в сферу внешних сношений — набеги на оседлые племена и земли, дань с покоренных оседлых районов (см. А. М. Васильев. Пуритане ислама? М., 1967, стр. 59, 64; А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961, стр. 140).

[31] См. В. С. Бартаков. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии. «Изв. АН УзССР», 1949, вып. 3; его же. Особенности феодализма у кочевых народов. Сб. «Научная сессия АН УзССР 9—14 июля 1947 г.». Ташкент, 1947.

[32] См. С. Е. Толыбеков. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. ВИ, 1955, № 1; его же. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие. «Вестн. АН КазССР», 1955, № 6; Еще раньше об отсутствии частной собственности на землю писал В. Ф. Шахматов (см. В. Ф. Шахматов. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестн. АН КазССР», 1951, № 7). Но сам В. Ф. Шахматов в более ранней работе «Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова» (Алма-Ата, 1946) показал переход в XIX в. в феодальную собственность кочевой аристократии пастбищных земель.

хально-феодальные отношения»[33]. Вскоре С. Е. Толыбеков выступил со специальной книгой[34]. В ней автор продолжал отстаивать неверный, на наш взгляд, тезис об отсутствии феодальной собственности на землю у кочевников. Вместе с тем в этой книге С. Е. Толыбеков высказал и ряд правильных положений. В частности, он справедливо писал о консерватизме кочевнического хозяйства, о прогрессивности присоединения к России казахов, о реакционности монгольского завоевания и самого существования Золотой Орды, особенно в поздний период ее исторической жизни, когда на ее степной территории господствовало застойное кочевое хозяйство, не имевшее никаких перспектив для своего развития, разрушаемое непрерывной усобицей беков.

Концепция С. Е. Талыбекова исходит из признания трех форм кочевого хозяйства[35]: 1) всецело кочевое, таборное, с полным отсутствием оседлости и земледелия, с частной собственностью на скот и с общинной собственностью на землю; 2) полукочевое, с зимней тебеневкой части скота с небольшими заготовками кормов, при общинно-аильной форме кочевок, с аильной и с переходом к семейной собственности на пастбища; 3) полукочевое, с заготовками кормов и без зимней тебеневки, с развитым земледелием, с господством частной собственности на землю. В силу того что кочевое скотоводческое общество, по С. Е. Толыбекову, без оседлости не может достичь уровня частной собственности на землю, эксплуатация зависимого населения в нем осуществляется через скот. Это приводило в таком обществе к неразвитости феодальных отношений, которые С. Е. Толыбеков сравнивает с отношениями ранних, переходных к феодализму государств типа Киевской Руси до Владимира.

Не вдаваясь в подробный анализ общественных отношений казахского кочевого общества XVI—XVIII вв., существовавшего якобы без феодальной собственности на землю, мы должны сказать, что представление о Золотой Орде, да и Монголии XIII—XIV вв., как о таких патриархально-феодальных государствах, лишено основания. Если это понятие можно распространить на империю Чингис-хана, где действительно феод не получил еще полного развития, то в Золотой Орде и собственно Монголии к XIV в. сложилась система кочевых феодов, с типичными для развитого феодализма иммунитетами, и следовательно с феодальной сословной собственностью на землю[36]. Это мы стремимся показать в нашей работе.

В 1967 г. с развитием взглядов С. Е. Толыбекова выступил Г. Е. Марков[37]. Он определяет следующие черты, характерные для общественного строя кочевых обществ: частная собственность на скот и общинная собственность на землю, поголовное вооружение народа,

---

[33] Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана. ВИ, 1955, № 6; И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. ВИ, 1955, № 4; В. Ф. Шахматов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

[34] См. С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959.

[35] Ср. сходную классификацию типов кочевнического хозяйства у С. И. Руденко (см. С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. МЭГО, вып. 1. Л., 1961).

[36] «Древнемонгольские города». М., 1965, стр. 15.

[37] См. Г. Е. Марков. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1967.

препятствующее установлению классовой монополии на средства производства и сословного государства; личная свобода и хозяйственная самостоятельность рядовых кочевников, которая, по мнению Г. Е. Маркова, является условием существования самого кочевничества; племенная структура общества, с пережитками представлений о родовом единстве, воплощенных в вымышленной генеалогии. Г. Е. Марков рассматривает кочевое общество как систему, могущую быть в двух состояниях, которые легко переходят одно в другое: «общинно-кочевое» и «военно-кочевое». К последнему состоянию он относит монголов эпохи завоевательных войн Чингис-хана и другие «империи» кочевников.

Принимая тезис о племенном строе у кочевников, при котором основу составляют объединения типа территориальных общин (общин «спутников»), мы не можем согласиться с другими взглядами на этот вопрос С. Е. Толыбекова. Конечно, у кочевников не было той формы феодальной собственности на землю, которую знали оседлые народы. Но у них, в силу их кочевнического хозяйства, собственность на землю осуществлялась через управление кочеванием. И в этой форме собственность на землю фактически существовала, но скрытно, в неявной форме, в виде закрепления пастбищ и целых районов за теми или иными кочевыми коллективами. Вначале распределение пастбищ и установление кочевых маршрутов, которые были формой выражения собственности на землю, складывались у кочевников стихийно, вольнозахватным способом. «... Аулы каждой родовой группы не потому кочевали одними и теми же путями и зимовали по соседству, что эти пути и зимние пастбища были когда-либо и кем-либо указаны, разграничены и закреплены, а потому, что каждый аул придерживался тех кочевых путей и остановок, где он мог скорее встретить своих ближайших родственников»[38]. Но позднее пастбища стали распределяться ханами и знатью, именно они стали указывать маршруты и зимовки[39]. А это и было переходом от общинной собственности на землю с ее вольнозахватной формой к своеобразной монополии верхов общества на землю, конечно, в завуалированной, но в характерной для феодализма иерархической форме.

Перераспределение этих пастбищ между кочевыми общинами, осуществляемое ханами и кочевыми беками принудительно, и было

---

[38] С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв., стр. 121.

[39] Существуют многочисленные этнографические примеры, подтверждающие это: «Некоторые феодалы имели до десяти и более зависимых от них пастбищных кочевых групп, за которыми, как за обычными родовыми подразделениями закреплялись определенные пастбища... Башкирские феодалы раздавали скот на выпас зависимым сородичам; в этом случае родовое подразделение сохранялось, но его стадо состояло уже из скота бая. Аймак продолжал кочевать на своих традиционных кочевьях со скотом феодалов. Феодальная верхушка башкирского общества устанавливала ... фактическую собственность на огромные земельные вотчины, которыми она распоряжалась в силу существования патриархально-родовых традиций» (Р. Г. Кузеева, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. Сб. «Археология и этнография Башкирии», т. I. Уфа, 1962, стр. 208). О феодальной собственности у кочевников на землю, реализуемой как право регулировки кочевания, см. В. В. Трубецкой. Бахтияры. М., 1966, стр. 33, 154; М. Вяткин. Казахское общество в середине XVIII в. «Изв. Казахского фил. АН СССР», 1940, т. IV, стр. 5; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, стр. 70 и сл., стр. 464—469. О распределении ханом кочевых территорий у ногаев в XVI в. см. ПДРВ, 1793, т. VIII, стр. 170; в «Тарихи Абу-л-Хаир-хани» Мас'уда (XVI в.) сообщается, что казахский хан пожаловал в удел батырам и биям захваченные земли (см. С. К. Ибрагимов. «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана. «Тр. ИИАЭ КазССР», 1960, т. 8, стр. 146).

формой реализации монопольного права на землю со стороны социальных верхов. Об этом известно С. Е. Толыбекову, но замаскированность такой формы собственности на землю приводит его к неправильному отрицанию существования собственности на землю у кочевников вообще. Систематические перераспределения земли внутри общины, неустойчивость границ территориальных владений, верховная номинальная собственность государства или хана на землю, наличие свободных земель — все это явления, возможные и бытовавшие в феодальных оседлых государствах, лишь усиленные в степи кочевым скотоводством, как бы консервирующим архаические черты общественного строя. Улусная степная общественная система Золотой Орды дает нам пример сословно-иерархического владения землей, своеобразных степных бенефициев, а позднее — феодов.

«Чингис-хан упорядочил перекочевки, выделил для каждой военно-политической группы определенные пастбища. Но сделано это было не с целью закрепления пастбищ за предводителями, а для укрепления военной организации, которую могли нарушить беспорядочные перекочевки и возможные столкновения из-за пастбищ, — пишет Г. Е. Марков. — Потому-то сложение монгольской империи не привело в степи к изменению форм собственности на основные средства производства».

Но чем была деятельность Чингис-хана по упорядочению монгольского общества, как не юридическим оформлением иерархических отношений, установившихся в ходе объединительных войн внутри Монголии и завоевательных войн вне ее? Что такое улусы, тьмы, тысячи, сотни, как не кочевые «бенефиции», выданные на условиях военной службы? Что такое дисциплина в войсках Чингис-хана, как не стеснение свободы рядовых кочевников, попавших в зависимость от своих военачальников-сеньоров: тысячников, темников-беков, улусных держателей-ханов? Что такое принудительное перераспределение старых пастбищ, руководство со стороны монгольской аристократии кочеванием как монгольских, так и захваченных половецких или черноклобуцких кочевых групп, переселение их в новые места и на новые земли, как не перераспределение земель, скота и зависимых людей?

Более правильной чем концепция С. Е. Толыбекова представляется нам точка зрения С. З. Зиманова на кочевой феодализм в Казахстане XIX в. [40].

С. З. Зиманов показал, что феодальные отношения у кочевников не могли основываться только на собственности на скот, который был и у богатых и у бедных, и не был, таким образом, в монопольной собственности у аристократии. Аренда скота была мало распространена.

Возникновение в кочевническом обществе Дешт-и-Кыпчак сословной монопольной феодальной собственности на землю пусть в весьма завуалированной форме связано именно с насильственным перераспределением завоевателями степи, шедшим вразрез с ее традиционной племенной структурой. Именно отношения экономического принуждения и личного подчинения характеризуют феодальную собствен-

[40] См. С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; его же. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников. ВИ, 1955, № 12; его же. Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960; С. Зиманов и А. Еренов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. «Тр. Алма-Атинского юридического института», 1955, вып. 1; см. также А. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.

ность на землю. Сущность феодальной собственности на землю — это в первую очередь власть над людьми, живущими и работающими на ней. Система социального устройства монголов при Чингис-хане была основана на подчинении массы кочевников поставленному над ними нойону — военачальнику. Военно-административное членение степи, введенное монголами, оформило этот процесс перераспределения земли.

Нечто сходное рисуют В. Ф. Шахматов и С. Е. Толыбеков для казахского кочевого общества в XIX в., когда русская администрация способствовала расчленению степи на округа-владения и превращению хана и его родственников-беков в владельцев пастбищ. Этот процесс сопровождался оседанием беднейшего слоя кочевников, но только этим он не исчерпывался, а имел еще и другую сторону — превращение кочевой аристократии в членов новой администрации и одновременно в монопольных сословных владетелей учрежденных новых округов [41].

Именно это содержание процесса развития феодализма у кочевников и обусловливает оседлость части знати, превращение ее в прослойку администрации, что способствовало возникновению городов — сначала как ханских резиденций и центров управления, а затем как центров торговли и ремесла. Рост «жатачества», — бедняцкой разорившейся массы, вынужденной на зимовках переходить к оседлости, не приводил к образованию городов, как это показала половецкая степь домонгольского периода; он не разрушал существовавших тогда примитивных патриархально-феодальных отношений, во многом еще напоминавших строй военной демократии с племенным и родовым подчинением. Военное завоевание было толчком, приведшим к развитию феодализма в половецкой степи, к возникновению городов и феодальной государственности.

С. Е. Талыбеков неправильно считает, что такой взгляд на Золотую Орду означает теорию возникновения общественных отношений в результате насилия, т. е. возрождение взглядов Дюринга. Следует помнить, однако, что завоевание в большинстве случаев служило толчком для развития феодализма, для перераспределения земли. Оно было именно толчком, но не причиной, которой могло быть только внутреннее развитие общества по пути классообразования. Известно, что внутренние тенденции для того, чтобы из тенденции стать явлением, нуждаются в каком-то внешнем толчке.

Таким образом, коллективная форма собственности на пастбище у кочевников с течением времени наполнялась новым содержанием. Регулируя кочевание и размещение стоянок, кочевая знать получала преимущественное право на землю, получала возможность выделять своим стадам лучшие земли, устраивать свои заповедники [42]. Что это, как не монопольное право на землю, но ограниченное еще кочевой общиной, с которой знать не могла порвать и не могла не считаться? Преимущественное право знати на землю становится монопольным ее правом, когда знать противопоставляет себя общине. А это именно и происходит в период монгольского завоевания, когда старая половецкая знать уничтожается и замещается новой золотоордынской аристократией, отношения которой с кочевыми общинами старого населе-

---

[41] См. В. Ф. Шахматов. Внутренняя Орда.., стр. 43, 45 и сл.

[42] Об этом см. А. М. Васильев. Пуритане ислама? стр. 48; М. М. Эфендиев и А. И. Першиц. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов. ВИ, 1955, № 11.

ния Дешт-и-Кыпчак являются только отношениями вассалитета, подчинения, силы, администрирования.

Один из главных тезисов С. Е. Талыбекова и Г. Е. Маркова состоит в том, что без перехода к оседлости у кочевников невозможна феодальная собственность на землю, а следовательно, невозможен феодализм и феодальное государство. Конечно, переход к оседлости связан у кочевников с развитием резкой имущественной дифференциации, с возникновением классов и феодализма. Но кочевая знать дольше всех сохраняла кочевой образ жизни. Знать в большей своей части оставалась кочевой, что, как показывает пример Золотой Орды, не мешало ей быть феодальной по существу, быть владетелем, держателем кочевого феода, в котором она и осуществляла монопольную собственность на землю, распределяя и перераспределяя пастбища и юрты.

С течением времени эти феоды или кочевые бенефиции объединяют и кочевья, и оседлые земли. Но в Золотой Орде городские и сельскохозяйственные районы Дешт-и-Кыпчак сосуществовали с кочевой степью, будучи связаны с ней главным образом политически, входя в единую государственную систему, но составляя два совершенно разных культурных и экономических мира. Оседлость в Золотой Орде (если исключить ее периферию: Русь, Крым, Болгары и т. д.) была городской в городах, наскоро построенных ханами. Половцы, заселявшие степи до монголов, получили оседлость из рук ханов, а вместе с ней и чуждую им эклектическую культуру. Протекавший в половецкой степи в XII — начале XIII в. медленный процесс перехода к частичной оседлости сам по себе не мог привести к развитой феодальной структуре и городской оседлости. В XIII в. он был болезненно прерван монгольским завоеванием. Именно из рук завоевателей половцы получили улусную систему, феодальную по своему существу, и городскую оседлость.

То, что Золотая Орда сложилась в результате войн и завоеваний, обусловило разорение части половцев, лишение ими стад и переход к оседлости в быстро выросших новых ханских городах[43]. Последние были выражением характерного для кочевников явления: грабительские набеги на оседлых соседей приводили к тому, что пленных ремесленников-рабов сажали в каких-либо районах, главным образом во владениях ханов, где они создавали колонии, снабжавшие кочевую аристократию продуктами земледелия и ремесла[44]. Таким образом, оседлость в Золотой Орде возникла не столько как условие перехода к государственности, а как следствие возникновения деспотического государства Чингизидов и Джучидов.

Ответом на концепцию Г. Е. Маркова была серия статей Л. П. Лашука, в которых весьма убедительно рисовалась схема развития феодальных государств у кочевников через три стадии-структуры: 1) родоплеменные организации первобытнообщинного типа; 2) «большие племена», или улусы, знаменовавшие собой строй предфеодальный, переходный от военной демократии к государству, структуре, в кото-

---

[43] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, гл. V и VI. М., 1966; его же. Кочевники Восточной Европы в X—XIV веках. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1966, стр. 11 и сл.; В. Л. Егоров. Причины возникновения городов у монголов XIII—XIV вв. «История СССР», 1969, № 4.

[44] См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 261—262; его же. Тирания Абруя. ИЗ, 1938, № 3, стр. 50.

рой усиливается один аристократический род, развивается хищническое авторитарное управление большой конфедерацией племен с главной целью — войной; 3) государства кочевников, в которых улус, «большое племя» превращается в феодальное держание, а родственные связи уступают место территориальным [45].

Противником конструирования «кочевнической формации» выступила и Л. Л. Викторова, сделавшая попытку нарисовать конкретную картину перехода монголов к классовому и государственному строю. Она показала резкое различие улусного строя и родового первобытно-общинного строя, при котором никакой «обратимости» социально-исторического развития общества быть не может. Большое значение для нас имеют взгляды Л. Л. Викторовой на древнемонгольские города, возникшие как административные центры в ставках ханов и затем переросшие в центры сосредоточения рабов-ремесленников, где, в противоположность Европе, Передней и Средней Азии, «отделение ремесла от земледелия носило искусственный, насильный характер» [46].

Большой интерес для нашей темы представляет дискуссия между С. А. Плетневой, с одной стороны, и Л. Н. Гумилевым и И. Эрдейи — с другой. В своей книге «От кочевий к городам» С. А. Плетнева считает постепенный переход к оседлости значительной части кочевников необходимым условием возникновения у них государственности. Л. Н. Гумилев и И. Эрдейи полагают, что возможно «принудительное» возникновение городов под действием политического насилия. Сосуществование двух стихий в рамках одного государства и возникновение государства, в котором преобладают номады, ими признается также возможным. Но при этом отрицается наличие у кочевников феодальных отношений, что мы считаем неправильным. Тезис Л. Н. Гумилева о вечной борьбе «орды» и «племени» и сосуществование их в «эле», т. е. в кочевой империи, сосуществование, возможное и при военной демократии, и при рабстве, и при феодальных институтах — также неверен, на что правильно указала С. А. Плетнева. Весьма искусственная параллель, проводимая Л. Н. Гумилевым, между отношениями «орды и племени» и отношениями феодального европейского «замка и города», также вызывает возражения [47].

Разработка проблем, связанных с выявлением характера общественного строя у кочевников, велась на различных конкретно-исторических материалах: привлекались для рассмотрения общественные системы алтайских тюрок I тысячелетия н. э., казахов XVI—XVIII вв., турок XV—XVII вв., монголов XII—XVII вв. Такой яркий эпизод в истории кочевников и их социального строя как общественный строй Золотой Орды при изучении социального строя номадов привлекался очень мало или совсем не привлекался. Да и в самой историографии Золотой Орды, которая очень обширна и излагать которую в целом здесь нет необходимости, мы найдем очень мало работ, где исследовался бы социальный строй кочевых народов в составе Золотой Орды, ставился бы вопрос о феодализме в Золотой Орде.

---

[45] См. Л. П. Лашук. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников. СЭ, 1967, № 4; его же. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов. СЭ, 1968, № 1.

[46] Л. Л. Викторова. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», т. 1. М., 1968, стр. 574.

[47] См. С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967; Л. Н. Гумилев, И. Эрдейи. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века. «Народы Азии и Африки», 1969, № 3; ответ С. А. Плетневой см. СА, 1970, № 3.

История изучения общественного строя Золотой Орды

В первой большой работе по истории Золотой Орды, принадлежащей перу И. Хаммера-Пургшталля [48], почти совсем не была затронута тема общественного устройства в Улусе Джучи. В 1850 г. вышла статья И. Д. Беляева «О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках» [49]. Автор статьи ставил перед собой задачу изучить общественную и административную структуру Золотой Орды, однако сделал это неудачно, привлекая очень ограниченный и недостоверный материал, в том числе подложный ярлык Узбека митрополиту Петру.

Попытку конкретного анализа общественного строя собственно Золотой Орды предпринял И. Н. Березин. Его переводы и комментарии ярлыков, увенчавшиеся большим исследованием внутреннего строя Золотой Орды, были для своего времени прогрессом. Но И. Н. Березин дал анализ не социального строя, а государственного аппарата Золотой Орды, который он рассматривал, исходя из понятий и представлений сословно-чиновничьего строя России середины XIX в. И. Н. Березин попытался дать своеобразную золотоордынскую «табель о рангах».

В соответствии с распространенными в его время взглядами, И. Н. Березин видел в Золотой Орде сосуществование, своеобразный симбиоз двух стихий — оседлой, культурной, цивилизованной и дикой, кочевой, неорганизованной, разрушительной. Согласно И. Н. Березину, идеи Чингис-хана «о мировом, упорядоченном строгой регламентацией государстве» разбились, как иллюзия, из-за несовместимости кочевого быта и оседлой городской культуры. Вместе с тем дикость и патриархальность кочевников способствовали «блаженному состоянию народной нравственности» — писал И. Н. Березин [50]. Далее он писал: «Золотая Орда представляет весьма любопытное явление как соединение двух крайних полюсов общественного развития — кочевого быта и государственных форм. С одной стороны, вы видите здесь массу подвижного и грубого населения, переходящую в кибитках с места на место, сообразно временам года со всеми условиями кочевого быта: обилием стад, звероловством и другими атрибутами кочевника; с другой стороны, находите вы здесь государя с многочисленным двором, вроде государственного уложения, развитие центральной власти до самых низших ступеней, систему государственных доходов, несколько огражденное право собственности и многое другое, что совместимо лишь с известным развитием идеи государства. Положим, что все эти учреждения находятся еще в зародыше, что в целом господствует не-

---

[48] J. Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldenen Horde im Kiptschak, das ist der Mongolen in Rußland. Pest. 1840. Известно, что сочинение И. Хаммера было представлено на конкурс 1832 г. и отклонено Русской Академией наук как весьма поверхностное и небрежное исследование. Ошибок у И. Хаммера действительно было много. Хорошую характеристику этой книге с точки зрения оценки анализа социальных отношений, существовавших в Золотой Орде, дал И. Н. Березин: «В этом сочинении автор посвящает целую пятую главу (стр. 182—247) политическому устройству монголов, но едва ли есть возможность воспользоваться чем-нибудь в этой главе ...Г. Гаммер так перемешал разнородный государственный и общественный склад монголов в Китае, Персии, на Волге и в других местах, что почти невозможно в этой амальгаме отделить характеристику золотоордынского устройства, составлявшего главный предмет книги г. Гаммера. Кроме того, нельзя пройти молчанием и неумение автора пользоваться указаниями источников и относиться к самим источникам критически» (И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. ТВОРАО, 1864, т. VIII, стр. 394).

[49] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. I. М., 1850.

[50] См. И. Н. Березин. Ук. соч., стр. 416.

который хаос, очень далекий от гармонии государственного строя, но при тех невыгодных условиях, которыми было обставлено существование Золотой Орды, и такое проявление государственного склада немало изумительно. Если бы имелось достаточно материала для того, чтобы проследить все фазы общественного и политического развития Золотой Орды, то эта работа могла бы представить постепенный процесс государственного образования, подобно тому как Вильгельм Гумбольдт изобразил картину образования человеческой речи»[51].

В свойственных для его научной среды идеалистических тонах, И. Н. Березин поставил вопрос об изучении этого сосуществования кочевой стихии Золотой Орды и оседлого городского населения — главного носителя централизаторских тенденций. Проследить фазы развития этого сосуществования как одной из главных особенностей социального строя Золотой Орды и является нашей задачей.

Исследования И. Н. Березиным внутреннего строя Золотой Орды свелись, главным образом, к выяснению по ярлыкам роли и функции различных чиновнических должностей, к изучению государственного аппарата. Кочевая стихия И. Н. Березину представлялась неорганизованной, аморфной. В работах И. Н. Березина господствовала мысль, что государственный централизм и его аппарат был для кочевого населения и кочевой степи чем-то чуждым, поверхностным. И. Н. Березин считал, что государственная организация была привнесена в аморфную кочевую стихию Чингис-ханом. А между тем и кочевая масса не была аморфной, а имела свою особую социальную организацию, и Чингис-хан и его потомки вовсе не несли с собой ту систему государственного управления, которую изучал И. Н. Березин. Последняя сложилась в процессе частичного слияния монгольской аристократии и торгово-ремесленной верхушки золотоордынских городов.

Работы И. Н. Березина были с интересом встречены русской общественностью и интеллигенцией тюркских народов России. На них откликнулся Ч. Ч. Валиханов, писавший о том, что Джучидский улус не имел другого государственного аппарата, кроме свиты хана, был лишен правильного административного устройства[52]. Одновременно с И. Н. Березиным работы по изучению внутреннего строя в Золотой Орде вел Г. С. Саблуков[53]. Но его исследования дали мало и в области идей, и в области фактов по сравнению с трудами И. Н. Березина.

Как своеобразную проекцию родо-племенной, патриархальной власти, имевшую место внутри кочевых групп, на всю империю, где она становится ханской властью, рассматривал монгольское государство Ф. Ф. Лашков — исследователь аграрных отношений в Крыму после монгольского завоевания[54]. Образование империи, по его мнению, не нарушило патриархально-родового быта, который проявился в общности скота. Но при этом Ф. Ф. Лашков отмечал наличие постоянных дружин при ханах со строгой дисциплиной, утверждал, что в этом обществе было рабство, деньги, служилое сословие. В Золотой Орде государственная власть больше чем где бы то ни было среди монгольских держав выделилась, по мнению этого исследовате-

[51] И. Н. Березин. Ук. соч., стр. 479—480.

[52] См. Ч. Ч. Валиханов. Письмо профессору И. Н. Березину. Заметки при чтении книги проф. И. Н. Березина «Ханские ярлыки». Ч. Ч. Валиханов. Соч., т. I. Алма-Ата, 1961.

[53] См. Г. С. Саблуков. Очерк внутреннего состояния Кыпчакского царства. ИКУ, 1895, т. VII.

[54] См. Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1893—1896, № 21—24.

ля, из институтов обычного права. «Но, — пишет Ф. Лашков, — Золотая Орда осталась кочевой монархией, любопытное соединение двух элементов — кочевого быта и государственных форм, почему и сохранила нерушимым главные принципы патриархального строя. Так родовое старейшинство продолжало пользоваться прежним значением. Одни из родоначальников были правителями отдельных областей, другие занимали высшие места в иерархической лестнице чинов, третьи составляли курилтай, причем последний пользовался, конечно, большим влиянием на общий ход дел, чем при Чингис-хане» [55].

Во взглядах Ф. Ф. Лашкова чувствуется сильное влияние концепции И. Н. Березина, доведенной до признания противоречивости кочевого быта государственному строю.

Из патриархального быта выводит Ф. Ф. Лашков и формы землевладения в Гиреевском Крыму.

Продолжатель работ Ф. Ф. Лашкова Г. Ф. Блюменфельд [56] ищет в золотоордынской кочевой эпохе зародыши поземельных отношений в Крыму. Распределение ханом пастбищ не принимается им за реализацию феодальной сословной собственности на землю. Право собственности на всю землю, по Г. Ф. Блюменфельду, принадлежит только хану. Распределение пастбищ совершается им в зависимости от потребности и степени старшинства рода, что вызывало неравенство в этом распределении, которое автор объясняет не волей начальства, а местом данного кочевого коллектива в генеологии родов. Таким образом, само это распределение пастбищ между кочующими родами и семьями есть не проявление и реализация монопольной собственности хана и кочевых феодалов, а регулировка со стороны ханов общинного, племенного, родового землепользования. По Г. Ф. Блюменфельду, бей — не кочевой феодал из аристократического рода, получившего в качестве феода земельное кочевое владение, а племенной старейшина, представитель племенной знати, доросший «естественным путем», в результате обогащения и округления владений племени, до положения бека-правителя и владельца целого округа. «Хан, — пишет Г. Ф. Блюменфельд, — естественный продукт того самого быта (племенного. — *Г. Ф.-Д.*), который породил и беев. Хан тот же бей, только с еще более развитыми чертами государственной власти». Таким образом, как и у Ф. Ф. Лашкова, процесс феодализации и образования государства рассматривался как развитие общинного строя.

Дореволюционная татарская историческая наука очень мало внимания уделяла анализу социального строя кочевого общества в Золотой Орде, его структуры. Это можно сказать о важнейшем ее представителе — Марджани, изучавшем главным образом политическую историю Золотой Орды, генеалогию ханов и их борьбу.

В советское время резко повысился интерес историков к общественному строю и экономике Золотой Орды. Первые попытки исследования в этом направлении отличались необоснованным социологизмом. Так, в работах Ф. В. Баллода на основании весьма поверхностного изучения золотоордынских городищ делались окончательные и далеко идущие выводы о социальной структуре и топографии золотоордынского города [57].

---

[55] Ф. Ф. Лашков. Ук. соч., № 21, стр. 86.

[56] См. Г. Ф. Блюменфельд. Крымско-татарское землевладение (историко-юридический очерк). Одесса, 1888.

[57] См. Ф. Баллод. Приволжские Помпеи. М.—Пг., 1923; его же. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1923.

Долгое время не обращалось внимания на анализ структуры кочевого общества в Джучидском государстве, хотя еще в 1936 г., рецензируя книгу Б. Я. Владимирцова, А. Ю. Якубовский поставил задачу в ближайшее время «разрешить вопрос о структуре кочевой части Золотой Орды» [58]. Но А. Ю. Якубовский основное внимание уделил золотоордынскому городу и его взаимоотношениям со степью. Его мысли о синкретичности золотоордынской культуры, об использовании золотоордынскими ханами труда подневольных мастеров, о причинах быстрого развития городов в Золотой Орде и Поволжье и их упадка являются очень важными для нашей темы. В работах А. Ю. Якубовского наметился марксистский подход к теме. Хоть и не выполнив задачу написать историю общественных отношений в кочевой части Золотой Орды, он тем не менее определил в значительной мере подход к этой проблеме. Ему мы обязаны представлением о кочевом обществе в Золотой Орде, как обществе феодальном, использованием для его характеристики ярлыков золотоордынских ханов. В его трудах мы найдем и очерк общественного строя в степях монгольской империи в XIII в., и описание борьбы кочевой знати и оседлой верхушки в XIII в., и проникновение монгольской знати в города в XIV в., и анализ феодальной смуты в 1360-х годах XIV в. и в XV в. [59].

Существенное значение для нас имеет книга А. Н. Насонова «Монголы и Русь» [60]. Описание двух военно-политических центров в степях Золотой Орды в конце XIII в., исследование соотношения власти Джучидов и каракорумской администрации в XIII в., множество отдельных верных наблюдений над внутренним строем Золотой Орды — все это было крупным вкладом А. Н. Насонова в дело изучения собственно Улуса Джучи, хотя книга его касалась монгольской политики на Руси.

Советские историки разработали тезис, высказанный еще В. В. Бартольдом, о противоборстве двух тенденций среди монгольской аристократии в XIII в., выразившемся в борьбе, с одной стороны, кочевой знати, а с другой — знати, стремившейся к связям с оседлыми областями. Существенное значение имеют исследования общественного строя в Хулагуидском Иране и Азербайджане и в Джагатаидской Средней Азии, хотя они касаются главным образом общественной структуры оседлого сельского населения [61].

В 1947 г. была защищена диссертация Г. М. Валиахметовым по теме «Общественно-политический строй Золотой Орды». Автор стоит на позициях признания существования кочевого феодализма в духе Б. Я. Владимирцова и характеризует общественный строй Золотой Орды как систему феодальных держаний — улусов.

---

[58] А. Ю. Якубовский. Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды. Исторический сборник, т. V. М.—Л., 1936, стр. 310.

[59] См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950. Эта книга подвела итог многолетним работам и целому ряду статей А. Ю. Якубовского по золотоордынской тематике. Существенный недостаток исследований А. Ю. Якубовского в области социального строя Золотой Орды заключается в том, что он из-за недостатка сведений по истории собственно Золотой Орды переносит сообщения о Хулагуидском и Джагатаидском Иране на Улус Джучи.

[60] См. А. И. Насонов. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.—Л., 1940.

[61] См. И. Н. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960; Л. В. Строева. Борьба кочевой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV века. Сб. «Памяти И. Ю. Крачковского». Л., 1958.

Ряд важных мыслей о социальном строе был высказан в работе М. Г. Сафаргалиева о распаде Золотой Орды [62]. Кочевой феодализм в Золотой Орде привел к развалу единого государства, который убыстрился в результате борьбы русского народа и походов Тимура в конце XIV в. Этот процесс и анализирует М. Г. Сафаргалиев. Его исследование посвящено главным образом XV в., хотя в нем затрагиваются и вопросы истории XIV в. Эта книга выгодно отличается от некоторых других работ, посвященных истории народов и государств, образовавшихся после распада Золотой Орды. Население Дешт-и-Кыпчак в XV в. трансформировалось в новые кочевые образования: узбеков, ногайцев, казахов и др. Историки этих народов начинают исследование с середины XV в., и важнейший этап в истории кочевников — XIV век — остается в кратком предисловии. В книге М. Г. Сафаргалиева в соответствии с теми задачами, которые ставил перед собой исследователь, основной упор делается на политическую историю Золотой Орды.

Для работ А. Ю. Якубовского и М. Г. Сафаргалиева характерно изучение фактов политической истории Золотой Орды как отражения определенных социальных закономерностей развития феодального строя.

Иной подход к историческим явлениям найдем мы у современного немецкого историка, занимающегося изучением Золотой Орды, Б. Шпулера [63]. В своей книге он исходит из отвлеченной схемы борьбы двух различных начал в Восточной Европе: «мусульманской культуры и духа» с «христианской русской культурой», в которой мусульманство одержало победу и не дало возможности сблизиться Руси и кочевникам. Автор считает, что монгольское завоевание изменило русских людей, «модифицировало русскую натуру». Книга насыщена фактическим материалом, но остается все же компиляцией. Б. Шпулер рисует Джучидское государство не в развитии, а как застывшее явление истории. Отсутствие периодизации истории Золотой Орды приводит Б. Шпулера к тому, что развитие политической истории в его изложении теряет какую-либо внутреннюю логику и отрывается совершенно от истории развития общественных отношений. В результате даже такие кардинальные вопросы в истории Золотой Орды, как распространение ислама, объясняются им не развитием связей монгольской аристократии с верхушкой мусульманской городской знати и купечества, а внешнеполитическими причинами — связью с мамлюкским Египтом, борьбой с христианской Русью и т. д.

Характерно, что описанию общественных отношений Б. Шпулер уделил всего десяток страниц в своем содержащем несколько сотен страниц исследовании. Такие социальные явления, как ленные владения (суюргал) и т. п., рассматриваются только формально, с правовой точки зрения и безотносительно к тому, в какой период они развились в истории Золотой Орды.

Однако было бы ошибкой считать, что современная буржуазная историография не проявляет интереса к социальной истории Золотой Орды. Эти вопросы затронуты, например, в статье израильского востоковеда А. Н. Поляка о золотоордынском феодализме. В работе «Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе» [64] он посвящает этой проблеме целый раздел.

---

[62] См. М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

[63] B. Spuler. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223—1502. Leipzig, 1943; II ed — Wiesbaden, 1965.

[64] Сб. «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». М., 1964.

Рассматривая параллельно феодальную систему мамлюкского Египта и Золотой Орды, исследователь видит в них много общего: военно-феодальный класс концентрируется в городах-лагерях, где обслуживается рядовым населением, сведенным на положение рабов или полурабов; представители военно-феодального класса сами участвуют в организации ремесла и торговли в городах, а аграрное население, прикрепленное к земле, эксплуатируют при помощи таких институтов, как «икта». В Золотой Орде контроль класса феодалов над экономикой городов был особенно силен, по мнению А. Поляка, так как здесь была осуществлена экономическая регламентация и переписи. А. Н. Поляк признает существование сильной власти необходимым условием единого государства, его жизненности и видит в ослаблении централизации причину полного распада Золотой Орды. Золотоордынский феодализм А. Н. Поляк характеризует как «загнивающий» и не создавший возможности перехода к высшему общественно-экономическому строю. В тех случаях, когда характеристики А. Н. Поляка и верны, их нельзя приложить ко всему периоду существования Золотой Орды. Возможно, города в Золотой Орде вырастают как сосредоточение кочевой аристократии, переходящей к городскому образу жизни, эксплуатации ремесла и торговли и управлению государством, хотя это А. Н. Поляку следовало бы обосновать. Но при этом явственно наблюдается процесс образования типичной для средневековых городов прослойки ремесленного плебса. Институт «икта» или сходные социальные формы возможно и были в первый период существования Золотой Орды. Но с конца XIV в. мы можем проследить процессы, ведущие к образованию больших кочевых феодов, включающих и города, и аграрные районы с возросшим иммунитетом, в которых ленное владение и управление провинцией по сути сближаются (институт «суюргал»). Оценивая работы А. Н. Поляка, мы должны отметить их как пример возросшего в последнее время интереса к социальной истории Золотой Орды в буржуазной историографии, далекой от марксизма и вместе с тем указать на скудость фактической базы в исследованиях этого автора, приводящей к тому, что его построения в значительной степени остаются умозрительными схемами. А. Н. Поляк во многом исходит из гипотезы об однотипности развития Золотой Орды и мамлюкского Египта, что неправильно и методологически, и фактически [65]. Вместе с тем нельзя не отметить его тенденцию к модернизации истории, стремлению освещать политические и социальные явления прошлого с точки зрения сегодняшней политики и современных социальных явлений.

Определенный интерес к социальному строю Золотой Орды мы находим и в работах турецких историков, посвященных главным образом ярлыкам золотоордынских ханов. Однако это в большей степени публикации и терминологические комментарии, а не исследования общественного строя Золотой Орды [66].

[65] В более ранней своей работе А. Н. Поляк всю феодальную систему мамлюкского Египта («икта») объясняет влиянием Золотой Орды. Не имея подробных данных об аграрных отношениях в Улусе Джучи, А. Н. Поляк неправильно сопоставляет совершенно разные явления социального строя Египта XIV в. и России XVI в., видя в опричнине Ивана IV аналогию военно-феодальным отношениям в Египте при мамлюках (A. N. Poliak. Le caractére colonial de l'État mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or. Revue des études islamiques, 1935, IX, p. 238).

[66] A. O. Hasan. Timir Qutlug jarligi. Türkiyāt Megmū'asy 3, 1935, № 33; A. N. Kurat. Topkapi Sarayi Müzesi Arşivindeki, Altin Ordu, Kirim ve Türkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler. Istanbul, 1940; A. N. Kurat. Kazan hanligini kuran Ulug Muhammet Hanin yarligi. Edizne ve yöresi eski eserleri sevenler kurnonu yayinlarindan, № 2. Konstantinopole, 1937.

Оценка последствий монгольского завоевания

В тесной связи с исследованием общественного строя Золотой Орды стоит и вопрос об оценке последствий монгольского завоевания для покоренных народов. Д'Оссон в свое время нарисовал картины «кровавых раздоров», гибели и бедствий масс народа под страшной властью монголов. Это вызвало возражения со стороны А. Ремюза [67] и других исследователей, а потом и В. В. Бартольда, которые не видели в монголах особо жестоких грабителей и угнетателей. Для В. В. Бартольда было характерно представление о монгольском завоевании как о явлении, способствовавшем развитию торговли, культуры, организации больших государств и обеспечившем контакт Запада и Востока.

Впоследствии во многих исторических трудах различных ученых отрицательное отношение к монгольскому игу свелось к примитивному противопоставлению диких варваров-кочевников и культурных оседлых народов. С другой стороны, появилась литература, грубо вульгаризовавшая роль личности Чингис-хана, идеализировавшая монголов и их предводителя [68].

В русской историографии высказывались различные суждения о значении монгольского завоевания в истории Восточной Европы и Руси. Наиболее распространенным было мнение об отрицательной, реакционной роли нашествия монголов, хотя были и другие взгляды, например у М. Покровского. Следует отметить, что К. Маркс решительно определил историческую роль монгольского завоевания как реакционную: он писал, что оно не только подавляло, но и оскорбляло, иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Он указал на то, что «монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием» [69]. По словам К. Маркса, монголы стремились обращать людей в покорные стада, а плодородные земли и населенные местности — в пастбища.

Сейчас в советской исторической науке нет двух мнений по вопросу об отрицательных последствиях монгольского завоевания для оседлых народов, в частности, для населения Руси и Средней Азии. Нет нужды останавливаться на этом вопросе, детально разработанном советскими историками [70], которые дали критику различных концепций этой проблемы [71]. Известно, что русский народ был задержан на многие годы в своем развитии варварским вторжением войск монгольских ханов, которые ничего не принесли покоренным странам, кроме горя

---

[67] A. Rémusat. Sur l'histoire des Mongols. Nouveaux Mélanges asiatiques, v. I, 1929.

[68] Положительное влияние на Русь татарского ига и монгольского завоевания упоминавшиеся выше так называемые «евразийцы» и татарские эмигранты-националисты усматривали в том, что монголы спасли Русь от «латинского» Запада и насадили свою цивилизацию (П. Н. Савицкий), в том, что Русь переняла от татар культуру и военную тактику, которая помогла русскому народу разгромить Наполеона, а затем и Гитлера (Трубецкой, Б. Ишболдин), в том, что после монгольского завоевания Руси не надо было бороться со степью (Г. Вернадский). Б. Ишболдин считал, что Русь была аграрным придатком Золотоордынской империи, в которой производительная функция была сосредоточена в Хорезме, торговая — в Болгарах и Крыму (B. Ichboldin. Essays on Tatar History. New Delhi, 1964, p. 39).

[69] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 724.

[70] Из последних работ по этому вопросу см.: И. М. Майский. Чингис-хан. ВИ, 1962, № 5; Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингис-хан и его наследие. «История СССР», 1962, № 5.

[71] См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 247 и сл.

и разорения, а отняли очень много и сил, и средств, и человеческих жизней. Столетия татарской неволи — тяжелое историческое воспоминание покоренных монголами народов: русских, украинцев, народов Кавказа, Средней Азии и других. Агрессивные войны Чингис-хана и его потомков отрицательно сказались и на историческом развитии самих монгольских племен в Центральной Азии. Они подорвали силы монгольского народа, вызвали отлив людских масс и средств, способствовали развитию деспотического реакционного феодально-военного режима.

Такая отрицательная оценка монгольских завоеваний в целом не снимает необходимости тщательного исследования этой эпохи, дифференцированного подхода к роли монголо-татар для развития общества в оседлых и в кочевых землях. Жертвами монголов были и оседлые районы с сельскохозяйственным и торгово-ремесленным городским населением, и кочевники, вроде черных клобуков и половцев. И те и другие боялись монголов, боролись с ними, страдали под их властью. Но последствия монгольского завоевания были разными для этих двух категорий завоеванного населения. Для оседлого населения Руси, Кавказа, Средней Азии последствия монгольского нашествия были несравнимо более тяжелыми, да и борьба этого населения против войск монгольских ханов была несравнимо более ожесточенной, упорной. Русские люди действительно спасли Европу от монголов, обескровили и измотали войска Бату, Менгу и других ханов. Кыпчаки же только время от времени нападали на монголов, доставляя им хоть и серьезные, но временные, случайные неприятности.

Монгольское завоевание привело к различным последствиям в историческом развитии в оседлых завоеванных землях и в степях. Вопрос об этом еще не ставился в литературе. А вместе с тем важность его очевидна. В оседлых землях на Руси продолжалось развитие тех феодальных отношений, которые сложились еще в XII в. В степях же, в среде номадов, принесенный монголами общественный строй нашел свое непосредственное приложение. Там создался некий синтез, который мы и исследуем ниже как особый вариант «кочевого феодализма».

ГЛАВА I

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ОТНОШЕНИЙ МОНГОЛОВ И ПОКОРЕННЫХ НАРОДНОСТЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Последствия монгольских завоеваний у оседлых и кочевых народов

Рассматривая взаимоотношение производства и исторического развития вообще, К. Маркс писал: «Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)»[1].

Эта формула К. Маркса обычно фигурирует при исследовании последствий монгольского завоевания во многих современных работах советских историков. Случай, когда завоеватель (в данном случае монголы) оставляет старый способ производства и довольствуется данью, может быть отнесен к судьбе тех оседлых племен и народов, которые в середине XIII в. оказались в составе Золотой Орды.

В эпоху монгольского завоевания те общественные системы, которые сложились к XIII в. на Руси, в Волжской Болгарии, Хорезме, Крыму, в мордовских землях и в ряде других оседлых областей, испытав страшное потрясение в момент нашествия и потеряв огромную массу производительных сил, все же выстояли, выжили, сохранились в основных своих чертах. На Руси власть монголов свелась к сбору дани. Если исключить прямые военные грабительские и карательные походы, то власть монголов над оседлыми народностями в большинстве ими покоренных земледельческих областей в конце концов оказалась опосредованной местной феодальной верхушкой[2].

На Руси власть монголов в XIII в. заключалась в сборе дани откупщиками и привела к созданию системы баскаческого контроля за деятельностью князей. Эта система в XIII в. была подчинена общеимперской власти, т. е. Каракоруму. Однако борьба русского населения против татар привела к тому, что уже в конце XIII в. налоги собирают не монгольская администрация и откупщики, а местные князья. Волжская Болгария по уровню общественного и экономического развития была очень близка к домонгольской Руси. Ряд свидетельств заставляет предположить существование между монгольской властью и болгарским населением какого-то промежуточного звена — местной

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 723—724.

[2] См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М., 1950, стр. 220—221; В. В. Каргалов. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968, стр. 154—163.

феодальной аристократии, князей. Эти князья, так же как и русские, едут за утверждением своей власти к золотоордынскому хану [3].

Следует отметить, однако, что власть золотоордынских ханов в Волжской Болгарии была впоследствии в XIV в. значительно более сильной и прямой, чем на Руси в это время.

По сообщению ал-Омари, местные цари имелись у черкесов и алан, так же как у русских [4].

Мы знаем со слов венгерских авторов XIII в. о мордовском князе который вместе со своим народом покорился монголам и, видимо, остался княжить в своей земле. О государях мордвы, примирившихся с татарской властью, писали западные авторы и русские летописцы [5]. Известен башкирский «государь», также находящийся под властью монголов [6]. «Туземные начальники, окружные владельцы» — князья оказывали монголам содействие на Кавказе и получали от них пожалования [7]. Так было на оседлой периферии Золотой Орды. Во многих оседло-земледельческих районах Средней Азии и Ирана в XIII в. власть монголов также была опосредована местными феодальными владетелями [8].

Иначе обстояло дело в основных — степных, кочевнических районах этого государства, заселенных по преимуществу половцами. Здесь местная аристократия была или уничтожена, или продана в рабство, или уведена в Центральную Азию. После событий середины XIII в. в источниках мы нигде не встречаем упоминания о половецких ханах,

---

[3] Например, в «Житии кн. Федора Смоленского»: «Начаша ходити русстии князи и болгаре в Орду ко царю отчин своих просити у царя на столованиа своа» (Великие Четьи-Минеи, сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869; см. также В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых. М., 1871, стр. 171—175). Существуют разногласия относительно того, к каким болгарам следует относить известия «Жития». Одни авторы, в том числе Н. М. Карамзин, а в наше время М. Г. Сафаргалиев, были склонны относить это известие к дунайским болгарам (М. Г. Сафаргалиев. Один из спорных вопросов истории татар. ВИ, 1951, № 7; его же. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 38). Другие считали возможным отнести известия «Жития» к волжским болгарам (С. М. Шпилевский. Древние города. Казань, 1877, стр. 163—167). Заметим, что вряд ли дунайские болгарские князья стали бы просить инвеституру у хана, так как политические границы Золотой Орды установились на западе примерно до устья Дуная. Упоминание болгар рядом с русскими князьями делает более вероятным, что имеются в виду болгары волжские (см. Х. Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. «Материалы по истории Татарии», 1949, вып. I, стр. 197; Г. А. Федоров-Давыдов. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке. «Вестн. Моск. ун-та», серия истории, 1965, № 6, стр. 50). В этом отношении интересно надгробие болгарского, как предлагает считать Г. В. Юсупов, князя, «эмира чтимого» с титулатурой «великий и знатный султан, помощник повелителей, эмир чтимый...» (Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, табл. 2, стр. 102). «Повелитель-эмир» — титул, который, по свидетельству ибн-Фадлана, носил еще Алмуш. Слова «помощник повелителей» говорят о его вассальной зависимости, быть может от ханов Золотой Орды или от каана.

[4] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 231.

[5] См. С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. ИА, 1940, т. III, стр. 85. В русских летописях упоминаются мордовские князья, участвовавшие в походах ханов (ПСРЛ, т. X, стр. 211; т. XI, стр. 27).

[6] См. С. А. Аннинский. Ук. соч., стр. 92.

[7] См. M. E. Dulaurier. Les Mongols d'aprés les Historiens Arméniens. JA, s. V, v. XI, 1858, pp. 460—463; К. Патканов. История монголов инока Магакия XIII в. СПб., 1871, стр. 18, 70, 85.

[8] «Помимо разделения Средней Азии между членами ханского рода, здесь, в противоположность Золотой Орде, еще в начале XIV в. был целый ряд местных династий домонгольского происхождения» (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 151). Этот тезис будет верным только в том случае, если принимать за Золотую Орду только Дешт-и-Кыпчак.

которые бы владели кочевым населением на правах феодальных держателей и получали бы инвеституру из рук монгольских правителей.

Половецкая степь не была окраиной Золотой Орды. Это были главные ее районы. Не случайно, что в ряде арабских и персидских источников Золотая Орда отождествляется с Дешт-и-Кыпчак, т. е. половецкой степью. Монгольские ханы в степях хозяйничали сами, не допуская местную аристократию к управлению.

Не следует, конечно, думать, что оседлые земли меньше пострадали от монгольского завоевания. Именно они были разграблены монголами, стремившимися превратить все завоеванные земли в большие «необитаемые пространства» — территорию для своих кочевий. Кочевники были значительно менее уязвимы для набегов татаро-монгольских отрядов, чем жители городов и деревень. Остановка лагеря монгольского нойона в оседлом районе означала гибель урожая, вытоптанные поля, угон ремесленников, грабеж домов, реквизицию скота и продовольствия.

Но кочевое население оказалось первоначально для монголов наиболее удобным и естественным объектом эксплуатации. Население оседлых районов они грабили, города и деревни превращали в выжженные пустыни, уводили в плен ремесленников. Тех, кто оставался, облагали тяжелой данью. Но в управление хозяйственной жизнью этих народов монголы почти не вмешивались. Города, сельскохозяйственные районы не только периферийных районов, но и расположенных в окружении кочевой степи, попадали под двойной гнет местной и монгольской кочевой знати. Но непосредственным эксплуататором оседлых народов остались местные феодалы. Монголы-кочевники были далеки от оседлого феодального земледельческого и городского укладов и видели в населении деревень и городов лишь объект грабежа и плательщиков дани. В Восточной Европе монголы нашли бескрайние степи и кочевое население. К ним они могли применять те социальные формы феодальной эксплуатации, которые принесли с собой и которые созрели в монгольском кочевом обществе к концу XII в.

Наличие огромных степных просторов Дешт-и-Кыпчак, возможно, несколько ослабили стремление монгольской кочевой знати XIII в. отобрать у местной оседлой феодальной верхушки земли, чтобы использовать пашни и луга оседлого населения в качестве пастбищ для своего скота, как это имело место в Иране и Азербайджане [9].

Оторванность монгольской аристократии от управления оседлыми территориями

Оторванность улусной монгольской аристократии от управления оседлым населением, земледельческим и городским, сказалась в том факте, что сбор налогов производился иноземными откупщиками, а налоги шли в Каракорум [10]. Местная же монгольская кочевая аристократия довольствовалась обычно только частью поступлений с тех

---

[9] См. А. А. Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 135 и сл.

[10] А. Н. Насонов показал, что при Туракин и Гуюке подати с русских земель собирали откупщики, подчиненные Каракоруму (А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., 1940, стр. 11). Откуп налогов в Северном Китае был поручен мусульманскому купцу Абд-ар-Рахману (d'Ohsson. Histoire des Mongols, v. II. La Hay et Amsterdam, 1834, p. 189). Известно, что при Гуюке дача областей на откуп производилась в виде вознаграждения за поставки ко двору Великого Каана (d'Ohsson. Op. cit., pp. 265, 266). От Кубилая на Русь пришел упомянутый в летописи 1262 г. откупщик — «посол царев» Титяк-мусульманин с помощником Изосимом, также принявшим мусульманство (ПСРЛ, т. VII, стр. 163; т. X, стр. 143; А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 51).

оазисов, городов и оседлых районов, которые находились на территориях их кочевий.

Вопрос об организации власти и эксплуатации покоренных земель вызвал в среде Чингизидов острую борьбу. Наметились две линии. Одна группа Чингизидов стремилась сохранить кочевнический образ жизни и относилась к покоренным оседлым землям только как к объекту периодических грабительских походов. Другая группа монгольской аристократии, во главе которой стал каан Менгу, считала необходимым ограничить произвол завоевателей, дать возможность крестьянам и жителям городов накопить какое-то имущество, восстановить хозяйство с тем, чтобы они стали предметом постоянного систематического налогового обложения. Другими словами, представители второго направления монгольской аристократии понимали, что нужно дать временные льготы крестьянству, охранять их от грабительского произвола кочевой знати, управлять городами и земледельческими областями. Как показал И. П. Петрушевский, это не было выражением гуманного отношения к крестьянам и ремесленникам. Монгольская аристократия действовала в своих интересах, так как понимала, что налаживание мирной хозяйственной жизни — это единственный путь для создания в покоренных странах экономической базы, которую можно было бы им постоянно использовать [11].

Обстоятельства сложились таким образом, что кочевнические аристократические круги монгол в западных завоеванных землях (Золотая Орда, Иран, Средняя Азия) вначале выступали как сторонники первого направления. Лишь впоследствии во второй половине XIII в. монгольская аристократия Джучидского (например) улуса стала непосредственно управлять и эксплуатировать оседлые земли и города. Центр империи — Каракорум — и особенно каан Менгу через свою широко разветвленную администрацию и откупщиков проводил вторую линию.

Управление оседлыми оазисами общеимперской администрацией в бушующей кочевой степи при всех злоупотреблениях, насилиях и беззакониях ее многочисленных представителей все же позволило в этот период существования монгольской империи, в середине XIII в., провести ряд общих мероприятий по переписи населения, организации связи, некоторые меры по упорядочению денежного дела [12]. Проводниками всех этих общегосударственных мероприятий были даруги и баскаки. Вначале оседлые земли Средней Азии и Ирана (до Хулагу) управлялись правителями, подчиненными непосредственно великому каану, Каракоруму [13].

[11] Этой борьбе двух направлений посвящена большая литература: В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 263; А. Ю. Якубовский. Тимур. ИВИ, 1946, № 8—9, стр. 48—52; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 47 и сл.; Л. В. Строева. Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. Сб. «Памяти И. Ю. Крачковского». Л., 1958. Столкновение двух точек зрения, бытовавших в среде Чингизидов, на отношение к Китаю отмечено китайскими хрониками (Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829, стр. 153—154; Н. Ц. Мункуев. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965, стр. 18, 45). В западной историографии XIX в. наметилась совершенно неверная тенденция относить возникновение второго направления в политике Чингизидов только за счет влияния министра Елуй Чу-цая. По мнению Е. Блоше, Джучидский улус остался вне сферы влияния этого министра и был погружен в «невыразимое варварство» (E. Blochet. Introduction á l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. GMS, v. XII. Leyden — London, 1910, p. 217).

[12] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии. НЭ, 1960, т. II, стр. 134 и сл.

[13] Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 142; т. II, стр. 33, 46, 120, 150.

Баскаки и даруги

На Руси баскаки и даруги также были представителями именно имперского, а не улусного управления. А. Н. Насонов считал, что даруги были сборщиками налогов, а баскаки военным охранением. Ему возражает В. В. Каргалов, видевший в баскаках только контролеров деятельности князей [14]. Б. Шпулер считал даругов наместниками и управляющими в русских городах, а баскаков постоянными военачальниками [15]. Даруга — слово, восходящее, по мнению И. Н. Березина, к монгольскому глаголу даруху (давить); ту же этимологию имеет термин баскак: басу (тюрк.) — давить [16].

Баскак обычно осуществлял военное охранение [17]. Иногда к этой функции добавляется и функция управления, наместничества. Баскаки были и откупщиками налогов [18]. У Карпини роль «башафа» в Русских землях (т. е. баскака) представлена как своего рода роль надсмотрщика над вассальными монголам местными правителями, сообщавшего татарам о непослушании местных властей [19].

Баскаками были и правители (визири) Ирана — Аргун и Чин-Тимур [20]. А. А. Семенов, ссылаясь на сообщение Джувейни о баскаках Бухары, считает, что значение слова «баскак» не «давитель», а «охранитель», «опекун», «ханский наместник», и предполагает появление баскаков еще в домонгольское время [21].

Наиболее распространенное значение терминов «даруга», «дарухачи» — правитель, наместник, управляющий чиновник [22]. Палладий определяет функции даругов так: «Кроме общего надзора за ходом дел, по праву хранителя печати, дарухачи в провинциях имел еще другие обязанности или права..., а именно: 1) перепись жителей; 2) набор войска из туземцев; 3) устройство почтовых сообщений; 4) собирание податей и 5) доставление ко Двору дани» [23].

В Codex Cumanicus «баскак» («baskac») переведен на латинский как «управляющий» («rector»), а на персидский как «saana», очевидно,

[14] См. А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 11 и сл., 15; В. В. Каргалов. Ук. соч., стр. 154 и сл.

[15] См. B. Spuler. Die Goldene Horde. Wiesbaden, 1965, S. 338.

[16] См. И. Н. Березин. Внутреннее устройство Золотой Орды. СПб., 1850, стр. 10.

[17] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 205.

[18] ПСРЛ, т. X, стр. 162.

[19] «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 56.

[20] См. Рашид ад-Дин, т. II, стр. 46, 120; см. также т. III, стр. 242, 246; К. П. Патканов. История монголов по армянским источникам. СПб., 1873, т. I, стр. 41.

[21] См. А. А. Семенов. К вопросу о золотоордынском термине «баскак». «Изв. АН СССР», отделение литературы и языка, 1947, № 2, вып. VI, стр. 137—147.

[22] Об этом большая литература (см. Иакинф. Ук. соч., стр. 125; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. I. СПб., 1863, стр. 29; В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. ЗАН, 1893, т. XXII, № 2, стр. 49; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 140; V. Minorsky. Tadhkirat al-muluk, a manual of Safarid administration. GMS, n. s., XVI, London, 1943, § 54—77). В иранских источниках обычно употребляется термин «шихне» как правитель города (Тизенгаузен, т. II, стр. 21, 31, 32, 37), хотя встречается и «даруга» (там же, стр. 124—136).

[23] Палладий. Примечания к старинному монгольскому сказанию о Чингисхане. ТЧРДМ, т. IV. СПб., 1866, стр. 256; см. также В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 468. Баскаки были начальниками отрядов из местного населения (А. Н. Насонов. Соч., стр. 16—17). Палладий сопоставляет в этом качестве баскаков с таньмачи в Монголии — монгольскими командирами отрядов, набранных из местных немонгольских народностей. Таньмачи доставляли в казну дань (Палладий. Ук. соч., стр. 155, 255; В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 534). Китайский путешественник XIII в. Чан Чун видел дарухачи в восточной Средней Азии (ТЧРДМ, 1866, т. IV, стр. 304).

«щихне», а «дарухачи» («yarguzi») переведено тем же персидским словом, а на латинский «potestas» («власть») [24]. На Руси баскаки исчезают к началу XIV в., хотя на окраинах Рязанского княжества и в Туле баскаки и сотники имели власть до середины XIV в.[25]. В ярлыках термин «баскак» упомянут только в ярлыке Менгу-Тимура 1267 г.[26]. Позднее термин «баскак» был известен в Узбекском ханстве XV в.[27].

Термин «даруга» употребляли в Золотой Орде, судя по ярлыкам, в течение всего XIV в. В русских летописях под 1432 г. есть известие о «московском дороге»[28], в актах даруга касимовского царевича упомянут под 1483 г.[29].

Города и земледельческие районы, таким образом, получили некоторую обособленность в море кочевой стихии, где распоряжались монгольские нойоны и ханы. Монгольская кочевая аристократия могла претендовать только на часть налоговых поступлений городов и оседлых районов, другая же часть шла каану[30].

Положение оседлых земель в монгольской империи в XIII в.

При Менгу было установлено, что все ярлыки, выданные в предшествующее время от имени монгольских царевичей, отменяются, и впредь царевичи не могли издавать приказы, касающиеся их провинций. Имелись в виду, очевидно, оседлые сельскохозяйственные районы[31]. Очевидно, при Менгу оседлые земли были окончательно изъяты из-под непосредственного управления монгольской кочевой аристократии и переданы общеимперской администрации. На доходы с какого-либо города претендовал не только хан, во владениях которого расположен был этот город, и не только Каракорум, но и некоторые другие ханы.

Ал-Муфаддаль рассказывает, что доходы с Судака «делились между четырьмя татарскими царями. Одним из них был этот Токтай,

---

[24] G. Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880, pp. 49, 105, 334.

[25] ДДГ, стр. 29; А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 76 и сл.

[26] ПРП, т. III, стр. 467.

[27] МИКХ, стр. 360 (в источнике XVII в.).

[28] ПСРЛ, т. XII, стр. 15.

[29] СГГД, ч. I, стр. 279, № 115; ДДГ, стр. 284, 288. Термин «даруга» сохранился до XVI в. в Крыму в значении агента, чиновника (A. N. Kurat. Topkapi Sarayi Müzesi Arşivindeki Altin Ordu, Kirim ve Türkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler. Istanbul, 1940, p. 69). В Иране, Средней Азии и Казахстане этот термин сохранился до XVIII—XIX вв. в значении областных и городских старшин или начальников, помощников сборщиков податей и т. п. (В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., т. I, стр. 29—30; МИКХ, стр. 16; А. Б. Вильданова. Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования 1968 г. М., 1970, стр. 44).

[30] См. В. В. Бартольд. Соч., т. II, стр. 59; В. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 100. Такое же положение было и в Китае, завоеванном монголами (см. Иакинф. Ук. соч., стр. 102, 154, 260; Н. Ц. Мункуев. Ук. соч., стр. 47, 48, 74, 189). В связи с этим китайские хроники указывают на отделение «гражданских начальников» и казенных палат (управление и сборы с оседлых провинций) от военно-ленного управления темников. В этом аспекте объяснение получают слова, приписанные Чингис-хану: «Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям, выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными домами» (С. Л. Козин. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, стр. 159). Чингис-хан имел, вероятно, в виду различные формы эксплуатации кочевого и оседлого населения. Кочевников дают в удел кочевой аристократии, оседлых «разверстывают по районам», т. е. закрепляется часть поступлений с оседлых районов в пользу того или иного представителя правящего дома.

[31] См. Рашид ад-Дин, т. II, стр. 141; И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. ТВОРАО, 1864, т. VIII, стр. 461.

тот самый, который находился в дружбе с властителем Египта»[32]. Особенно интересно сообщение Вассафа о Бухаре: «Около того времени каан (Кубилай) отправил посла, который произвел новую перепись населения (шумаре) Бухары. Из общего числа 16 тысяч человек, которые были сосчитаны в самой Бухаре, 5 тысяч принадлежали к улусу Бату, 3000 — Кутуй, матери Хулагу-хана, остальные же назывались «улаг кул», т. е. «великий центр», которым каждый из сыновей, утвердившись на престоле ханском, мог распоряжаться как своею собственностью»[33]. Здесь явно идет речь о долях поступления подушной подати с населения Бухары. При этом подать делится в соответствии с населением, записанным за Бату, матерью Хулагу и «великим центром», т. е. кааном. Другой пример может быть взят из истории борьбы Борака за джагатаидские земли. На созванном монгольскими царевичами курултае было решено, что «они (подданные Борака) впредь будут жить в горах и степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных»[34].

Оседлые земли исключались таким образом из ведения и власти удельного кочевого феодала и доходы с них рассматривались как доход всего рода Чингис-хана, как родовое имущество, которое следует поделить в соответствии с теми или иными правами членов рода[35] (вспомним, что и завоевания новых земель производились сообща всем родом Чингизидов: например, Дешт-и-Кыпчак была завоевана по указу каана представителями трех главных ветвей Чингисхановского рода).

По словам более позднего источника, традиции дележа доходов восходят к установлениям самого Чингис-хана: «...когда татары впервые появились с востока, то Чингис-хан предписал им, чтобы с каждой области, которая будет завоевана, треть доходов доставлялась дому Берке, треть дому Чингис-хана, а треть ему (Чингис-хану) и войску его». Ибн-Василь приводит эти слова для объяснения хулагуидско-джучидского конфликта, так как якобы Хулагу нарушил это установление[36]. Это сообщение подтверждает свидетельство ал-Муфаддаля: «Обычай же этот заключался в том, что все добытое в землях, которыми они (татары) овладевали и над которыми они властвовали от реки Джейхуна на запад, собиралось и делилось на пять частей, из них две части отдавались Великому каану, две части войску, а одна часть дому Батыеву. Когда Бату умер и на престол его вступил Берке, то Хулагу удержал его долю»[37]. Джузджани сообщает, что в каждой иранской области, попавшей под власть монголов, ему (Бату) принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители[38]. Вероятно, Джузджани, писавший со слов рассказчиков и склонный вообще превозносить ханов Дешт-и-Кыпчак, в том числе Бату, тенденциозен в этом сообщении. Скорее в нем отразился тот факт, что Бату мог претендовать на долю налогов с иранских земель, о чем сообщают

---

[32] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 195. Это несколько противоречит сообщению Рубрука о Солдае, где он был в 1253 г., в котором говорится, что «capitaneos» города отправлялись к Бату с данью («Путешествия..., стр. 89). Предпочтение явно должно быть отдано сообщению ал-Муфаддаля.

[33] Тизенгаузен, т. II, стр. 81—82.

[34] Там же, стр. 78.

[35] Об этом см. В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 533—534.

[36] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 73.

[37] Там же, стр. 188.

[38] Там же, стр. 15.

и другие авторы. Представить себе управляющих или наместников Бату в Иране, когда мы знаем, что иранские города и рустаки в это время управлялись каракорумской администрацией, очень трудно.

Ал-Омари писал о доле Джучидов с доходов Табриза, Мереги, Аррана, Хамадана и о каких-то мастерских, принадлежавших Джучидам в Табризе [39]. Китайский автор XIII в. Мэнхун писал: «...по завладении городами добычу делят на пропорциональные части между высшими и низшими. Велика ли, мала ли добыча, всегда оставляют одну долю для поднесения императору Чингизу; всему остальному составляют роспись» [40].

Для раннего периода истории монгольских государств было характерным существование какого-то имущества одного хана на территории владений другого, права членов дома Чингис-хана на поступления с завоеванных оседлых земель с течением времени преобразились в какие-то реальные ценности в городах, расположенных в других улусах, в права на управление отдельными кварталами или частью населения и т. п. [41]. В некоторых случаях эти рудименты послужили поводом к войнам между Чингизидами.

«Аноним Искандера» сообщает по поводу распределения земель Хорезма между Джагатаем, которому достались Кят с окрестностями, и Джучи, которому отошло все левобережье и Ургенч: «Когда в старину Чингис-хан производил раздел между четырьями сыновьями, он каждому назначил собственность (мульк) во владениях другого сына, чтобы из-за этого между ними постоянно ездили послы. Согласно этому в Хорезме, который является владением Джучи, он дал Джагатаю Кят и Хиву. С тех пор до времени возникновения державы Тимура налог с тех двух мест поступал без недостачи» [42].

Шереф ад-Дин Йезди добавляет к Кяту и Хиве, отошедшим к Джагатаю, еще и квартал каана, который Чингис-хан во время распределения областей между детьми вместе с Кятом и Хивой включил в улус Джагатая. На некоторых монетах Хорезма XIII в. тамга Джучидов заменена тамгой, встречающейся на монетах Джагатаидов того же времени. Если учесть, что, по сообщениям Шереф ад-Дина Йезди, квартал каана был единственным восстановленным в XV в. кварталом Ургенча, и то, что так называемое городище Таш-кала (памятник Ургенча XV—XVII вв.) стоит на месте цитадели города дотимуровского времени, то получается, что квартал каана — это цитадель Ургенча, а следовательно, Джагатаиды имели какие-то права на цитадель города. Следовательно, появление их тамги на монетах может объясняться не просто случайностью, а рассматриваться как проявление каких-то прав Джагатаидов на Ургенч [43].

---

[39] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 239, 244.

[40] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. ТВОРАО, 1859, т. IV, стр. 225.

[41] Известно, например, что при разделении Китая по указу каана каанша-вдова получила крестьян в Чжен-дин, различные земли получили князья и ханские родственники, в том числе и Бату, и Хулагу, улусы которых к Китаю никакого касательства не имели. При этом непосредственное управление и сбор налогов поручались имперским даругам, а улусные князья-ханы получали только деньги (см. Иакинф. Ук. соч., стр. 260).

[42] Тизенгаузен, т. II, стр. 155.

[43] Об этом см. Г. А. Федоров-Давыдов. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII века. ЭВ, 1961, т. XIV, стр. 80. О разделе Хорезма известно из монгольских преданий, что «Чжочи, Чаадай и Огедей, взявши город Урунгэнчи (Ургенч. — *Г. Ф.-Д.*) разделили его жителей между собой и не оставили части Чингизу; за что, когда они возвращались, Чингиз три дня не хотел видеть их» («Старинное монгольское сказание о Чингис-хане». ТЧРДМ, 1866, т. IV, стр. 148).

Весьма характерна и мотивировка, якобы (по «Анониму») принадлежащая Чингис-хану именно такого распределения земель и уделов, какое он совершил, чтобы не прерывалась связь между членами рода его. «Аноним» сохранил традицию, восходящую ко времени Чингис-хана, отражающую взгляд на завоеванные земли как на общеродовое достояние Чингизидов.

Таким образом, в первый период истории Золотой Орды в XIII в., эксплуатация оседлых земель, исключая, конечно, прямые грабительские экспедиции монголов, проводилась западной кочевой аристократией не непосредственно, а через имперских откупщиков и чиновников.

Такое положение было в Золотой Орде примерно до конца 1260-х годов, когда при Менгу-Тимуре наметился рост политической самостоятельности Джучидов. В этом отношении показателен единственный актовый источник XIII в., дошедший до нас от Золотой Орды: ярлык Менгу-Тимура 1267 г., выданный русскому духовенству [44].

Повинности покоренного оседлого населения XIII в.

Ярлык определяет повинности покоренного земледельческого населения, от которых освобождаются представители православного духовенства. С оседлого населения взималась «дань». Очевидно, это и была та подать, которая взыскивалась на основании переписи. Характер переписи для обложения данью был, видимо, подомный, посемейный [45]. Был также установлен сбор в пользу монголов, именовавшийся «тамга» и «десятина» [46]. «Десятина», возможно, и была «данью», упоминавшейся в ярлыке 1267 г. и летописях. Взыскивалось «ордынское серебро», упоминавшееся в летописях. Кроме того, население было обложено разного рода повинностями по обеспечению монгольских властей подводами, кормом, лошадьми: «корм, ать не заммают» (ать — тюрк. — лошадь, оставленное без перевода на русский) или «подвода, или корм кто не будеть, да не просят». К этому роду повинностей относился «ям». Население было обложено также «поплужной» податью, т. е. поземельным налогом, взимавшимся с плуга, рала. Кроме того, в ярлыке 1267 г. упоминается повинность выставлять воинов («воина... не дают»).

Симон Сен-Кентский в передаче Винцента Бовэзского сообщает, что татары «данников своих отягчают ... налогами, как, например, землю Анг (?), принадлежащую какому-то знатному барону. Во-первых, хан получает свою долю, состоящую по меньшей мере из 15 драхм или аспров...; во-вторых, особенный владелец; в-третьих, областной владелец; в-четвертых, торжественные послы (nuncij solennes); в-пятых, частые подносы даров; после этого должно давать проезжающим гонцам лошадей и содержание. Сверх того, от каждого крестьянина-работника берут по 3 аспра, от каждого быка и от 6 овец 3» [47]. Здесь мы видим характерные поборы (ям, кормление послов), затем указание на распределение поступления от населения оседлых областей между верховной властью и владельцами удела, наподобие того, что

Здесь то же, что и в примере с делением жителей (точнее, доходов) Бухары по Вассафу, только при разделе обошли главу империи.

[44] ПРП, т. III, стр. 467—468.

[45] См. А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 14—15. Однако следует отметить, что армянские источники сообщают о подушном характере обложения переписи 1254 г. в Армении («Армянские источники о монголах». М., 1962, стр. 26, 35). Рашид ад-Дин называет налог, установленный Бату в результате переписи, «карари», без дополнительных разъяснений сущности обложения (см. Рашид ад-Дин, т. II, стр. 150).

[46] НПЛ, стр. 88; А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 14—15.

[47] Д. Языков. Собрание путешествий к татарам, т. I. СПб., 1825, стр. 107—109

мы отметили в Крыму и Бухаре и, наконец, раскладку обложения по работникам (то есть по «ралу», «плугу»).

Кто собирает эти налоги? Ярлык дает перечисление фискальной монгольской администрации XIII в.: это прежде всего людской (очевидно улусный, см. ниже) баскак и «данщики», «писцы», «послы», «поплужники», «таможники». Остается неясным, в общеимперском подчинении они были или в подчинении джучидского хана, но ярлык выдан от имени джучидского хана и потому предполагал, что баскаки и поплужники, денщики и таможенники будут слушать указы Джучидов. Но в начале ярлыка есть ссылка на Чингисханское постановление, а также указание «Тако молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов»[48]. Впоследствии, в XIV в., ссылка на Чингис-хана станет простой формальностью, но в 1260-х годах она, вероятно, была полна смысла и без нее постановление Менгу-Тимура было бы для баскаков и другого чиновничества недействительным.

Кочевая аристократия Дешт-и-Кыпчак XIII в. была настолько далека от событий, происходивших в оседлых районах Улуса Джучи, что относилась весьма безразлично даже к восстаниям против татарских баскаков, даругов, переписчиков населения («численников») и сборщиков дани на Руси[49].

Формы вассалитета покоренных кочевых племен по отношению к монгольской аристократии

Объектом непосредственного хозяйствования и эксплуатации джучидской аристократии были степи и степное население. Именно половцев-куманов называли монголы своими рабами в обращении к русским князьям и к венгерскому королю[50]. Нежелание выдать монголам половцев и было одним из поводов для походов Чингизидов на Русь и в Подунавье.

Какие отношения сложились между монголами и покоренными ими кочевыми народами?

Археологические материалы кочевнических погребений XIII—XIV вв. позволяют проследить ряд значительных перемещений половецких и других кочевых племен, населявших южнорусские степи[51]. Эти перемещения: увеличение численности кочевого населения Поволжья и Молдавии, переселение черных клобуков, исчезновение кочевнического населения в низовьях Дона и т. п. — хронологически относятся к монгольскому завоеванию и естественно связывать их с этим грандиозным событием.

Для объяснения этих перемещений мы должны обратиться к социальной истории кочевой степи XIII в. и общественной организации самих монголов накануне походов.

XII—XIII вв. были временем возникновения феодальных по существу общественных отношений в самой Монголии. Б. Я. Владимирцов, а вслед за ним и ряд других ученых считали, что распадается древний куренный способ кочевий — форма патриархальной кочевой общины, и на первое место выдвигается аил — форма хозяйствования индивидуальной кочевой семьи[52]. На основе выделения аильных коче-

[48] ПРП, т. III, стр. 467.

[49] См. А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 52.

[50] ПСРЛ, т. X, стр. 90; С. А. Аннинский. Ук. соч., стр. 88.

[51] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 133 и сл., 237 и сл.

[52] См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 86; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 37 и сл.; Б. Я. Владимирцов ссылается на сообщение Рашид ад-Дина, подчеркивавшего, что в его время курень был

вых хозяйств образуется прослойка знати, в зависимость от которой попадают целые роды и группы родов. В результате войн и грабежей предводители наиболее удачливых и богатых родов и семей монгольской аристократии становятся повелителями очень большого количества родов и общин, попавших в зависимость. В вассальном роде могли быть и бедные, и богатые члены. Зависимость и вассальные обязанности их были резко различны. Монгольский род, попавший в зависимость, должен был кочевать по новым маршрутам, навязанным ему его родом-властелином. Такова наиболее выразительная, общая для всех членов зависимость рода, повинность. Служба владельческому роду состояла прежде всего в том, что подчиненный род должен был кочевать совместно со своим родом-завоевателем, образовывать по указанию этого последнего свои аилы и курени, позволяя тем самым хозяевам удобно использовать его членов на различных работах по уходу за скотом и сбору скотоводческих продуктов [53].

Специфика социальных отношений у древних монголов и у ряда других кочевых племен, видимо, заключалась в племенном, родовом характере вассалитета, при котором вассалом выступает община кочевников целиком, но отношения ее к роду-покорителю не традиционно патриархальные, основанные на отношениях первобытнообщинного понимания старшинства и старейшинства, а новые, сложившиеся на отношениях, бывших результатом их покорения. Эта особенность кочевнического вассалитета в некоторых степных районах сохранилась до XIX в. [54].

Вопрос об «унаган-боголе»

В древнемонгольском обществе, как замечает Б. Я. Владимирцов, сущность феодального владения землей состояла в том, что царевич, темник или эмир-тысячник руководил кочеванием зависимых людей, распределяя тем самым по своему усмотрению пастбищные земли и указывая места стоянок в пределах выделенных земель. Этого типа зависимость Б. Я. Владимирцов называет термином «унаган-богол» [55].

пережитком старины. Однако одного этого недостаточно для окончательного вывода. Следует учесть, что у кочевников коллективная форма кочевий очень устойчива и доживает до весьма позднего времени, например, у туркмен (см. Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961, стр. 204—205). Очень ценно замечание К. Маркса: «У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (Reisegesellschaft), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни» (К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24). Вероятнее всего в монгольском обществе на рубеже XII—XIII вв. происходит выделение богатых семейств, кочующих отдельно в сопровождении нукеров-дружинников, но кочевая община сохраняется еще у рядовых родов как единая хозяйственная ячейка кочевого производства. Л. Н. Гумилев считает, что куренный и аильный способы кочевий сосуществуют с самых древних времен, еще с эпохи тюркского каганата (см. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М.—Л., 1967, стр. 71). С. И. Руденко считал, что кочевание родом вообще невозможно (С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, стр. 199).

[53] Зависимость одного племени от другого или одного рода от другого известна в Центральной Азии еще в эпоху кыргызов. Зависимые роды или племена, где зависимость от победителя распространялась на весь род завоеванных, с его плебсом и аристократией, известны были у древних хакасов под термином «кыштым» (Л. Р. Кызласов. К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в. «Уч. зап. ХНИИЯЛИ», 1960, вып. VIII; его же. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Уч. зап. ХНИИЯЛИ», 1960, вып. VIII; см. Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934, стр. 30).

[54] См. А. М. Васильев. Пуритане ислама? М., 1967, стр. 53.

[55] Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 63—64. В книге, составившей первую часть нашего исследования, толкование термина было ошибочно заимствовано у

Кроме наиболее известного определения этого термина, данного Б. Я. Владимирцовым, существует еще несколько. И. Н. Березин считал, что этот термин обозначает раба, крепостного, переходящего из рода в род [56]. А. Н. Бернштам, как и Б. Я. Владимирцов, определял «унаган-богол» как крепостного вассала, связанного с владельческим родом [57], С. П. Толстов — как своеобразную модификацию рабства [58]. Особо стоит точка зрения Э. Р. Рыгдылона [59]. Последний указывал, что термин «унаган-богол» вообще в монгольских текстах неизвестен [60]. Э. Р. Рыгдылон справедливо отметил, что этот термин известен только у Рашид ад-Дина в форме «унгу-богол», который Б. Я. Владимирцов переделал в «унаган-богол» (Б. Я. Владимирцов переводил слово «унгу» как старый, т. е. «унаган»). Э. Р. Рыгдылон предлагает перевод выражения «унгу-богол» — «раб духа предков» (унгу-онгон). Этих рабов Э. Р. Рыгдылон считает отпущенниками, часто занимавшими довольно высокое общественное положение. Второй термин, связанный со словом «богол» — «утэгу-богол», этот исследователь переводит как «раб земли» или «раб божий», причем видит в «утэгу-боголах» также привилегированный слой зависимых людей.

Не касаясь этимологии термина, разберем свидетельства Рашид ад-Дина о социальной природе терминов «унгу-богол», «утэгу-богол» и «уталу-богол». Об «унгу-богол» Рашид ад-Дин пишет: «Из этого народа... некоторые стали великими и уважаемыми эмирами и доверенными государства в ордах (высокопоставленных монголов); к ним применялось положение унгу-богольства» и далее: «...во времена Чингис-хана (некто), именуемый Соркан, был названным отцом Чингис-хана. Так как он был мужем умным и смышленым и в необходимых случаях приводил добрые слова и поучал, то его возвеличили, сделали почтенным, и он стал принадлежать к числу унгу-боголов» [61]. Иначе определяется значение «уталу-богол»: «Этот род Удачи, вследствие того, что они суть уталу-богол, издревле не дает девушек (за других) и не берет (за себя у чужих)» [62]. И, наконец, об «утэгу-богол»: «Монгольское племя, которое в настоящее время называют утэгу-богол, в эпоху Чингис-хана обобщили с этим племенем (дарлекин). Значение (наименование) утэгу-богол то, что они (дарлекины) являются рабами и потомками рабов предков Чингис-хана. Некоторые (из них) во времена Чингис-хана оказали (последнему) похвальные услуги и (тем самым) утвердили (свои) права (на его благодарность). По этой причине их называют утэгу-богол» [63].

Б. Я. Владимирцова без всякой критики (см. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы, стр. 237 и далее).

[56] См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Изд. И. Н. Березина. СПб., 1858, стр. 227.

[57] См. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. М.—Л., 1946, стр. 126.

[58] См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 264.

[59] См. Э. Р. Рыгдылон. О монгольском термине онгу-богол. Сб. «Филология и история монгольских народов». М., 1958. С. Е. Толыбеков при всем своем гиперкритицизме по отношению к выводам Б. Я. Владимирцова воспринял без изменений его толкование этого выражения у Рашид ад-Дина (см. С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959, стр. 174).

[60] Это подтверждает Л. Л. Викторова, указывая на сходный термин в памятнике XVIII в., переводимый как «раб рода» (см. Л. Л. Викторова. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. Сб. «Проблемы истории докапиталистического общества», т. I. М., 1968, стр. 570).

[61] Рашид ад-Дин, т. I. ч. 1, стр. 107. 177.

[62] Там же, стр. 159.

[63] Там же, т. I, ч. 2, стр. 15.

Привилегированность родов, вассалитет которых определяется этими терминами (быть может, они являются вариантами одного) [64], несомненна. Кроме того, редкость употребления термина говорит против того универсального и широкого значения его, которое приписывается ему историками.

Нет данных определять эти термины как обозначения крепостных вассалов, как это сделано у Б. Я. Владимирцова мимоходом и акцентировано у А. Н. Бернштама [65]. Но значит ли, что зависимости, описанной у Б. Я. Владимирцова и названной им «унаган-боголом», не было? Рашид ад-Дин описывает много случаев зависимости, подчинения племен и родов [66]. О Есугэй-бахадуре, отце Чингис-хана говорится, что «он (был) государем родственных (ему) племен... Большинство племен кият и нирун были его родичами, а другие монголы — его подчиненными (атба') и приверженцами (ашна')» [67]. Вероятно, имеется в виду какая-то внеродовая форма подчинения. Зависимость от одного рода-завоевателя нескольких родов, кочующих совместно с родом-сюзереном, несколько раз описана у Рашид ад-Дина, но не названа им «унаган-богол» (или «унгу-богол»). Например: «отдача в рабство» Джида-нойону части покоренных племен тайджиют, урут и манкгут; зависимость племени джалаир от Чингис-хана (из этого племени вышли старшие беки), зависимость части племени Баяут от рода Чингис-хана [68].

Б. Я. Владимирцов ставит вопрос о том, что население, попавшее под власть какого-либо из членов рода Чингис-хана, становится его «рабами», подчиненными. Он считал возможным называть их искусственным термином «унаган-богол».

Но эта форма зависимости, описанная Б. Я. Владимирцовым, применима только к кочевникам. Для взаимоотношений монголов и оседлого населения эта форма неприменима по самому своему существу. Вот почему мы должны различать формы зависимости от монголов оседлого и кочевого населения.

Наиболее яркий пример зависимости кочевников Восточной Европы от монголов дают черные клобуки. Археологический материал

---

[64] У Б. Я. Владимирцова не разделяются «унгу-богол» и «утэгу-богол» (см. Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 64). П. Пельо считал, что термины «унгу-богол» и «уталу-богол» — это одно и то же, что и термин «утэгу-богол» (последний значит «древний раб», «прародительские рабы»). Об этом см. P. Pelliot et L. Hambis. Histoire des campagnes de Gengis khan., v. I. Leiden, 1951, pp. 85–86; Н. Ц. Мункуев. Заметки о древних монголах. «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970, стр. 360—361. Трансформация термина с семантикой «раб», «зависимый» в титул, обозначающий привилегированность, означает повышение сословного статуса этого социального термина вследствие «благородной службы сеньору». Это явление было характерно для ряда западноевропейских феодальных стран (см. А. Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, стр. 201).

[65] Это отметил А. Ю. Якубовский, не высказав однако возражений против этимологии и перевода термина «унаган-богол», приведенных Б. Я. Владимирцовым (см. рецензию А. Ю. Якубовского в Историческом сборнике 1936 г., т. V, стр. 297, 298; его же. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. Очерки истории русского востоковедения. М., 1963, стр. 87 и сл.). А. Ю. Якубовский справедливо возражал против сопоставления Монголии XII—XIII вв. и Франции XIII в., что явно чувствуется в работе Б. Я. Владимирцова. А. Ю. Якубовский в «унаган-богол» видел лишь зародыш феодальных отношений.

[66] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 92.

[67] Там же, стр. 247.

[68] См. подборку фактов по этому поводу: Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 64—66; И. П. Петрушевский. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. ВИ, 1947, № 4.

говорит о том, что в XIII—XIV вв. черные клобуки Поросья частично откочевали в степи Поволжья [69].

Очевидно превратившись из вассала киевского князя в вассалов золотоордынских ханов и царевичей, черные клобуки изменили свои кочевья и стали кочевать там, где им было велено их новыми хозяевами. Вполне естественно, что именно в Поволжье (где мы встречаем больше всего элементов собственно монгольской кочевой культуры и следов пребывания собственно монголов и где были политические центры Золотой Орды) откочевали по принуждению своих завоевателей роды и племена черных клобуков.

В этом примере перекочевок части номадов Восточной Европы под воздействием монгольского завоевания мы можем усмотреть специфический признак зависимости кочевых родов от победителя: подчиненными, «рабами» становятся не отдельные бедняки; это не захваченные в бою пленные, лишенные имущества и социального положения. Мы имеем дело с зависимостью от рода-победителя всего коллектива номадов, сложившегося еще до завоевания (род, племя, большая семья и т. п.). Среди могил XIII—XIV вв. черноклобуцких типов в Поволжье есть погребения представителей и имущественных верхов, и низов кочевого коллектива. Если переселение черных клобуков было бы насильственным переселением пленных или угоном захваченных масс населения (как поступали монголы с населением оседлых земель), то среди черноклобуцких (или тех, которые мы можем сопоставить с таковыми) погребений на Волге были бы могилы лишь бедных и социально приниженных людей. Но это далеко не так. Более того, мы не можем предположить уход в Поволжье только одной аристократической верхушки черноклобуцких номадов, отправившихся на новую службу к золотоордынскому хану, оторвавшихся от своих племен и превратившихся в тысячников, сотников или темников и т. п. В таком случае это были бы только богатые погребения, без бедных. Остается предположить откочевку родов и семей с их богатой и аристократической частью, с одной стороны, и бедной, социально приниженной, с другой стороны.

Насильственная откочевка этой группы племен не вызывает сомнений, так как на протяжении предшествующих полутора столетий не наблюдается какой-либо большой миграции черных клобуков за пределы Южной Киевщины.

Повинности кочевого населения монгольской империи

Вполне понятно, что конкретные повинности для различных слоев номадов, попавших в подчинение к монгольской кочевой аристократии, были различны. Эксплуатация монголами кочевого населения, завоеванного ими, шла по нескольким линиям.

Известно, что кочевое население было обложено налогами в пользу Джучидов. Характерно, что с оседлого населения собиралась дань, большая, чем с кочевого. В оседлых районах взималась дань в размере 1 головы скота с 10 голов, в соответствии с принципом «десятины», а в степи со 100 голов [70]. Известно, что кочевое население

[69] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы.., стр. 150 и сл.

[70] Это так называемый «копчур», первоначально обозначавший налог с пастбищ и скота, а затем превратившийся в подушную подать, которую стали иногда платить и земледельцы (см. об этом И. Н. Березин. Очерк.., стр. 437; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 111; А. А. Али-Заде. К истории феодальных отношений в Азербайджане. Термины тарх и копчур. Сборник статей по истории Азербайджана, ч. 1. Баку, 1949, стр. 113—126). Копчур платили и монголы (см.

выплачивало натуральную ренту своим господам — монгольским феодалам. Об этом сообщает Карпини: «Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко на год, на два или на три, как ему будет угодно, и подданные вождей обязаны давать то же самое своим господам, ибо среди них нет никакого свободного» [71].

«Около своего становища, на расстоянии дня пути, Бату имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, т. е. во всякий день (он получает) молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, которое приносят другие. Ибо как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня» [72]. Улусы царевичей («вождей», по П. Карпини) должны были выставлять и другую натуральную подать в пользу императора — «шулен» в размере одного барана со стада[73]. М. Г. Сафаргалиев считает, на наш взгляд, без достаточных оснований, что в этих постановках мы имеем дело с каланом [74], который доставляется в виде продуктов скотоводства. Даже если это так, то, кроме того, здесь содержится указание на то, что монгольская кочевая знать имела непосредственно зависимых от нее людей, обслуживавших ее собственные стада [75].

Кроме того на кочевое население, так же как и на оседлое, была возложена повинность выделять лошадей, подводы и людей для послов общеимперской почты (были «ямчины» — смотрители почтовых станций и верховые почтари — «узаачины»), а также надсмотрщиков за стадами и пастбищами и стражей имперских складов. В улусах население должно было кормить послов («шушун» — рацион, провиант). В Сокровенном Сказании говорится, что от медленной езды послов народ улусов «терпит большие обременения» [76].

Тяжелой повинностью кочевого населения была необходимость

С. А. Козин. Ук. соч., стр. 122, 243. С. А. Козин переводит этот термин как «разверстка по улусу»; см. также Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 135; т. I, ч. 2, стр. 110). Вообще в раннее время это повинность с кочевого населения (см. Иакинф. Ук. соч., стр. 149; P. Pelliot. Qubčiri—qubčir et qubčiur ~ qubčur. T'uong Pao, № 37, 1944, pp. 153—155; В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 535—536, т. IV, стр. 330). Происхождение кончура раскрывается следующим свидетельством Рашид ад-Дина: «Раньше, когда существовали их (монголов) обычаи и правила, со всего монгольского войска выделяли ежегодно обедневшим ордам и дружинам кончур лошадьми, овцами, волами, войлоком, крутом и прочим» (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 135). Из формы племенной взаимопомощи кончур превратился в налог с пастбища. Для кочевников вообще характерна трансформация обычаев родовой взаимопомощи в средство эксплуатации. Феодальные классовые отношения маскировались пережитками родового строя. Даже в таком развитом феодальном оседлом государстве, как Казанское ханство, сохранились от эпохи Золотой Орды, может быть, пережитки общинного строя, заставлявшие феодальную знать считать своих крестьян родственниками («Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 183—184).

[71] «Путешествия...», стр. 46.

[72] Там же, стр. 97. О повинности поставлять кумыс (ундан) см. С. А. Козин. Ук. соч., стр. 197—198.

[73] См. С. А. Козин. Ук. соч., стр. 197—198.

[74] См. М. Г. Сафаргалиев. Распад.., стр. 96.

[75] Об этом см. С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Сб. «Основные проблемы генезиса и развитие феодализма». Л., 1934.

[76] С. А. Козин. Ук. соч., стр. 197—198, 279. Улаг (тюрк.) означало не только подводу, но и подводную повинность кочевого населения (Тизенгаузен, т. II, стр. 82, 83, 86, 88, 116, 139, 143). О подводной и кормовой повинности см. Карпини. Путешествия.., стр. 45—46; «Старинное монгольское сказание», стр. 158. Об этих повинностях в XIV в. подробнее см. V гл. настоящего исследования.

выставлять большое количество людей для облавы во время охоты хана. Об этом сообщает Джувейни[77].

Изменения социальной структуры в половецкой степи вследствие монгольского завоевания

Повинность знатной и богатой части номадов, попавших под власть монголов состояла в военной службе, но к сожалению, относительно Дешт-и-Кыпчак по этому комплексу вопросов источники хранят молчание. Но во всяком случае роль этой половецкой (главным образом кочевой) старой аристократии коренным образом отличается от роли аристократии и старых феодальных династий в оседлых землях: последние были организаторами сбора дани, правителями, хотя и вассальными. Мы знаем их имена. Упоминания о них встречаются в источниках. О половецких князьях, сохранивших под эгидой монголов свою власть над родами и племенами, мы не знаем ничего. Мы только узнаем о пленении и уводе знатных кыпчаков в Монголию по распоряжению Менгу-каана[78]. Молчание источников означает, видимо, почти полное уничтожение этой власти и замену ее властью монгольских ханов. Местная кочевая аристократия, восходящая к домонгольскому периоду, в Золотой Орде не упоминается (ни в качестве феодалов — держателей кочевых владений, ни в качестве служилой прослойки при хане). За плотным рядом монгольских кочевых феодалов в Дешт-и-Кыпчак старая кочевая знать не видна — она утрачивала свое значение.

Если в конце XI — начале XIII в. русские летописи знают десятки имен половецких князей[79], то со второй половины XIII—XIV вв. летописи не упоминают ни одного половецкого князя или хана. Большое значение имеют для выяснения этого вопроса наблюдения В. В. Бартольда о взаимоотношениях монголов и тюрок-кочевников в момент завоевания. Иллюзорная близость интересов завоевателей монголов и кочевников кыпчакско-тюркского населения степей («мы и вы одного рода» — говорили монголы половцам) была для монголов только средство для дипломатических и военных хитростей[80]. Кочевой кыпчакской аристократии грозило уничтожение, а сложному хозяйственному комплексу торговли, скотоводства и зачатков земледелия, который они эксплуатировали — полное разрушение с приходом новых хозяев в степных районах — монгольских ханов и нойонов.

В этой связи следует отметить, что в XIII—XIV вв. пропадает обычай половцев сооружать каменные изваяния, что вполне уместно связывать с монгольским вторжением[81]. Объяснение этого факта, исходившее из предположения об общем упадке искусства и культуры в Восточной Европе после монгольского погрома, неубедительно. Дело здесь не в упадке ремесла или искусства у половцев, а в потере серьезного значения в социальной жизни кочевников самого оригинала этих скульптурных изображений — аристократической верхушки собственно половецких родов. Каменные «бабы», изображавшие героизированных и обожествленных представителей родо-племенной аристократии, исчезают именно тогда, когда роль этой аристократии была сведена на нет.

[77] The Ta'rikh-i-Jahan-gusha of Ala'ud-dia Atá Malik-i-Juwaini. GMS, v. XVI, 1. Leyden—London, 1912, pp. 19—20.

[78] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 29.

[79] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы.., стр. 224—226.

[80] См. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 130—131; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы.., стр. 234.

[81] Там же, стр. 186 и сл.

Первоначально в степи существовала зависимость одного рода от другого, причем зависимость такая, которая не исключала наличия аристократии в зависимом роде. Так было и в среде монгольских племен XII в. Однако после сложения государства Чингис-хана, которое создавалось в острой внутренней борьбе, многочисленные племена и роды попадают в зависимость к одному роду монголов — к Чингизидам, трансформируясь при этом в новые образования, сопряженные с воинскими единицами (десятками, сотнями и т. д.). Уже в самой Монголии на рубеже XII—XIII вв. происходит ломка патриархальных родо-племенных членений и связанная с ней потеря власти и авторитета старой аристократии подчиненных родов. С одной стороны, масса кочевников попадает в зависимость к какому-нибудь царевичу Чингизиду, уже не представляя собой рода или племени, а являясь обычно смесью различных родов; с другой стороны, выделяется прослойка кочевой аристократии, оторванной от своих сородичей, среди которых некогда она процветала, и превратившейся в вассалов и дружинников (нукеров) тех же царевичей Чингизидов. Понятно, что когда монголы (у которых процесс феодального развития зашел далеко в ломке старых родо-племенных отношений) появились среди номадов и чужих степей, среди половцев, черных клобуков и других кочевников Восточной Европы, то этих кочевников монголы стали рассматривать как материал для построения улусной системы, создания «сотен», «тысяч» и «туменов», т. е. новых улусов, которые могли быть даны в феодальное владение монгольским царевичам и нойонам. Военный путь создания монгольского государства, где процесс объединения кочевых родов прошел как военное завоевание, порабощение большинства родов одним домом Чингис-хана, вызвало бурный процесс ломки старых племенных и родовых отношений и смешение старых границ и членений. У половцев же те зачатки государства, которые наблюдаются в конце XII в., не привели к какой-либо ломке старых патриархальных отношений. Государственная власть у них развивалась по линиям родо-племенных отношений (семья — род — племя — союз племен, во главе с ханом), что характерно для эпохи перехода от военной демократии к классовому строю. Именно это и обусловило тот факт, что половцы так и не создали развитой государственности, так и не преодолели ранний, патриархальный, неразвитый этап процесса классообразования.

Столкновение этих двух общественных систем номадов, двух линий развития кочевого общества было причиной того, что в сложившейся во второй половине XIII в. улусной системе в Золотой Орде нашли выражение элементы и первой и второй. Основные контуры этой улусной системы были близки к собственно монгольской, но традиции половецкой социальной структуры в рамках родо-племенных пережитков обусловили большую консервативность некоторых элементов, в частности некоторых основных племенных и этнических границ в Дешт-и-Кыпчак, сложившихся еще в XII в.

После монгольского завоевания кыпчакской степи общественный строй половцев претерпел очень серьезные изменения. Монголы сами стали во главе их родов и племен, в значительной мере изменив традиционные кочевья и стоянки, изменив соотношение классовых сил внутри племен и родов. Сильно подорвав эти организмы, они резко ослабили власть старой родо-племенной аристократии.

ГЛАВА II

УЛУСНАЯ СИСТЕМА

«Выделение уделов основывалось на том признании, что государство (ulus irgen) является достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены — urux'u, и владеет людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (unagan bogol), совершенно так же род является владетелем «народа-государства» (ulus), проживающего на определенной территории (nuntux ~ nutug). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область, на область народа-государства. С этой точки зрения все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингис-хана, все делаются unagan-bogol' ами его или его рода. ...Власть рода Чингис-хана над его улусом, т. е. народом-государством выражается в том, что один из родичей (altun urug (urux)'a) становится императором, ханом (xan, xagan), повелевающим всей империей, избираемым на совете рядовичей (xurilai ~ xurultai), другие же члены рода признаются царевичами (köbé'un ≈ köbegün), имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел — улус» [1].

Так, Б. Я. Владимирцов определяет сущность улусного строя, улусной системы в монгольских государствах, не разбирая частных особенностей и конкретных форм этой системы в государствах, где правили представители различных ветвей рода Чингис-хана.

В результате монгольского завоевания юго-восточная степная Европа почти целиком стала улусом Джучидов. В районах с оседлым населением сложились особые условия подчинения местного населения монгольским завоевателям. Улусная система могла быть действительно распространена только на кочевые степи.

Основные категории и термины улусной системы

Основные категории и терминология этой системы в XIII в. следующие: *Улус*. Б. Я. Владимирцов правильно определил улус как объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хана, нойона, бахадура и т. д. Улус — это народ, кочевники, данные во владение. Этот двойной смысл термина (народ — удел, народ — государство) выразился в частом употреблении термина «улус» с каким-либо другим термином (например, «каум» (тюрк.) — народ) [2]. Близкое

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 98—99.

[2] См. Рашид ад-Дин т. I, ч. 2, стр. 181.

значение придавал термину «улус» Л. З. Будагов и В. В. Радлов [3]. Все владения Чингизидов в целом назывались «великий улус», «улуг улус» [4]. В древнетюркских надписях улус обозначал селение [5].

Юрт или нутуг. Территория кочевок улуса. В источниках до второй половины XIV в. почти всегда под термином «юрт» значились какая-то зона, район расселения и кочевания племени или улуса [6]. В древнетюркском языке «юрт» означал: дом, владение, местожительство, страна, земля [7]. В XIII—XIV вв. преобладает значение «территория расселения, кочевок». Как увидим, позднее усиливается другая семантика этого термина — дом, местожительство.

Иль. Термин «иль» («эль») рассматривается в ряде исследований обычно в значении племенного союза, государства-народа [8]. В. А. Гордлевский считал, что применительно к огузам этот термин означал племенной союз, а позднее был перенесен на политическое образование с разноплеменным населением [9]. А. Н. Бернштам считал, что «иль» у древних тюрков — объединение «аристократии различных племен в организационно сплоченный, с заимствованными у того же родового строя традициями аристократический строй» [10].

С. В. Киселев применительно к раннесредневековой эпохе писал, что «с одной стороны, это вся кыргызская аристократия... Ее возглавляет кыргызский каган. С другой стороны, это лишь эль данного «витязя», локальная группа знатных, вероятно родственников между

---

[3] «...Улус заключает в себе и народ и армию, и самые провинции, которые подчинялись хану, а потому можно его передать словом удел в обширном смысле, в тесном — владение; но самое это значение берет начало от слова «народ» (Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1865, стр. 89; Радлов, т. I, ч. 2, стр. 1696—1698). Неправильно трактует «улус» Б. Шпулер как свиту из зависимых людей при хане или царевиче (B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, SS. 399—400).

[4] Например, в грамоте Гуюка папе 1246 г. (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 158; P. Pelliot. Les Mongols et la Papauté. Paris, 1923, pp. 1—30).

[5] ДС, стр. 611.

[6] По Рашид ад-Дину, юрт — это определенное распределение кочевок и, следовательно, летовок и зимовок, т. е. территория кочевий улуса. «Распределение юртов нойманов таково. Летние кочевья. Талак-юрт их государя; Джаджиэ-наур — место его ставки (орда). Зимовки: гора Адари-Эбкэ, Бакрас-олум; Ачирик-наур и река Ала-Етрин» (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 136). «Из племен, близких к найманам и юрты коих соприкасаются с ними, было племя тикин» (там же, т. I, ч. 1, стр. 139; такое же понимание этого слова см. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 54. Сходное понимание термина «юрт» см., например, у Вассафа; Тизенгаузен, т. II, стр. 80, 88). Термин «юрт» широко используется для обозначения места кочевок в Средней Азии и Иране начиная с XIII в. (МИТТ, т. I, стр. 463, прим. 2; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 69). В Codex Cumanicus (рубеж XIII—XIV вв.) термин «юрт» переводится на персидский язык заимствованным арабским словом «manxel» («манзель») — «дом», и по-латыни «mansio» — «жилище», «место остановки», а слово «ulus» переведено латинским «pars» — часть и персидским словом «bais», («бахш») — «доля» (см. G. Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880, pp. 35, 85, 260—261). Европейские купцы — составители словаря, не учитывали всех значений терминов «улус» и «юрт», понятных кочевникам, и видели в «юрте» просто жилище, а в «улусе» — только административное деление страны или территориальный удел.

[7] ДС, стр. 282.

[8] См. И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. ТВОРАО, 1864, т. VIII; В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 489; П. М. Мелиранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899, стр. 82.

[9] См. В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 46.

[10] А. Н. Бернштам. К вопросу о возникновении кланов и государства у тюрок VI—VIII вв. н. э. Сб. К 50-летию книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.—Л., 1936.

собой... В узком же значении — это феодальный род того или иного народа» [11].

Л. Н. Гумилев считает «иль» формой существования орды и племени, своего рода imperium, своеобразный конгломерат покоренных кочевых племен под властью хана и его орды (дружиннофеодального окружения хана) [12]. С. П. Толстов весьма туманно определяет «иль» как «...государство в античном понимании этого слова, политическом, а отнюдь не территориальном значении» [13]. Д. И. Тихонов считает, что уйгурский «эль» — это община [14]. Составители древнетюркского словаря дают следующую семантику термина: 1) племенной союз, организация, 2) народ, 3) административная единица (у Махмуда Кашгарского) [15].

Все эти определения отражают разные стороны в семантике термина, которые в разные эпохи имели различный удельный вес. Мы считаем, что в XIII в. в западных монгольских государствах при употреблении термина «иль» особо подчеркивается его значение, близкое к понятию «государство», «держава» и вместе с тем это слово приобретает значение вассалитета. Иль-ханы — «правители народов», владетельные ханы, державные ханы [16]. В арабской и персидской литературе XIII в. были слова, производные от тюркского «иль», которые означали принадлежность к какому-либо государству или были близки к значению слов «подданство» и «покорить» [17].

Для обозначения различных слоев и групп монгольской кочевой аристократии существовали следующие термины:

Каан. Глава Чингизидов. Первым этот титул принял Угедей, правивший в Каракоруме. При Кубилае резиденция каана была перенесена в Пекин. Избирался на курултае — совете чингизидских царевичей и всех членов Чингизидов, а также важнейших представителей кочевой аристократии и чиновников.

Хан. Глава какой-либо основной чингизидской ветви, потомков Угедея, Хулагу, Джучи, Джагатая. В восточных персидских источни-

---

[11] С. В. Киселев. Древнехакасский «эль». «Уч. зап. ХНИИЯЛИ», 1948, вып. I, стр. 32—34. Того же мнения придерживается Л. Р. Кызласов, считая, что эль — это кыргызы, т. е. правящий род хакасов. Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 88 и сл. В значении «правящий род», «династия» термин проник в персидский язык довольно рано, например, у Рудаки (см. А. М. Мирзоев. Рудаки. М., 1968, стр. 90); как синоним слова «хачедан» — у Низами Самарканди (см. А. Гафаров. Образчики персидской письменности, вып. I. М., 1916, стр. 195).

[12] См. Л. Н. Гумилев. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров. МЭГО, вып. I. Л., 1961, стр. 23—24; его же. Древние тюрки. М.—Л., 1967, стр. 102. Сходную трактовку дает Л. П. Лашук (см. Л. П. Лашук. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов. СЭ, 1968, № 1, стр. 100).

[13] С. П. Толстов. Тирания Абруя. ИЗ, 1938, № 3, стр. 52.

[14] См. Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства. М.—Л., 1966, стр. 187. Д. И. Тихонов считает, что «эль» в значении община — это поздняя трансформация тюркского термина, первоначально обозначавшего аристократический род, противопоставленный простому народу («будун»).

[15] ДС, стр. 168—169.

[16] Иль-хан — титул не только употреблялся Хулагуидами, но и применялся к Джучидам (Тизенгаузен, т. I, стр. 343). На полях рукописи ал-Мухибби имеется характерное разъяснение этого непонятного арабам слова: «значение его султан-царь, потому что хан значит султан, а иль — царь». Этим подчеркивается оттенок семантики термина «иль», близкий к понятию держава.

[17] См. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 101. Ср. «иль ильханов» в значении подданные Хулагуидов (Тизенгаузен, т. II, стр. 71). Составители Codex Cumanicus плохо понимали особенности семантики термина «иль». Этот термин («el») был переведен латинским «prouinta» и персидским «oleat» — «вилайет» — «область», «провинция». См. G. Kuun. Op. cit., p. 89.

ках часто заменялся в XIII — начале XIV в. термином падишах и султан. В русских источниках, начиная с Менгу-Тимура — «царь», «цесарь» [18].

Оглан. Царевич, Чингизид. В XIII — начале XIV в. термин употребляется только для обозначения правящего рода Чингизидов. Позднее становится постоянным компонентом многих имен. В XV—XVI вв. означает служилое дворянство и просто воинов, и даже мальчика, ребенка [19].

Нойон, инак, бахадур, бек, эмир [20]. В XIII — начале XIV в., представители аристократии, обычно не связанные кровным родством с Чингизидами. Это были либо главы родов, находившиеся в вассальной зависимости вместе со своим родом, т. е. потомки старой дочингизовской аристократии, не порвавшей еще связей со своим родом или племенем (до Чингис-хана нойоны — это почти исключительно наследственные вожди племен) [21], либо назначенные ханом военачальники, получившие за военную службу удел — улус, в который часто входили разные и чуждые самому военачальнику племена [22],

[18] См. А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., 1940, стр. 30, прим. 2. В Codex Cumanicus «can» переведен латинским словом «imperator» и персидским словом «padisa» («падишах»), «soltan» — латинским «rex» и персидским «patia» («царь»). (G. Kuun. Op. cit., pp. 104—105). Таким образом, согласно этому источнику, термину «каан» соответствует «can», а термину «хан» — «sultan» О различии у тюрков терминов «каан» («каган») и «хан» — см. в сочинении X в. Абу-Абдаллаха Хорезми, МИТТ, т. I, стр. 218; см. также С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрок. М.— Л., 1952, стр. 88—89.

[19] «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 181; «Документы на половецком языке XVI в.». М., 1967, стр. 401.

[20] В Codex Comanicus слова «beg» и «bey» переводятся на латинский «princeps» и «baron», а на персидский язык «beg» переведено выражением «pser ul patia» (очевидно «песар ал-падэ»), т. е. «сын царя», а «bey» — словом «amir» (эмир). Таким образом, в этом источнике огланы названы беками, а нойоны — беями (G. Kuun. Op. cit., pp. 104—105). В средневековом словаре, опубликованном П. М. Мелиоранским, «бек» переводится словом «эмир» (см. П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. ЗВОРАО, 1904, т. XV).

[21] В XIII в. эта категория аристократии была еще довольно распространенной. Видимо, когда Джучи получил четыре тысячи, то их предводители командовали своими собственными племенами, составлявшими эти тысячи. У Рашид ад-Дина прибавление «вместе с войском» часто говорит, по-видимому, об одинаковой племенной принадлежности войска (т. е. улуса) и предводителя — эмира (см., например, Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 172, 177 и др.). Пример принадлежности к единому племени и войска (улуса), и военачальника см. у Рашид ад-Дина: племя кият, происходившее от Менгету-Кияна, который был его предводителем еще, видимо, до правления Чингис-хана. При Менгету-Кияне и после него и его брата этими племенами стали управлять в качестве эмиров-тысяцких их дети Куки-нойон и Мугэту-бахадур (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 46). Другие примеры такого совпадения см. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 70, 269; «Тысяча, состоявшая из племени ойрат. Их было собственно четыре тысячи. Эмирами и повелителями их был Кутука-беки (из того же племени). Когда он подчинился (Чингис-хану), все ойратское войско по (установившемуся) обычаю утвердили за ним, а эмирами-тысяцкими были те люди, которых он хотел. После него (этими тысячами) ведали его сыновья, которые были побратимами-сватами». То же можно сказать о Куилдаре из племени мангут, командовавшим тысячей мангутов (там же, т. I, ч. 2, стр. 272) и т. д.

[22] Например Елдэкэ в Золотой Орде, зять Хушидай-Байку из племени хушин. Последний, видимо, при Джучи командовал тысячей этого племени. Затем Елдэкэ из племени джурьят по представлению своего тестя был назначен его наибом и потом заместителем и стал тысяцким племени хушин (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 172). Чингис-хан роздал людей из рода Кэреит своим сподвижникам, происходившим из других родов («Старинное монгольское сказание о Чингис-хане». ТЧРДМ, 1861, т. IV, стр. 99). «Он смешал роды Баали, Адарки и другие, управляемые Тагаем и Ашихом, составил тумен и отдал его Хорчи из другого рода» (там же, стр. 117). О раздроблении родов в эпоху Чингис-хана свидетельствует и просьба Тоолина к Чингис-хану: «Братья мои, негусы, рассеяны по разным улусам, мне хотелось бы пособирать их...» (там же, стр. 123). Характерно, что Чингис-хан сделал пастуха овец Дегию тысячником, а улус приказал его собрать из «бездомного народа» (там же, стр. 124).

либо, наконец, служилый слой аристократии при дворе хана или каана[23]. Беки были и в золотоордынской Волжской Болгарии («бек», «инал», «ага», «ювари» — титулы болгаро-татарской знати, встречающиеся в текстах надгробий золотоордынского периода)[24].

Отметим, что в XIII в. в Золотой Орде употребление терминов «бек» и «эмир» было сравнительно редким. Эти термины становятся часто употребительными в XIV в. Уже в источниках рубежа XIII—XIV вв., равнозначные им термины «нойон» и «бахадур» превращаются в постоянные компоненты собственных имен монгольской знати.

Нукер. «Верный слуга», «друг», дружинник, обычно выходец из аристократического рода, пришедшего в упадок[25]. Термин имел точный смысл — «дружинник» — в Монголии в XII — начале XIII в.[26]. В конце XIII—XIV в. дружинник — нукер часто совпадает по значению с военачальником — эмиром, а позднее часто означает просто слугу, воина, товарища, спутника и т. д.[27]. Социальная специфичность этого термина несколько стирается, таким образом, уже в XIV в., подобно терминам «огланы», «нойон», «бахатур», быть может, вследствие распространения тюркско-арабской социальной терминологии («бек», «эмир»).

Огланы имели право на улус по рождению, прочие представители аристократии получали его как пожалование на условиях службы сюзерену, т. е. как феодальное пожалование[28]. Оно закреплялось инвеституpой хана, выдававшего знаки власти, так называемые пайзы[29] — золотые, серебряные или деревянные, большие или малые, соответствовавшие различным категориям держаний. Инвеституры в XIII в. периодически подтверждались, а держания пересматривались. Обычно этот вопрос решался курултаем[30].

Возникновение монгольского государства Чингис-хана было связано с воинами, с сепаратистски настроенными ханами вождями племен, а затем с грандиозными внешними завоевателями войнами. Мы отмечали, что в связи с этим формы зависимости, возникшие в его государстве, несли на себе отпечаток этих военных обстоятельств сложения феодального монгольского государства. Взаимоотношения кочевников, попавших в вассальную зависимость от рода-победителя, нашли свое выражение в создании системы улусов. Но улусная систе-

---

[23] При Чингис-хане было довольно много эмиров, назначенных на придворные должности, среди них эмиры-стольники и другие. Известен знатный кыпчак, бывший при Чингис-хане «эмиром зонтикодержателей».

[24] См. Г. В. Юсупов. Введение в болгарско-татарскую эмиграфику. М.—Л., 1960, стр. 102—103. Г. В. Юсупов описывает одно надгробие XIV в. с указанием трех поколений знати — носителей титула «ювари». Этот титул Х. Фейзанов и Г. В. Юсупов считают титулом военачальников.

[25] «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане», стр. 60, 73; Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 94 и сл.

[26] Чингис-хан назвал «нукером» Тулуя (Рашид ад-Дин, т. II, стр. 107), поскольку тот находился все время в его ставке — орде.

[27] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 25, 32, 73, 83, 95 и др.; Л. З. Будагов. Ук. соч., т. II. СПб., 1871, стр. 296.

[28] О службе в 10 000-й гвардии Чингис-хана представителей аристократии, владевших улусом, см. «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане», стр. 125.

[29] О пайзе, байсе, басме см. К. А. Иностранцев. К вопросу о басме. ЗВОРАО, 1908, т. XVIII, стр. 172; А. А. Спицын. Татарские байсы. ИАК, 1909, вып. 29; см. также В. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. ТВОРАО, 1857, т. IV, стр. 229—230; И. Н. Березин. Очерк.., стр 443.

[30] Например, курултай царевичей 667 г. х. (1268/1269 г.) в районе р. Талас. Здесь Кайду, Борак и Менгу-Тимур разделили земли Мавераннахра (см. Тизенгаузен, т. II, стр. 77).

ма противоречила сохранявшимся еще патриархальным и племенным делениям. Попавшие в зависимость роды и племена дробятся, кочуют по новым местам; кочевые группы теряют связь с близкими им по происхождению родами и коллективами. Еще больший удар пережиткам родо-племенных отношений нанесло возникновение новых взаимоотношений кочевых феодалов-сеньоров и их вассалов, основанных на принципах военного подчинения, попавших в зависимость родов и племен, разделенных на десятки, сотни, тысячи и тьмы. При этом темники получали такое количество кочевых хозяйств, которые могли выставить 10 000 воинов, тысячники соответственно 1000, сотники — 100 и т. д. [31].

О том, что тысяча или тумен — это не просто количество воинов, а именно такое держание, которое может выставить тысячу или десять тысяч воинов, свидетельствует то, что несмотря на естественный прирост населения и поглощение какой-либо тысячей или туменом других групп, в течение долгого времени эти подразделения оставались все той же воинской единицей. Так, Рашид ад-Дин писал о племени Мунгэту-Кияна: «В настоящее время, благодаря приросту (населения), количество (людей) одного монгольского тумена больше, чем (вся) их ветвь». Рашид ад-Дин сохранил нам древнемонгольскую традицию счета на курени и кибитки. Каждый курень — это совокупность кибиток, видимо, кровных родственников. Куренный способ кочевий — это кочевки родом. В XII в. тысяча примерно кибиток стала приравниваться к куреню. «В ту эпоху тысячу кибиток, располагавшихся таким образом (куренем), считали за один курень» [32].

В другом месте Рашид ад-Дин пишет: «...когда (все) собрались, он (Чингис-хан) определил им счет по туманам, по тысячам и сотням. Всего было тринадцать куреней. Значение (термина) курень — кольцо». Далее идет перечисление куреней и их состава. В курень, оказывается, входит уже не род, не племя, а нукеры и зависимые роды [33]. Таким образом, нам представляется, что в приведенных свидетельствах мы можем видеть переход от куреня, как объединения кровных родственников, к тысяче и тумену как феодальному держанию.

Тумен и тысяча — новые войсковые единицы, новые обозначения для старых куреней, которые уже утратили свою патриархальную «чистоту», осложнились включением в них зависимых родов и племен [34]. С переходом от куреня к аилу курень совсем исчезает и заменяется тысячей и туменом как обозначением группы кочевников, данных в удел. Отметим, что существовавшей у ряда тюркских племен числительной номенклатуре (тумен, тысяча) очень долго придавали этнически-племенной оттенок (у башкир одно племя называлось

---

[31] См. С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. ИА, 1940, вып. III, стр. 37; «Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 44.

[32] Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 18, 46.

[33] Там же, стр. 86—87. В китайском переводе XIV в. «Секретной истории» становище обозначено словом, имеющем значение «круг» (см. «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане», стр. 46, 181).

[34] С. П. Толстов выводил военно-территориальное деление на тумены и т. п. (противопоставляя их родо-племенному членению) из древних, дофеодальных территориально-кастовых и возрастных членений тюркских племен (см. С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1(2), стр. 76). Но каково бы то ни было происхождение этого деления на тумены, тысячи и т. п., нельзя отвергать феодальный его характер у монголов XIII—XIV вв. Эти единицы были для Чингизидов формой ленных пожалований, улусов.

«минг», что переводится как тысяча[35]. Слово «хазар» — тысяча (по-персидски) стало названием афганской народности хазарейцы, а слово «сад» — сто (по-персидски) вошло в один из вариантов названия их страны (Хазарджат или Сададжат)[36]. У узбеков было племя «юз»[37].

Племена Дешт-и-Кыпчак были для монголов тем материалом, из которого на западе Чингизидской державы были созданы улусы и армия.

Например, в боях в Центральной Европе 1241 г. в монгольской армии сражались команы[38].

В хронике Матвея Парижского сохранилось письмо двух католических монахов, из которого явствует, что хотя воины монгольской армии и называются татарами, в войске много команов и псевдохристиан[39].

Десятичная система деления всего населения при Чингис-хане не была простым оформлением на военный лад племенных и родовых группировок, как думают С. Е. Толыбеков[40] и Г. Е. Марков[41]. Своей системой «Чингис-хан преднамеренно разрушал традиционную родоплеменную структуру»[42].

Правое и левое крыло

Все войско Чингис-хана делилось на правое и левое крыло. В соответствии с этим и улусы тоже были правого и левого крыла. Дешт-и-Кыпчак (так же как и собственно монгольское население, коренной юрт Чингис-хана после выделения части племен в удел Джучи и другим сыновьям) разделился, в соответствии со старой традицией кочевников Евразии, на две части, два крыла[43].

Однако, если раньше у тюрков (например, у печенегов) деление на два крыла соответствовало родо-племенному делению, то в феодальном государстве монголов одно племя могло быть расчленено между правым и левым крылом[44].

[35] См. L. Ligeti. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis. KCsA, H. 1, 1925, S. 120. О происхождении этого этнонима см. Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960, стр. 190.

[36] См. Л. Темирханов. О некоторых спорных вопросах этнической истории хазарейского народа. СЭ, 1968, № 1, стр. 85; МИТТ, т. II, стр. 43.

[37] См. В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. «Тр. ИИА АН УзССР», 1950, т. II, стр. 155.

[38] «Rogerii Carmen Miserabile. Scriptores Rerum Hungaricarum», v. II. Budapest, 1938, p. 582.

[39] «Mathei Parisiensis Chronica maiora. Monumenta Germaniae, Scriptores», v. XXVIII, p. 208.

[40] См. С. Е. Толыбеков. Ук. соч., стр. 182 и сл.

[41] См. Г. Е. Марков. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии и эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1967.

[42] В. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 109—110; С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, стр. 152; Л. П. Лашук. Ук. соч., стр. 102.

[43] Деление племен на два крыла существовало еще у печенегов. Возможно, резкое отличие типов каменных изваяний восточных казахстанских кыпчаков и западных (к западу от Дона) отражает деление кыпчаков на два крыла (европейские и казахстанские кыпчаки), деление, отразившееся и в материальной культуре этих кочевников. По существующей у монголов традиции, деление на правое и левое крыло восходит еще к легендарному Огуз-хану. Рашид ад-Дин делит монгольские племена на две части: дарлекин и нирун (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 86, 152 и 178). Деление на два крыла сохранилось у киргизов (см. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов. СЭ, 1946, № 3, стр. 125). О делении тысяч Чингис-хана см. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 267 и сл. Это деление не совпало со старым племенным делением на нирун и дарлекин.

[44] Примером этому может служить распределение тысяч Чингис-хана. Так, например, племя мангут оказалось и в левом крыле под командованием Куилдара —

Эмиры левого крыла со своими отрядами во время боевых действий располагались на левом фланге, эмиры правого крыла — на правом. В этом мы видим пример той сопряженности общественных и государственных понятий и категорий с понятиями армейского кочевого быта, которую не раз еще придется отмечать в истории Золотой Орды.

Прикрепление к войсковой единице, а следовательно, к определенному кочевому улусу было очень строгим, и яса запрещала самовольный переход из одного подразделения в другое[45].

В этом следует усматривать характерное для кочевого феодализма прикрепление производителя к кочевым общинам, которые вместе с территорией их кочевий составляли кочевой феод[46].

Совпадение общественной и военной структуры — характернейшее явление общественного строя кочевников Центральной Азии. В эпоху военной демократии военные подразделения совпадали с племенами и родами (кстати сказать, это не было явлением, характерным только для кочевников, у них оно лишь было выражено очень ярко). В эпоху улусной системы Чингис-хана и его преемников совпадение улусов, данных в держание, и военных подразделений также было весьма полным, что и нашло выражение в делении всего народа на военные единицы, соответствовавшие той или иной градации улуса. Но теперь улус (тумен или тысяча) не были просто племенем или родом, или другой патриархальной первобытной социальной группой. Это был конгломерат различных групп и осколков старых групп. Чтобы заменить старые патриархально-общинные связи, потребовалась дисциплина Чингис-хана, с ее строжайшим запретом менять свои сотни или тумены, равносильном запрещению покидать свои улусы, т. е. своих сюзеренов — беков, темников, тысячников и т. д.

Сила центральной власти

Соответствие кочевой системы улусов армейской организации в Джучидском и в других монгольских государствах позволяли главе державы держать в рамках особо строгой дисциплины своих вассалов. Источники подчеркивают эту власть верховного каана или улусного хана над своими вассалами (царевичами и нойонами, эмирами — темниками, тысячниками и т. д.).

«Он поставил эмиров над войсками, учредил эмиров тысяч, эмиров сотни и эмиров десятка. Он указал, чтоб старший из эмиров, когда он проступится и государь пошлет к нему последнего из своих служителей для наказания его, отдавал себя в руки последнего и распростирался бы перед ним, пока он исполнит предписанное государем наказание, хотя то было лишение живота». «Он запретил эмирам обращаться к кому-либо кроме государя, а кто обратится к кому-ни-

---

выходца из того же племени, и в составе правого крыла под командование Джэдайнойона (Рашид ад-Дин, т. I, ч. II, стр. 185; т. I, ч. 2, стр. 268, 272).

[45] См. свидетельства П. Карпини. Путешествия.., стр. 45. И. П. Петрушевский видит в этом зародыш будущих крепостнических отношений (И. П. Петрушевский. К вопросу о прикреплении крестьян в Иране в эпоху монгольского владычества. ВИ, 1947, № 4). Яса строго запрещала переход из одного подразделения в другое (Я. И. Гурленд. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия. ИОАИЭ, 1904, т. XX, стр. 64).

[46] См. В. Ф. Шахматов. К вопросу об этногенезе казахского народа. «ИАН КазССР», сер. историческая, 1950, № 6; В. С. Бартаков. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии. «ИАН УзССР», 1949, вып. 3; его же. Особенности феодализма у кочевых народов. Сб. «Научная сессия АН УзССР 9—14 июля 1947 г.». Ташкент, 1947.

будь кроме государя, того предавать смерти, кто без изволения переменит назначение, того предавать смерти»[47].

Источники подчеркивают зависимость держателей кочевых улусов от хана и полную власть хана распоряжаться делами улусов, назначать территории для пастбища и т. д. Эмиры — держатели ленных владений в степи оказывались экономически в жестких рамках ханской регламентации, как в армии — в рамках железной чингисханской дисциплины.

Чингис-хану приписываются следующие слова, хорошо отразившие положение улусной феодальной аристократии в то время:

«Только те эмиры туменов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингис-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников»[48].

В. Рубрук писал, что «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью». П. Карпини указывает, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам»[49].

Такова была улусная система в государстве монголов в XIII в., имевшая во всех своих звеньях соответствия в армии. Это была феодальная система, система феодальных условных держаний и вассальных отношений[50]. Улусы мы можем назвать кочевыми ленами[51].

В этой системе наличествовал, хотя и в скрытом виде, необходимый элемент феодального строя — феодальная, сословная собственность на землю. Пастбища тысячи или тьмы закреплялись за оглановами и нойонами, и они осуществляли всю регулировку движения подчиненных им кочевых групп по этой территории, определяли маршруты кочевий, реализуя тем самым свое монопольное право на землю.

---

[47] Я. И. Гурленд. Ук. соч., стр. 64; см. также Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829, стр. 231; The Tarikh-i-Jahán-gushà of Alà ud-din Atá Malik-i-Juwaini. GMS, v. XVI, 1. Leyden-London, 1912, p. 24.

[48] Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 260.

[49] «Путешествия...», стр. 45—46, 91.

[50] Кроме рассмотренных терминов кочевого владения в рамках улусной системы, мы знаем по персидским источникам употребление термина «икта». Термин «икта» применен ибн-Биби к тому пожалованию, которое получил Изз ад-Дин от Берке. Последний дал ему в икта Солхат (Тизенгаузен, т. II, стр. 26). Но мы знаем, что в эти годы монгольская аристократия не управляла городами, а получала лишь долю налогов с их населения. Нужно думать, что Изз ад-Дин не был правителем, а лишь получал причитающуюся Берке долю с доходов этих крымских городов. В другом месте (у Джузджани), термин «икта» употреблен в значении удел (улус) Берке (Тизенгаузен, т. II, стр. 17). Неточное употребление термина «икта» говорит о том, что для золотоордынского общества те социальные отношения, которые в мусульманском мире выражались этим термином, были не характерны. Показательно, что Рашид ад-Дин, описывая те же события, воздерживается от употребления этого термина, заменяя выражением «султанство» (Тизенгаузен, т. II, стр. 73; Рашид ад-Дин, т. II, стр. 197).

[51] Примером такого кочевого владения можно считать степной Крым, отданный некоему Тук-Бука. Ал-Муфаддаль писал: «Он начальствовал над десятком тысяч (воинов) и был правителем всего этого края» (Тизенгаузен, т. I, стр. 192). Очевидно, кочевое население Крыма соответствовало такому улусу, который выставлял тумен воинов.

Для этой формы собственности на землю была характерна типичная для феодализма иерархичность.

Верховным распорядителем земли объявлялся глава Чингизидского дома, а сам этот род являлся верховным собственником всей присоединенной и завоеванной территории. Это касалось и имущества вообще, скота и людей: «...все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «Это мое или его», но все принадлежит императору, то есть все имущество, вьючный скот и люди...» — писал П. Карпини [52]. Именно потому во всех монгольских государствах, и затем как сильнейшая традиция во всех государствах, возникших на развалинах Золотой Орды, круг лиц, имевших право стать ханами, был строго ограничен рамками дома Чингизидов или Джучидов [53].

Для кочевого феодализма, как отмечено многими исследователями, характерно сохранение сильных пережитков родового строя. И в рассматриваемый период мы видим, что источники называют в качестве сотен, тысяч и т. д. (т. е. улусов монгольской знати) роды и племена. Но вместе с тем мы видим, что эти роды и племена утрачивают свою патриархальную «чистоту», смешиваются и членятся. Они превращаются в кочевые общины, «общество спутников», как называл их К. Маркс, которые сопоставляются советскими исследователями с соседской общиной эпохи феодализма в оседлых странах [54].

Эта улусная система была отлична от зрелой феодальной системы самодовлеющих уделов рядом особенностей, которые характерны именно для XIII в., эпохи становления общественных отношений в кочевой золотоордынской степи.

Отсутствие иммунитетов и неустойчивость улусов

Во-первых: не было развитых иммунитетов, ни налоговых, ни административно-судебных. Отсутствие налогового иммунитета у кочевых держаний XIII в. засвидетельствовано источниками, в том числе ясой Чингис-хана [55], которые сообщают о многочисленных общегосударственных поборах и повинностях кочевого населения в пользу хана (например, копчур).

Освобождение от налогов и других повинностей в пользу хана давало тарханство и тарханный ярлык. «Этот вид феодальных прав,— писал К. Маркс о тарханах в монгольском государстве,— возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни» [56]. Тархан, по сообщению ибн-Баттуты, это место, изъятое от податей [57]. Но мы не знаем тарханных пожалований в Улусе Джу-

---

[52] «Путешествия...», стр. 45—46.

[53] См. С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 184 и сл.

[54] См. Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. ВИ, 1955, № 6, стр. 78.

[55] См. Я. И. Гурленд. Ук. соч., стр. 63; см. также С. Л. Козин. Ук. соч., стр. 279.

[56] «Архив Маркса и Энгельса», 1938, кн. V, стр. 220.

[57] «Тархан — значит у них место, изъятое от податей. Город этот (Хаджи-Тархан) получил название от тюркского хаджи (паломника), одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно и оно стало деревней; потом оно увеличилось и сделалось городом» (Тизенгаузен, т. I, стр. 301). Для более позднего времени мы имеем ряд указаний на сущность тарханства (монг. дархан). Низам ад-Дин Шами писал: «Тимур дал (им) указ на тарханство. Было приказано, чтобы им не препятствовали входить к его величеству, не спрашивали с них и детей их до девяти проступков, не брали их лошадей для выполнения подводной повинности (улаг) и считали (их) изъятыми и свободными от всех повинностей» (там же, т. II, стр. 116). О наследственной передаче тарханского достоинства и о роде — тархане см. у Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2.

чи в XIII в. Это косвенное негативное свидетельство подчеркивает малое распространение в XIII в. практики улусных пожалований с иммунитетами.

Во-вторых: не было никакой устойчивости в определении границ рядовых улусов, а вместе с тем и степени самостоятельности и независимости кочевого феодала от центральной власти. Мы привели ряд свидетельств о той власти, которую имели ханы XIII в. над своими улусными вассалами[58]. Уделы часто менялись, менялись кочевья и местопребывание эмиров со своими сотнями или тысячами. Более или менее постоянными оставались только крупные, основные улусы. Мнение М. Г. Сафаргалиева о том, что эта устойчивость улусов характерна для всех категорий держаний в течение всей истории Золотой Орды, мы считаем неверным[59]. Приведенные им примеры нуждаются в проверке, так как взяты из поздних источников и не отражают положения дел в Золотой Орде в начальный период ее исторической жизни. Действительно, в более поздний период улусы стали наследственными ленами, о чем мы будем писать ниже, но утверждать это для XIII в. у М. Г. Сафаргалиева нет оснований. И действительно, в приведенном М. Г. Сафаргалиевым отрывке из рукописи Рузбехана, относящейся к XVI в., этот автор тенденциозно возводит держания казахских ханов XVI в. ко времени Джучи, чтобы тем самым обосновать и освятить власть казахских ханов — султанов, якобы ведущих свой род от самого Чингис-хана[60].

Более прав в характеристике улусного строя XIII в. М. Г. Сафаргалиев тогда, когда приводит, хотя и позднее, но очень характерное свидетельство Абу-л-Гази о назначении в Крым сына Тука-Тимура, Уран-Тимура[61], царевича левого крыла, расположенного в низовьях Сырдарьи. Однако, возможно, Абу-л-Гази путает Тука-Тимурида, правившего в Крыму в XIII в. с кем-либо из Тука-Тимуридов в Крыму в начале XV в. Трудно принять тезис М. Г. Сафаргалиева о том, что власть Ногая над западными землями Улуса Джучи досталась ему по наследству от его отца и деда, так как для этого надо доказать тождественность Мауцы, который, как писал Карпини, «владеет степью близ Днепра», и Мувала, деда Ногая.

стр. 124). Древнее значение «тархан» («дархан») неопределенно. Это и обозначение высокого состояния и название вольноотпущенника. В «Сокровенном Сказании» дарханство заключалось в нераздельном владении добычей (С. А. Козин. Ук. соч., стр. 167; «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане», стр. 116, 124). В роде — тархане можно видеть отпущенный на свободу род, бывший вассалом, а можно видеть род, освобожденный от копчура и подводной повинности (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 171). «Тарханы» — чаще всего служители культа в империи Чингизидов XIII в. Неясность и полисемантизм термина у Рашид ад-Дина говорит о неразвитости института тарханства, т. е. неразвитости налоговых иммунитетов в монгольских государствах XIII в. Подробнее о термине «тархан» см. С. М. Шапшал. К вопросу о тарханных ярлыках. Сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953; ДС, стр. 538, 539.

[58] Чингис-хану приписываются слова: «Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить в бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы (поступим с эмирами) сотен и тысяч и эмирами-темниками» (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 260).

[59] См. М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 94 и сл.

[60] «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Алма-Ата, 1935, стр. 107. Также сочинялись вымышленные генеалогии знатных беков в Крымском ханстве XVI в. с целью возвести их род к Бату и подтвердить древность их улусных владений (см. Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1894, № 22, стр. 105).

[61] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 42, 54—55, 59, 61.

Тезис о наследственном характере держаний и неизменности улусов, якобы существовавших в Золотой Орде с самого начала ее существования, М. Г. Сафаргалиев подкрепляет также и сведениями, взятыми от родословных князей Сеид-Ахметовых, Кудашевых, Адашевых, Тенишевых и Янгалычевых, хранящихся в архиве Саровского монастыря в Мордовской АССР. Однако эти родословные только в том случае подтвердят положение М. Г. Сафаргалиева, если будет доказано, что Бехан, основатель этих татарских феодальных фамилий, действительно получил эти земли в середине XIII в. Составитель родословной относит годы правления Бехана ко времени Дмитрия Донского, М. Г. Сафаргалиев же — ко времени Берке на том шатком основании, что г. Темников, находившийся под властью Бехана, был основан якобы в 1250-х годах, потому что примерно в это же время на Руси появились татарские темники, сотники и тысячники.

Следует отметить сомнительность взятых М. Г. Сафаргалиевым также из позднейшего источника сведений о мещерских князьях, содержащих к тому же грубую ошибку в датах.

Относительно характера кочевых феодальных держаний XIII в. известно, что Чингис-хан завещал сыновьям требовать ежегодной явки вассалов к хану для утверждения держаний. Без этой явки кочевой феодал как бы лишался прав на улус[62]. Характерно, что формулы ярлыков сохранили нам свидетельство об утверждении новым ханом всех пожалований и владений, данных предыдущим ханом. И хотя это утверждение было формальным, сама по себе необходимость даже в XIV в. упоминать об этом говорит, что в начале существования Золотой Орды это было действительным пересмотром и действительным утверждением старых владений[63].

Яса Чингис-хана подчеркивала полную зависимость монгольской знати от каана[64]. Никакой феодальной автономии, полная власть каана над всеми слоями аристократии, над всеми держателями улусов — таков лейтмотив этих положений ясы. В предыдущей главе мы видели, что власть каракорумского каана над оседлыми землями в XIII в. осуществлялась, минуя улусных держателей-ханов.

Границы улусов в XIII в. подлежали периодическому пересмотру на курултаях[65], а каждый новый каан или хан должен был снова подтвердить инвеституру. В этом находит отражение неустойчивость владений кочевых феодалов, их временный, условный характер в XIII в. Состав рядовых улусов не был постоянен и верховная власть могла легко изменить его, передав часть войска или часть кочевников, входивших в один улус, другому представителю аристократии[66]. Те

---

[62] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 260.

[63] Когда Берке стал ханом, он утвердил за всеми старшими и младшими братьями «те уделы, которые дал им Бату хан» (Абу-л-Гази. Родословное дерево тюрков. Казань, 1906, стр. 151).

[64] См. Я. И. Гурленд. Ук. соч., стр. 63—64.

[65] «На великом курултае, созданном по велению Чорма-хана (главы монгольской власти в Закавказье, Джурмагун-нойон) эти сто десять начальников разделили между собой все земли». См. К. Г. Патканов. История монголов инока Магакии XIII в. СПб., 1871, стр. 40.

[66] Например, Угедей послал на завоевание Индии «из своей страны нойона Кукая, из страны Бату нойона Курульчика и нойона Никудера, из страны царевича Джагатая нойона Таир Бахадура и Буджая, Угедей приказал присоединиться к этим эмирам и с ними вместе перейти Амударью: Пахлавану Урзма из Альмалич, Мусагву Фулаузу из Ферганы, Мачин Хутату из Талас, Киджелита из Уджанд-Худжанд, Малику Нудшали из Тармдалиб, Хисам ад-Дин Улиб Ходжибу из Самарканда» (Сейфи Сейф ибн-Мухаммед ал-Хереви. Тарих наме-йи Херат. Калькутта, 1944, стр. 174, на персидском языке). Другой пример: Кули из улуса Орды со своим коче-

массивы кочевого населения, которые попадали в рамки улуса, не представляя какого-либо постоянного образования, сложившегося исторически, который было бы трудно расчленить ханской власти.

История сложения улусной системы в Золотой Орде

История сложения улусной системы в Золотой Орде была такова: первоначально удел Джучи, т. е. тот народ, который был дан ему как улус, составил население, способное выставить 4000 войска. Рашид ад-Дин писал:

«Удел старшего сына Джучи-хана. Четыре тысячи человек. Тысяча Мунгкура. Он был из племени сайджиют и в эпоху Бату ведал левым крылом. В настоящее время из его потомков есть (эмир) по имени Черкес, из эмиров Токты: он ведает должностью отца.

Тысяча Кинкетай Кутан-нойона. Он был из племени кингит, и сын его по имени Хуран, который был у царевича Коничи, принадлежал к числу старших эмиров этого улуса.

Тысяча Хушитая. Он был из эмиров племени хушин; он был из числа родичей Бурджи-нойона.

Тысяча Байку. Он был из племени хушин; он ведал бараункаром, т. е. правым крылом.

Чингис-хан отдал этих четырех упомянутых эмиров с 4000 войска Джучи-хану; в настоящее время большая часть войска Токтая и Баяна суть из рода этих 4000, а то, что прибавилось в это последнее время, (состоит) из войск русских, черкесов, кыпчаков, маджаров и прочих, которые присоединены к ним. В смутах между родственниками некоторые ушли туда» [67].

Из последних фраз видно, что покоренные народы составили новые улусы монгольской аристократии и в соответствии с этим и новые войсковые подразделения [68]. Учитывая оторванность монголь-

---

вым улусом был послан в подчинение Хулагу. Одновременно было отдано приказание, чтобы с Кули отправился Балакан сын Шибана и Тутар внук Бувала, которого «Муизз» путает с Татаром, отцом Ногая (Тизенгаузен, т. II, стр. 45, 57, 67, 68). Еще один пример дают нам китайские хроники: «Еще предписал... Мунке воевать западный край, а генералу Тангулу-куциню воевать Корею. Монголов из каждой десятины один человек пошел на западную и один на южную войну, т. е. в Россию и Китай» (Иакинф. Ук. соч., стр. 253—254). Таким образом, это была система свободного вмешательства ханской власти в дела кочевых улусов, лишенных не только иммунитетов, но и территориальной устойчивости и определенности.

[67] Тизенгаузен, т. II, стр. 30 и 33 (в первом случае — расширенный, пространный вариант того же рассказа). В «Сокровенном Сказании» говорится о выделении Джучи 9000 юрт с тремя эмирами: Мункеур (Мунгкур), Хунан (Хушитай) и Кете (Кутан). См. С. А. Козин. Ук. соч., стр. 176; «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане», стр. 133. Вассаф приводит совершенно другие имена 4 личных тысяч Джучи: Керк, Азан, Азль, Алгуй (Тизенгаузен, т. II, стр. 84), но чтение этих последних имен, как замечают редакторы второго тома «Материалов» В. Г. Тизенгаузена, сомнительно. Кроме указанных 4000 Джучи в XIII в. в Золотую Орду переселилось некоторое количество других монгольских племен: мунгэту-киян (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 46), кунгират (там же, т. I, ч. 1, стр. 162; т. II, стр. 104). Видимо, за период, прошедший от Джучи до Токты, прибавилось некоторое количество населения.

[68] Источник XV в., «Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могул», так называемый «Муизз», считает возможным к последней фразе приведенного отрывка из Рашид ад-Дина добавить сообщение о том, что «большая часть войска в Дешт-и-Кыпчаке, Сарае и Хаджи-Тархане до Руси и черкесов происходит от этого народа; к войску его присоединилось еще много других эмиров, но в подробностях имена их неизвестны» (Тизенгаузен, т. II, стр. 34). Автор «Муизза» подчеркивает свое понимание этого отрывка из Рашид ад-Дина как сообщения о том, что монгольское войско обросло местными кочевыми соединениями, а следовательно и кочевые держания монгольской аристократии в значительной части были из местных номадов. Симон Сен-Кентский сообщал, что из 610 000 войска монголов собственно монголами были 160 000 человек (Д. И. Языков. Собрание путешествий к татарам и другим

ской аристократии от непосредственного управления оседлыми землями, мы можем предположить, что из присоединенных народов главную долю составляли степные кочевники, а среди них, естественно, большая часть была кыпчаками.

Ко времени Бату относится деление улуса Джучи на две части. Левое крыло отходит к сыну Джучи — Орде, правое к другому сыну — Бату. Хан Орда со своими братьями Удуром, Тука-Тимуром, Шингкуром, Сингкумом (по Рашид ад-Дину) занял восточные и юго-восточные земли, отошедшие потомкам Джучи[69].

О местоположении улуса Орды сына Джучи, т. е. левого крыла, существует следующее указание источников: согласно Рашид ад-Дину, юрт — ставка Коничи, сына Орды находилась в пределах Дженда и Узгена[70]. «Аноним Искандера» сообщает, что Эрзен, один из ханов левого крыла, владел Сыгнаком и построил различные здания в городах Отраре, Сауране, Дженде, Барчкенде[71]. Мавераннахр не входил в улус Орды. Это явствует из того, что в переговорах с Бораком и Хайду не упоминаются представители левого крыла: от имени Джучидов вели переговоры ханы правого крыла (брат Бату Беркечар и внук Бату — Менгу-Тимур)[72]. Мавераннахр они поделили так, что часть его отошла именно к Менгу-Тимуру, а не к ханам левого крыла. То же следует сказать и о Хорезме, где делами управляли наместники ханов правого крыла (Кутлуг-Тимур от имени Узбека) и от имени этих ханов чеканилась монета.

Есть еще одно свидетельство о местоположении улуса Орды у «Анонима Искандера»: «...пределы Улуг-тага, Секиз-ягача и Каратала до пределов Туйсена, окрестностей Дженда и Барчкенда...»[73]. Кроме Дженда и Барчкенда здесь остальные топонимические данные не локализуются и сопоставление сомнительно читаемого слова «Туйсена» с Тюменью не может быть принято. Таким образом это свидетельство «Анонима Искандера» ничего нового нам не дает. По сведениям П. Карпини владения Орды были расположены по соседству или непосредственно в землях кара-китаев в районе какого-то моря (очевидно, озера)[74]. Под этим морем А. И. Малеин подразумевал Байкал, Е. Бретшнейдер и В. В. Бартольд—озеро Ада-Куль, М. Г. Сафаргалиев—Балхаш[75]. Все эти точки зрения, однако, по существу, бездоказательны. У П. Карпини указанием на место пребывания хана Орды может служить то, что Орда живет в землях кара-китаев, где имеется город Омыл (Эмиль на озере Кызыл-Баш). К. И. Петров локализует ставку хана Орды на этом основании у города Эмиля[76]. Кроме того, из текста П. Карпини явствует, что ставка хана Орды была расположена недалеко от старой ставки Джучи, т. е. где-то в верховьях Иртыша. Таким образом, владения Орды в 1240-х годах доходили до Или-Иртышского междуречья. Этот район был при Хайду включен в его

восточным народностям, т. I. СПб., 1825, стр. 47). О русских, ясах, черкесах в монгольском войске начала XIV в. см. у ал-Омари (Тизенгаузен, т. I, стр. 231).

[69] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 41—42.

[70] См. там же, стр. 41—42.

[71] Там же, стр. 129; Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i-Mu'ini (Anonyme d'Iskandar). Teheran, 1957, p. 68.

[72] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 77.

[73] Там же, стр. 127.

[74] «Путешествия...», стр. 73.

[75] См. В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 60; М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 39—40.

[76] См. К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шане и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961, стр. 89.

объединение, созданное на базе улуса Угедея и отошел от Джучидов [77]. Следует отметить, что попытку М. Г. Сафаргалиева прокомментировать совершенно лишенные конкретных данных сообщения Марко Поло также нельзя принять. Название вершины Таргобатая — Орда-тау — гора Орды не является серьезным аргументом в пользу местопребывания здесь юрта хана Орды. Это название могло возникнуть и в другую эпоху, и по другому случаю, и от другого значения слова «орда».

Деление на правое и левое крыло оказалось очень устойчивым и прошло через всю историю Золотой Орды XIII—XIV вв. Будучи номинально вассалами потомков Бату, потомки Орды свели эту зависимость к минимуму [78], являя собой пример полузависимых государей, позволявших себе чеканку монеты от своего имени в Сыгнаке [79].

Известно, что огузские племена издавна населяли землю по нижней Сырдарье и жили там до XIII в. [80]. Видимо, границы между расселением кыпчаков и гузов легли в основу размежевания левого и правого крыла.

После смерти Джучи был выделен удел другому брату Бату — Шибану. «Юрт, в котором ты будешь жить... будет между юртом (Бату) и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика по рекам Иргиз, Санук, Орь, Илек до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Кара-Куме и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису» [81]. Таким образом, хотя об этом сооб-

[77] См. К. И. Петров. Ук. соч., стр. 5, 96 и сл.

[78] Рашид ад-Дин писал: «При жизни отца и после того был (Орда) в (большом) почете и уважении и хотя преемником Джучи был второй сын Бату, но в ярлыках, которые Менгу-каан писал на их имя по части указов и ясы, имя Орды он ставил впереди... С самого начала никогда не случалось, чтобы из урука Орды те, которые заступили его место, являлись к ханам урука Бату, потому что они находятся далеко друг от друга, и каждый был самостоятельным государем своего улуса. Но у них (потомков Орды) такой обычай, что они признают царями и правителями своими преемников Бату и имя их пишут на ярлыках своих сверху» (Тизенгаузен, т. II, стр. 41—42). В этом отрывке мы находим, во-первых, указание на вассальную зависимость потомков хана Орды от потомков Бату, но выражавшуюся только в том, что имя золотоордынского хана ставилось сверху в ярлыках ханов улуса Орды; во-вторых, здесь указано на их фактическую независимость от улуса Бату.

[79] См. П. С. Савельев. Монеты ханов Джучидов, Джагатаидов, Джалаиридов, вып. 1. СПб., 1857, стр. 160—163.

[80] Сыгнак и Сауран Махмуд Кашгарский называет гузскими городами. См. В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 560—561; т. V, стр. 209; В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. «Материалы по археологии и этнографии Узбекистана». Ташкент, 1950, стр. 144—146; С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 76, 126, 133, 134.

[81] См. Абу-л-Гази. Ук. соч., стр. 160. Карпини указывает, что владения «Сибана» были к северу от владений Джагатая, т. е. к северу от Средней Азии, в Казахстане («Путешествия...», стр. 73). М. Г. Сафаргалиев указывает, что более поздние предания знают пребывание Шибана в Западной Сибири, на Иртыше (М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 41—42; «Ежегодник Тобольского губернского музея за 1904 г.», вып. XIV, стр. 22—23). А. Ю. Якубовский без всяких оснований относит улус к левому крылу. В связи с этим в литературе существует неправильная тенденция рассматривать Волгу как рубеж между правым и левым крылом (Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 110; П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 16). Отсутствие Шибана в списках царевичей левого крыла косвенно свидетельствует о том, что Шибан вошел в правое крыло. У Абу-л-Гази речь идет не о том, что имеется третий удел, а о том, что кочевья Шибана располагаются между кочевьями хана Орды и кочевьями Бату. По «Анониму Искандера» Ибир-Сибир входила в состав правого крыла (Тизенгаузен, т. II, стр. 127), а это, видимо, бывший улус Шибана. То, что Шибан со своим улусом входил в правое крыло улуса Джучи, отразилось в позднем источнике «Бахр ал-Асрар» Махмуда ибн-Вали (XVII в.), где говорится, что Шибан командовал правым

щает нам поздний источник, юрт Шибана может быть помещен в Казахстане между Уралом и Семиречьем.

Волжская группа погребений кочевников продолжается на востоке примерно до реки Урал. Казахские погребения кочевников довольно резко отличаются от восточноевропейских. Где-то между Уралом и Волгой, видимо, пролегла граница между собственно улусом Бату и улусом Шибана.

Есть сведения и об улусе Берке. При жизни Бату этот улус располагался где-то в степях Северного Кавказа [82]. Таким образом, Берке и Шибан относились к улусу Бату и составляли правое крыло. В состав правого крыла Золотой Орды вошла именно половецкая степь.

В левое крыло вошло гузское население. Основное, наиболее глубокое политическое расчленение Джучидского улуса прошло по линии этнической. Разделенными оказались наиболее резко отличавшиеся и языком, и культурой, и уровнем социального развития группы покоренного населения степей — гузы и кыпчаки.

Деление на правое и левое крыло, на два больших отдела — традиционное деление монгольских и тюркских народностей (у печенегов, огузов, сельджуков, монголов, в позднейшее время — у каракалпаков) [83]. Характер этого деления — хороший показатель разложения родо-племенных отношений. В начале оно соответствует племенному делению, но уже в собственно Монголии XIII в. оно соответствовало не племенным, а военно-кочевым держаниям и при делении на два крыла одно племенное или родовое подразделение могло дробиться на две части и попасть в разные крылья. В завоеванных степях Дешт-и-Кыпчак собственно монголы также перемешались при делении на два крыла. Расчленение на два улуса — два крыла теперь в Дешт-и-Кыпчак было не делением племен и родов на два отдела, а делением завоеванной земли и ее населения на два «подгосударства», по проведенным по основным этническим границам, сложившимся еще до завоевания.

Деление на правое и левое крыло в монгольском обществе и монгольской улусной системе было, видимо, многоступенчатым. Дети Джучи делились на ханов правого и левого крыла. Ряд косвенных соображений позволяет высказать предположение о том, что улус дома Бату (правое крыло) в свою очередь при Токте и Ногае делился на правое и левое крыло, причем западное крыло было правым. Можно предполагать, что улусы правого крыла делились в конце XIII в. также на западные, составлявшие правое крыло улуса Бату, и восточные — левое крыло того же улуса. Известно, что Ногай, сын Татара сына Бувала, 7-го сына Джучи был начальником правого крыла [84]. Это свидетельство Рашид ад-Дина требует разъяснений.

Имеется ли в виду в этом отрывке должность Ногая как одного из военачальников — эмиров правого крыла, т. е. удела Бату, или же

крылом войска Бату-хана (Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965, стр. 163) и получил от Бату улус между Уралом и Тоболом (см. также МИКХ, стр. 347).

[82] Рубрук сообщает: «У Бату есть еще брат, по имени Берке, пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам, где лежит путь всех Сарацинов, едущих из Персии и из Турции...» («Путешествия...», стр. 117).

[83] С. П. Толстов связывает это явление с фратриальным дуальным делением, существовавшим у древних предков тюркских племен. См. С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИДО, 1935, № 9—10; С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной организации. ВДИ, 1938, № 1—2; С. Г. Агаджанов. Ук. соч., стр. 103.

[84] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 30, 33, 51, 57.

здесь Ногай назван главой части правого крыла (удела Бату), т. е. он являлся главой и держателем правого крыла удела Бату? В последнем случае значит было и левое крыло правого крыла, т. е. была вторая ступень деления на крылья Улуса Джучи.

Изучение источников позволяет предположить наличие вторичного деления на правое и левое крыло той части Улуса Джучи, которая осталась за потомками Бату. Теоретически в этом нет ничего невозможного, так как мы знаем примеры такого вторичного и даже третичного членения на две части кочевого тюркского населения (например, у печенегов в древности и у каракалпаков в недавнем прошлом).

Предположение о существовании вторичного деления на правое крыло и левое крыло внутри улуса Бату (правого крыла) легко объясняет противоречия, содержащиеся в тексте ряда персидских авторов XV в.[85], а также следующее противоречивое сообщение у Рашид ад-Дина. Перечисляя отданные Джучи 4 тысячи, Рашид ад-Дин сообщает, что Мунгкур, начальник первой тысячи, был эмиром левого крыла при Бату. При Токте служит его сын Черкес (один из эмиров Токты), который исполняет должность начальника левого крыла (должность отца). Но если бы он был эмиром левого крыла, он должен был быть эмиром Сасы-Буки. Очевидно, в ведении Бату и Токты как ханов правого крыла были эмиры вторичного подразделения на правое крыло (глава улуса — Ногай, улусный эмир) и левое крыло. Среди последних начальников был и эмир Черкес. Поскольку левое крыло улуса Бату — это очевидно собственные владения Токты, то нет улусного эмира этого левого крыла, а имеется лишь воинский начальник Черкес.

Другое предположение может заключаться в том, что Черкес был вассалом потомка Орды Сасы-Буки и в данном случае назван эмиром Токты только потому, что Токта был верховным номинальным владетелем всего Улуса Джучи. Но оно кажется маловероятным. У Рашид ад-Дина особо оговорены эмиры улуса потомков хана Орды (например, эмир Хуран).

Позднее, в XIV в. армия ханов правого крыла, потомков дома Батыя делилась на правое и левое крыло независимо от потомков Орды, которые существовали как ханы самостоятельного государства. Так известны эмиры левого крыла войска Джанибека[86].

В биографии султана Калауна упоминается о подарках, предназначенных Берковичам — ханам правого крыла Золотой Орды, их эмирам и женам. В числе тех, кому они предназначались, названы: Менгу-Тимур, Ногай, Аукаджи, Туда-Менгу, Тула-Бука, 6 ханских жен, Маву — начальник левого крыла, Тайра, начальник правого крыла, жены Аукаджи и Гияс ад-Дин Румский[87]. Так как подарки предназначались для ханов, царевичей и жен только западной части Улуса Джучи, то, видимо, имеются в виду и эмиры именно этой части улуса. Таким образом, войском Менгу-Тимура командовали два эмира, левого и правого крыла. Если предположить, что Маву — вассал потомков Орды, то непонятно его пребывание при Менгу-Тимуре (это противоречило бы рассказу Рашид ад-Дина о самостоятельности дома Орды). Таким образом, так же как в сообщении о Черкесе — эмире левого крыла, в этом источнике тоже находим свидетельство того, что улус Бату имел вторичное деление на левое крыло (эмир Маву) и

---

[85] Об этом см. ниже стр. 141 и сл.
[86] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 94.
[87] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 67, 105, 155.

правое крыло (эмир Тайра). Это были воинские начальники. Улусный эмир этого деления — Ногай (правое крыло). Снова не назван улусный эмир левого крыла западной части Улуса Джучи, так как таковым являлся сам хан Менгу-Тимур. Предположение о том, что в данном случае деление на левое и правое крыло — это только войсковое деление флангов, противоречит всей улусной системе XIII в., где тумен, тысячи и сотни — не просто войсковые единицы, а кочевое население, данное в удел, т. е. улусы.

Таким образом, на основании косвенных свидетельств и показаний источников можно предположить о возникновении в правом крыле Улуса Джучи в конце XIII в. вторичного деления на правое и левое крыло. Судя по отдельным и очень кратким свидетельствам, примерные границы между этими частями правого крыла улуса Бату проходили в районе Дона. Так, разграничение сфер влияния Ногая и Токты в конце XIII в. прошло по границам, которые пролегали где-то в районе Дона [88].

Очевидно, непосредственными кочевыми владениями золотоордынских ханов были степи в Поволжье. Пользуясь терминологией западно-европейского феодализма, мы можем сказать, что эти территории были «доменом» золотоордынского хана.

Нижнее Поволжье занимало особое место в истории степей X—XIV вв. Еще в период печенежско-торческого господства здесь намечается некоторое своеобразие инвентаря курганных погребений. В XIII—XIV вв. это своеобразие переросло в локальный вариант половецкой кочевнической культуры [89]. Нижнее Поволжье играло роль пограничной, промежуточной зоны между степным населением Казахстана и Восточной Европы, между двумя группами половецко-кыпчакского населения. Оно лежало на границе ареалов казахстанских типов каменных изваяний и половецких «баб».

В XIII—XIV вв. в персидской литературе Нижнее Поволжье называется Саксин. В ряде других источников поволжские половцы получают в XIII—XIV вв. наименование саксинов, чем подчеркивается выделение этой территории из всего Дешт-и-Кыпчак [90].

Известны некоторые более мелкие уделы. В Крыму в 1260-х годах был темник Тук-Бука, распоряжавшийся всем степным Крымом, который и составлял его тумен [91]. Карпини [92] делит всю половецкую степь к западу от Волги на 4 кочевых владения: по Днепру кочевал

---

[88] О местонахождении улуса Ногая имеются очень скудные сведения. «Прикинувшись больным, он (Ногай) выступил из земель русских, Орнача и Кехреба, которые сам завоевал и сделал своим юртом и местопребыванием, переправился через реку Узи (Днепр)» (Тизенгаузен, т. II, стр. 69). Этноним Орнача является конъектурой В. Г. Тизенгаузена. В некоторых рукописях имеются этнонимы Валах, Тамах, Узнак (там же, стр. 69, прим. 11). Следовательно, юрт Ногая был расположен к западу от Днепра, видимо, в современной Молдавии. Юрт Токты был где-то в Заволжье: «Токтай тотчас же ушел назад и, переправясь через Итиль, вернулся в свой родной юрт» (там же, стр. 70). События 698 г. х. Рашид ад-Дин описывает так: «Токтай собрал войска и в 698 г. х. на берегу реки Узи произвел смотр приблизительно 30 туменам войска... Весною Токтай отступил и устроил летовье на берегу Тан...». Бой произошел на берегу Дона (Тан). (Там же, стр. 71).

[89] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 141—142, 149, 150, 160, 161.

[90] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Область и город Саксин. Древности Восточной Европы. М., 1969.

[91] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 192. Другой ханский наместник в Крыму Таюк (Табук) упомянут в источниках в связи с прибытием египетского посольства 1263 г. (там же, стр. 192); С. Закиров. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966, стр. 46.

[92] «Путешествия...», стр. 70.

Коренца [93], к востоку от Днепра — Мауци [94], по степям Дона кочует Картан и по Поволжью — Бату; на Яике — два кочевых владения тысячников. После того как Берке — владелец кочевий Северного Кавказа стал ханом и присоединил к собственным кочевьям ханов Золотой Орды (т. е. Поволжью) Северный Кавказ, оба этих района стали «доменом» золотоордынских ханов. Очевидно это было такого рода владение, которое в Иране XIII—XIV вв. обозначалось термином «инджу» [95], но только исключительно кочевое.

Чрезвычайно показательно сравнение тех данных, которые мы извлекли из источников, относительно членения на улусы государства Джучи с локальными вариантами кочевнической культуры.

Несмотря на перемещения племен, которые происходили в золотоордынское время, именно в эту эпоху наиболее четко выделился ряд локальных вариантов кочевнической культуры: Поволжье и Заволжье, Северный Кавказ, Приднестровье; ряд особенностей характеризуют состав погребений Приднепровья и Донца. Сохраняются типичные для черных клобуков обряды погребений в Поросье. Некоторые черты, ставшие в золотоордынский период определяющими локальные варианты, зафиксированы в соответствующих районах еще в домонгольское время.

Граница между улусом Бату и улусом Орды совпадала, видимо, с этнической границей между гузами и половцами-кыпчаками. Граница между улусом собственно Бату и улусом Шибана соответствовала разграничению между западными половцами и восточными. Археологические памятники Казахстана слабо изучены. Но все же можно сказать, что они достаточно резко отличались от памятников восточноевропейских степей рядом черт (сооружение каменных насыпей, каменных сооружений над курганом и т. п.). Этническая граница между западными и восточными половцами также определяется, видимо, по распространению различных типов половецких каменных изваяний. Известно, что западные половцы ставили в XII—XIII вв. женские и мужские, сидящие и стоящие статуи с руками, соединенными на животе и с сосудом в руках, с характерным набором реалий. Восточные (казахстанские) половецкие «бабы» отличаются, как правило, большей схематичностью в передаче форм, и имеют часто иное расположение рук; женские статуи среди казахстанских изваяний

---

[93] Этот кочевой феодал под именем Куремса (может быть Хурумши) известен русским летописям. Карпини застал Коренца и его 6 туменов на Днепре. Ипатьевская летопись под 1250 г. сообщает о том, кто кочевья Куремсы были на левом берегу Днепра за Переяславлем (ПСРЛ, т. II, стр. 806). А. Н. Насонов высказывает предположение о движении Коренца на запад в связи с нападением монголов на Галич (А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 24). Позднее в 1255 и 1259 гг. Куремса потерпел поражение под Кременцом, а в 1259 г. под Лучском (ПСРЛ, т. II, стр. 829, 840—842). В 1256—1258 гг. на место Куремсы прибыл ханский военачальник Буранда, который также в 1261 г. добивался подчинения Галича (ПСРЛ, т. II, стр. 846—855, А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 34—35).

[94] В русских летописях — Могучей, упоминается в связи с требованиями золотоордынских ханов дани с Галича (ПСРЛ, т. II, стр. 805).

[95] Значение термина «инджу» в Иране определяется двояко: 1) приданое, приносимое женой в дом мужа (E. Quatremere. Histoire des Mongols, v. I. Paris, 1836, pp. 130—131; Ср. Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 56); 2) удельное содержание царевичей вместе с приписанными к этому уделу людьми (ср. Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 100; И. Н. Березин. Очерк.., стр. 426; В. В. Бартольд. Соч., т. IV, стр. 328; Д. И. Тихонов. Ук. соч., стр. 128 и сл.). В Иране, отмечает И. П. Петрушевский, с течением времени «инджу» стало обозначать собственное имение ханов (И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 240). В персидских текстах, касающихся Золотой Орды, этот термин почти не употребляется.

очень редки. В золотоордынский период Поволжье четко очерчивается как локальный вариант кочевнической культуры. Поволжье и северо-восточный Кавказ становятся зоной, где распространяются признаки, которые можно связать с пришедшими сюда монголами и сопутствующими им центральноазиатскими племенами. На запад эти признаки почти не распространялись. Очевидно этническая граница между западными и восточными половцами была пределом распространения этих признаков на запад (за исключением отдельных прорвавшихся на запад групп монголов). Ареал западнополовецких каменных изваяний показывает, что эта граница проходила где-то между Доном и Волгой. Именно здесь и проходила западная граница локальных признаков поволжских памятников[96]. Эти основные, видимо, этнические и племенные членения половецкой степи оказались настолько прочными и устойчивыми, что деление Улуса Джучи, а затем и улуса Бату (правого крыла) следовало им: Поволжье и северо-восточный Кавказ—улусы Бату и Берке, объединенные Берке в единое держание; казахстанская территория половцев — кыпчаков — улус Шибана; район Приаралья, гузские степи — улус Орды.

Этот факт имеет большое значение. Тезис об устойчивости некоторых черт структуры половецкого кочевнического общества XII в., попавшего в XIII в. под власть монголов, получает конкретное подтверждение. Несмотря на то, что монгольское завоевание подорвало родо-племенные отношения у номадов в Дешт-и-Кыпчак, та структура общества, которая образовалась после завоевания, не могла не считаться с основными этническими племенными границами, существующими в половецкой и гузской степях и сложившимися еще в домонгольское время[97].

Изучая археологический материал, мы стремились в первой части нашей работы показать две тенденции, наметившиеся в истории кочевников XIII—XIV вв.

С одной стороны, некоторое смешение отдельных групп населения, переселения кочевых групп.

С другой стороны, формирование основных локальных вариантов, которые обозначались еще в XII в.

Изучая письменные источники в части, относящейся к кочевникам Дешт-и-Кыпчак XIII в., мы не могли не заметить те же две тенденции: с одной стороны, нарушение старых родо-племенных отношений, уничтожение влияния старой местной знати, разрушение родо-племенных отношений, смешение разных племен и родов в результате хозяйствования монголов; с другой — выделение устойчивых образований, в основе которых, видимо, лежали общности, исторически сложившиеся еще до завоевания, т. е. этнические общности.

---

[96] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники.., стр. 160 и сл., 188 и сл.

[97] Мы приходим к выводам, противоречащим представлениям некоторых историков о полном перераспределении кочевых территорий в золотоордынскую эпоху. Процесс был двусторонний. Поэтому, когда А. Н. Поляк пишет: «создается картина такой радикальной чистки, которая сделала кыпчаков Золотой Орды отличными по составу и географическому распространению от половцев домонгольских времен» (А. Н. Поляк. Новые арабские материалы позднего Средневековья о Восточной и Центральной Европе. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964, стр. 42), он упускает из виду весь отмеченный нами комплекс явлений, которые свидетельствуют о длительном сохранении в Золотой Орде в ее улусной системе территориальных и племенных членений домонгольского половецкого населения.

Взаимоотношение этих двух тенденций и определило тот «синтез» старого и нового после монгольского завоевания, т. е. реальную картину исторического развития номадов Золотой Орды.

Кочевая ставка хана — орда и ее место в улусной системе

Характерной особенностью улусной системы было наличие кочевой ставки владельца улуса. Она обозначалась термином «орда». Кочевой быт монгольской улусной аристократии был связан с перекочевками ханских и улусных резиденций — орд. Это не было характерно только для Улуса Джучи. Кочевые орды ханов и аристократии мы знаем и в Иране, и в Средней Азии монгольского периода [98].

Персидские и арабские источники XIII — первой половины XIV в. знают только одно значение термина «орда». Для них это кочевая ставка, кочевая резиденция каана, хана или улусного держателя [99]. В таком же значении этот термин встречается и в древнетюркских надписях (ставка, дворец), и в «Codex Cumanicus» (конец XIII в.), и в византийских сочинениях вплоть до XV в. [100].

В значении ставки хана термин «орда» употребляется в ханских ярлыках и их русских переводах в течение всего XIV в. [101]. Западные источники XIII—XIV вв. называют ордой именно ставку хана, а иногда шатер хана или бека в ставке. Аналогично употребление этого слова («волидо») китайскими источниками [102].

---

[98] См., например, сведения о перекочевках и ордах Хулагуидов Аргуна, Газана, Олджейту и др. или Джагатаидов Кебека и Термаширина (Рашид ад-Дин, т. II, стр. 141; Тизенгаузен, т. II, стр. 68, 80; Рашид ад-Дин. Переписка. М., 1971, стр. 76, 84, 197, 206, 223, 231, 349; В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 162; B. Spuler. Op. cit., S. 332. В Средней Азии в XIV в. оставаться верным кочевому быту было для каждого султана или эмира делом обязательным. Сын Казагана был низложен после того, как сделал Самарканд своей резиденцией, внук Казагана Хусейн повторил судьбу отца, сделав резиденцией Балх, не послушав совета Тимура. Только Тимуру удалось сделать своей столицей город Самарканд и остаться у власти (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 173—174).

[99] Рашид ад-Дин употребляет термин «орда» в значении ставка. Кроме этого термина он использует еще термин «ханаха» и «макам» в значении становища, но реже и в несколько ином значении (остановка, стойбище, а не резиденция, ставка). «Орда» для него — всегда политический государственный центр (см. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 197; т. I, ч. 2, стр. 19, 89). Рашид ад-Дин сообщает, что у Чингис-хана было 4 больших «орды» (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 98). В «орде» Чингис-хана было оплакано его тело после смерти (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 144; т. I, ч. 2, стр. 235). Об «ордах» рядовых феодалов см. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 186. Арабские источники редко употребляют термин «орда», например у ибн-Абд-аз-Захыра, ан-Нувейри, Рукн ад-Дин Бейбарса (Тизенгаузен, т. I, стр. 63, 108, 158), у Ибн-Баттуты «орда» упомянута как местный термин, незнакомый арабам (там же, стр. 289 и сл.).

[100] G. Kuun. Op. cit., p. 105. П. Пелльо считает, что перевод слова «орда» — итальянским словом — «curia», означает, что составители словаря понимали термин «орда» как двор хана. Характерно, что в персидской колонке словаря этому слову не нашлось другого эквивалента и там стоит то же слово «ordu». П. Пелльо ссылается на книгу G. Bratianu. Recherche sur le commerce Génois dans la mer Noire au XIII siecle. Paris, 1929, pp. 217, 218; P. Pelliot. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949, p. 30; см. также ДС, стр. 370; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II. Berlin, 1958, S. 237.

[101] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II. Казань, 1851, стр. 15; В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО, 1889, т. III, вып. 1—2, стр. 6; ПРП, т. III, стр. 466—469.

[102] «Путешествия...», стр. 25, 69. В тексте рассказа П. Карпини, дополненного Винцентом Бовезским, есть употребление слова орда в значении шатра (Д. И. Языков. Ук. соч., стр. 15, 19, 37); «Си-Ю-Цзы, или описание путешествия на Запад (Чан Чуня)». ТЧРДМ, т. IV. СПб., 1866, стр. 291—292. Этот автор писал, что в орде одной из жен Чингис-хана было более тысячи телег и юрт и что «орда по нашему сказать походный дворец».

Возможно «орда» в ее организационной структуре происходит от куреня, т. е. формы кочевания патриархального рода[103]. Но сущность «орды» совсем иная.

Исследователи подчеркивали враждебность орды, как социальной формы, родо-племенному строю. Орда как военно-организационное понятие — это прежде всего ханы или нойоны и их нукеры-дружинники, оторванные от своих родов. Первоначально государственность у тюрок развивается в рамках племенной структуры, как например, у тюркютов в VI в.[104]. Но затем, обычно в ходе завоеваний, племенная знать утрачивает свое значение. На первое место выступают отдельные семьи ханов и их нукеры. Эти ханы и беки со своей дружиной и подчиненным им черным людом, утратившие свои родо-племенные связи, и составляют «орду». Строй «орды», с характерным для него членением на правое и левое крыло переносится на организацию всего государства. Этим и объясняется двойственность термина.

С одной стороны это — кочевая ставка, форма существования хана с его дружиной и вассального от него разноплеменного населения. С другой стороны — это все государство в целом. Термин «орда», как форма кочевой дружины хана, как его резиденция и способ жизни переносится на всю державу в целом. В соответствии с этой особенностью термина русские летописи дают нам двойственную семантику этого слова: термин употребляется и для обозначения резиденции хана, его ставки[105] и для обозначения всей земли, государства татарского. Поздние персидские источники («Аноним Искандера») также употребляют термин «орда» (Ак-Орда, Кок-Орда) в значении государства.

Появление в половецкой степи в XIII в. «орды» как формы существования монгольской ханской и удельной власти с ее дружинным окружением означало конец местной патриархальной племенной аристократии и совпало с прекращением ставить в честь этих патриархальных старейшин — предков столь чтимые половцами каменные изваяния.

Ибн-Баттута так описывает орду хана Узбека: «Подошла ставка, которую они называют урду... и мы увидели большой город, движу-

---

[103] «Сердце Чингис-хана сжалилось над ним (Он-ханом). Он взял с монголов для него копчур, а его поместил в середине своего куреня и орды и оказал ему должное почтение» (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 110). «Орда» — по сравнению с параллельным текстом «Сокровенного Сказания» (см. С. А. Козин. Ук. соч., стр. 122) — добавление Рашид ад-Дина. В «Сокровенном сказании», оперирующем более архаическими монгольскими терминами, «орда» отсутствует. Как известно, курень — это древний монгольский способ кочевки, когда при остановке повозки образовывали кольцо. Аммиан Марцелин описал такой же обычай у гуннов (Аммиан Марцелин. История. Киев, 1906—1908, стр. 243). «Орда» и «курень» поставлены Рашид ад-Дином в один ряд; из контекста явствует, что автор не различает в этом предложении эти два понятия. Можно предположить, что построение и планировка «орды» как ставки восходит к обычаям образовывать круглый лагерь — курень. О планировке орды см. описание Рубрука орды Бату: «...они знают с какого бока двора (Бату) должны они размещаться, когда они снимают свои дома (с повозок). Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как они всегда находятся по середине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора» («Путешествия...», стр. 119). Именно такое происхождение «орды» от куреня имел в виду Л. З. Будагов, когда писал: «Под этим словом у древних татар разумелось сборище всех семейств или подразделений одного рода, с целью идти против неприятеля или по другим причинам» (Л. З. Будагов. Ук. соч., т. 1, стр. 124).

[104] См. Л. Н. Гумилев. Орды и племена.., стр. 19—20; его же. Древние тюрки, стр. 60—61.

[105] Например, в рассказе об убийстве в орде Михаила Тверского в 1319 г. (ПСРЛ, т. V, стр. 213; Великие Четьи-Минеи, ноябрь. М., 1914, стр. 1078 и сл.).

щийся со своими жителями; в нем мечети и базары, да дым от кухонь взвивается по воздуху; они варят (пищу) во время самой езды своей и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки. Мимо нас проехали жены султана, каждая из них со своими людьми отдельно..., подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» [106].

Орда, ставка хана, видимо, объединяла несколько орд — ставок: ставки его жен с их людьми и охраной и ставку самого хана с его свитой.

«И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого Маола будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин», — так описывал орду Рубрук [107].

Кроме того, очевидно, в ставку входило большое количество походных мечетей и учреждений [108]. Ставка обрастала движущимися вслед за ней торговцами и ремесленниками, что и позволило современникам увидеть в ней базары и сравнить ее с городом [109].

В ханской кочевой ставке — орде находилось не только войско и войсковые начальники, но и вельможи, занимавшие ряд дворцовых и административных должностей. Описывая приход египетских послов в ставку Берке, арабские источники (ан-Нувейри и ибн-ал-Форат) упоминают, что послов встретил визирь Шереф ад-Дин ал-Казвини, а при особе хана присутствовали старшая жена, 50 или 60 эмиров и главный кадий. У каждого эмира, находящегося при хане и кочующего с ним, есть свой муэдзин и имам [110]. Последнее сообщение возможно тенденциозно и свидетельствует о преувеличении мусульманского благочестия Берке, характерного для персидских и арабских источников; однако и из сообщения ибн-Баттуты следует, что орда содержала места мусульманского культа и какое-то количество мусульманского духовенства.

Именно в ставке зародилось, очевидно, чиновничество и служилая знать в Золотой Орде. Тот разветвленный и довольно сложный государственный аппарат XIV в., который был, видимо, в значительной степени связан с развитием городов, в XIII в. зародился в кочевой ставке, как политическом центре Золотой Орды, то есть в орде. Рашид ад-Дин применительно к другим областям монгольских государств XIII в. знает целый ряд придворных и административных должностей, связанных со службой в ставке — орде [111]. Очевидно, подобным

---

[106] Тизенгаузен, т. I, стр. 289.

[107] «Путешествия...», стр. 92, см. также стр. 119.

[108] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 205. Известны передвижные францисканские часовни в золотоордынских ордах. Я. М. Свет. После Марко Поло. М., 1968, стр. 119

[109] Рубрук в другом месте писал: «Итак, утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне показалось, что навстречу мне двигался большой город» («Путешествия...», стр. 104). О базарах в орде Бату см. там же, стр. 121. В Иране XIII в. было выражение «базар орды», т. е. ставки (Рашид ад-Дин, т. III, стр. 283, персидский текст, стр. 496).

[110] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 64, 194.

[111] Например, «стольники» («баурчи») в орде (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 109); блюститель порядка («шихнэ») (там же, т. I, ч. 1, стр. 98) в больших ордах Чингис-хана, который одновременно ведал одной сотней из личной тысячи Чингис-хана; секретарь — («битикчи») (там же, т. I, ч. 1, стр. 97); конюший — («актачи») (там же, т. I, ч. 1, стр. 111). Известны корпуса «кебтеулов», «кешиктенов», «турхау-

образом обстояли дела и в ставке золотоордынских ханов, где были и мусульманские священники, и эмиры войска, и кадий, и визирь, и где сосредоточивал хан нити управления своей кочевой державой, принимал послов и выдавал ярлыки [112].

Пребывание хана или улусного держателя в кочевой ставке, где сохранился кочевой быт, — факт, свидетельствующий об оторванности монгольской феодальной аристократии от непосредственного управления городами и сельскохозяйственными оседлыми оазисами в степи. В орду доставлялось какое-то количество продуктов земледелия [113], она обрастала ремесленниками и торговцами. Но все же кочевой быт орды [114] говорит именно о кочевом характере государства Джучидов в XIII в. Позднее, когда монгольские ханы занялись непосредственно делами городов, эксплуатацией ремесленников и торговцев, кочевая орда сохранялась как политический центр наряду с Сараем, как свидетельство недавнего преобладания в государстве кочевой аристократии, как традиция, показывавшая принадлежность самого хана к этой кочевой аристократии, как характерная черта улусной системы.

Весьма важен вопрос о месте кочевок орды золотоордынских ханов. Источники дают нам очень мало сведений на этот счет.

Известно, что ставка Бату в 1240—1250 гг. была где-то на Волге [115]. Весной 1245 г. Карпини застал ее в низовьях Волги [116]. Рубрук засвидетельствовал местонахождение ставки — орды хана Бату дважды: в августе 1253 г. в районе Волжской Болгарии и зимой под Рождество в низовьях Волги, у Сарая [117]. Эти меридиональные перемещения ставки-орды связаны, очевидно, с сезонными перекочевками. Орда Сартака, по Рубруку, зимой откочевывает также к дельте Волги, занимая западный берег Волги (а Бату в это время занимал восточный берег). Летом Рубрук застал Сартака в его ставке-орде не доезжая 3 дней пути до Волги, очевидно, между Доном и Волгой [118].

Орда Берке после того, как он стал ханом, летом 662 г. х. находилась в районе Сарая (очевидно, «старого» Сарая) [119], до того как Берке стал ханом, при Батые, он кочевал где-то на Северном Кавказе. Марко Поло писал, что Берке живет в Болгарии и в Сарае, что,

---

дов» с многочисленными их обязанностями в орде хана, а также «вратари», «кравчие» и др. (см. С. А. Козин. Ук. соч., стр. 144 и сл.). Кроме того известен старший эмир орды (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 145) и простые эмиры орды или эмиры, прикрепленные к той или иной орде (там же, т. I, ч. 1, стр. 111). Кроме того, имелся ряд других должностей, но о них не сказано, что эти должности были именно в ставке.

[112] ПРП, т. III, стр. 468.

[113] Возможно, именно это имел в виду Рубрук, писавший, что важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляют просо и муку («Путешествия...», стр. 98). Оторванность орды от земледельческих и городских районов бросалась, видимо, в глаза путешественникам XIII в. Марко Поло писал, что во владениях Коначи не было ни городов, ни замков, а много народу, и у них много верблюдов, коней, быков и овец («Книга Марко Поло». М., 1955, стр. 225).

[114] Например, правитель области Крыма оставался в своей ставке в степи, на расстоянии одного дня пути от Крыма, видимо, Старого Крыма (Тизенгаузен, т. I, стр. 64, 192).

[115] ПСРЛ, т. II, стр. 807. Этот факт передает и более поздний источник («Казанская История», 1955, стр. 46—49). «Державны же наши идоше в Болгары ко царю и ту (Батый) его (Ярослав Всеволодович) встретиша и утолиша его великими многими дарами» (Ср. Тизенгаузен, т. II, стр. 85).

[116] «Путешествия...», стр. 70—71.

[117] Там же, стр. 118—119, 185.

[118] Там же, стр. 111 и 185.

[119] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 63, 192. Эпитет «старый» мы употребляем условно, чтобы отличать первую столицу Джучидов от второй, которая действительно носила в древности имя «Новый Сарай».

очевидно, следует понимать так, что его ставка кочует то у Болгара, то у Сарая [120]. Об орде Менгу-Тимура мы знаем лишь то, что она кочевала «на талы», т. е. в степи, где и был дан ярлык русскому митрополиту [121]. Ставка Токты была на Волге, видимо, недалеко от Сарая [122]. Орда Узбека дважды зафиксирована на Северном Кавказе [123]. На итальянских картах близ Saray Grando (Новый Сарай) показана L'ordo de Saray — т. е. Присарайская орда [124].

Поволжские степи были территорией, составлявшей собственные кочевые владения золотоордынских ханов. Эта область во время правления Берке, улус которого при Бату был на Северном Кавказе, была расширена за счет владений Берке. Не случайно поэтому, что орда джучидских ханов кочевала в пределах именно этого района.

Что касается орды ханов левого края, ветви сына Джучи хана Орды, то на этот счет мы не имеем почти никаких сведений [125].

Таким образом, основу улусной системы составляло особого рода кочевое владение, кочевой бенефиций. Комплекс, составлявший это владение, приведен у Рашид ад-Дина при описании выделения наследства Тулуя, сына Чингис-хана: «Юрт, ставки (имущество), казна, семья, эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингис-хана были ему в подчинении», и далее: «Эта должность, в которой ты будешь ведать моим юртом, ставкой, войском и казной...» [126].

Характерно, что, обращаясь к далекому прошлому, Рашид ад-Дин писал: «Издревле у монголов и тюрков был такой обычай, что еще при жизни выделяют своих старших сыновей и дают им (добро), «скот» и (стадо овец)» [127]. От собственности на один только скот монгольское общество перешло к аристократическому владению «юртом-войском», народом, данным в удел, и выставлявшим отряды определенной численности, пасшим скот на определенной территории, по которой кочевала ставка-орда.

---

[120] «Книга Марко Поло», стр. 45. Сезонные перекочевки по меридиональным рекам были, видимо, характерны. Например, кочевание по Яику, зимой к морю, летом в горы и предгорья (см. «Путешествия...», стр. 70), о сезонных кочевках по Яику в XIV в. есть упоминания у Абу-л-Гази (см. Абу-л-Гази. Ук. соч., стр. 162).

[121] ПРП, т. III, стр. 468.

[122] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 110, 159.

[123] Ибн-Баттута писал: «...в четырех днях (пути) от Маджара, в местности, называемой Бишдаг...», т. е. «у Пятигорья» (Тизенгаузен, т. I, стр. 289). В рассказе русских летописей об убийстве Михаила Ярославича Тверского в 1319 г. его путь в орду описан так: «Дошедшу же ему в Орду, месяца сентября 6, на усть реки Дону, иде же течет в море Сурожское». После Михаил попал в Тетяков, к Ясским и Черкесским горам, далее к Дербенту, а затем его тело было привезено в Маджар (ПСРЛ, т. V, стр. 210—213). Из контекста следует, что орда кочевала по этим местам, причем в летописях имеется в виду именно ставка хана: «...отрок его (Михаила Тверского.— *Г. Ф.-Д.*) въскочи в вежу, обледевшим лицем и измалкшим гласом: «господине княже! едеть уже от орды Кавгадый и великый князь Юрий Даниловичь с множеством народа прямо к твоей веже» (ПСРЛ, т. V, стр. 213).

[124] См. Ф. Ф. Чекалин. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро. ТСУАК, 1889, т. II, вып. 2. О том, что Сарай — место зимовки хана, сообщает ал-Омари (см. Тизенгаузен, т. I, стр. 243).

[125] См. выше. М. Г. Сафаргалиев считает возможным локализовать ставку Орды на Балхаше. Но помимо бездоказательности отождествления «моря», упоминаемого Карпини, с Балхашем (см. выше), М. Г. Сафаргалиев не обратил внимания на то, что Карпини писал не о кочевой ставке («Путешествия...», стр. 73), а о месте жительства хана Орды («в этой земле живет Орду...»). Нет никаких доказательств у М. Г. Сафаргалиева и о том, что ставка Баяна, правнука Орды, была близ Сыгнака (М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 63).

[126] Рашид ад-Дин, т. II, стр. 107. В сходных выражениях перечисляет тот же источник владение, данное Кэхгэй-нойону Чингис-ханом: «орда, ев-огланы, домочадцы, слуги, казна, табуны и стада» (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 186).

[127] Рашид ад-Дин, т. II, стр. 107.

ГЛАВА III

МЕЖДОУСОБНАЯ БОРЬБА МОНГОЛЬСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В XIII В.

Политическая история Золотой Орды, в особенности борьба различных группировок кочевой феодальной знати, освещена в исторической литературе довольно подробно. Мы не ставим задачу исследовать во всех деталях политическую историю Золотой Орды. Нас интересуют лишь те стороны ее политической жизни, которые могут пролить некоторый свет на развитие общественного строя этого государства. За неимением источников, достаточно полно отражающих социальную историю Улуса Джучи, мы стремимся пополнить наши сведения в этой области косвенными данными, которые могут быть получены при изучении перипетий феодальной борьбы отдельных группировок кочевой аристократии.

Объектом феодальной борьбы в кочевой степи в XIII в. были главным образом степи, кочевые территории. Основная борьба шла из-за распределения юртов и улусов. А так как прерогатива назначения улусов и инвеституры принадлежала в первую очередь каану и хану, то наиболее остро противоречия различных группировок монгольской кочевой аристократии обнажались при решении вопросов о престолонаследии и преемственности ханской власти.

Оторванность монгольских феодалов от непосредственного управления городами и районами с сельскохозяйственным оседлым населением, господство кочевого уклада в их жизни и воззрения на завоеванные ими земли как на потенциальные кочевые угодья — все это сопровождалось представлениями о завоеванных народах и землях как о некой родовой собственности Чингизидов. С этим же было связано и представление о больших прерогативах старшего в роде Чингизидов — «аки»[1]. Этим же объясняется и особый порядок престолонаследия, при котором наследником являлся не сын, а брат или дядя или другой представитель правящего рода, который оказывался по утвердившимся в данном обществе обычаям старшим и имеющим наибольшие права. Этот порядок, сопровождавшийся выборами правителя на совещаниях членов правящего рода — куралтае, не давал возможности одной какой-либо ветви этого рода закрепиться у власти и создавал подобие некого единства всего правящего дома как воплощение единства территории всего государства[2].

---

[1] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 44, 69, 74; С. А. Козин. Сокровенное Сказание. М.—Л., 1941, стр. 185; М Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 44—45.

[2] Представление о государстве, как о родовом достоянии дома Чингизидов отразилось в их ранней нумизматике. В Иране были чеканены характерные анонимные монеты с надписью «каан справедливый», чем как бы подчеркивалась несущественность того факта, что кааном является какой-то определенный Чингизид, в сравнении

Закономерности в политической истории Золотой Орды и право престолонаследия

Это не мешало Джучидам ожесточенно спорить о правах на ханский престол. Но следует обратить внимание на то, что в истории политической борьбы внутри Золотой Орды в это время прослеживается определенная закономерность: при обострении феодальной борьбы претендентами на ханскую власть выступали, с одной стороны, сын умершего хана, а с другой — брат или кузен покойного. Кочевые феодалы, принимавшие участие в борьбе, соответственно делились на две главные группы: сторонников первого и второго. Вторая группа, отстаивая права брата или кузена покойного хана, опиралась на старые традиции, рассматривавшие Улус Джучи как достояние всего его рода, и потому считавшие, что право на престол имеют все те члены его рода, которые оказываются старшими (в соответствии с существовавшими у монголов понятиями о старшинстве) [3].

Многоплеменное государство, созданное путем насилия, не имевшее глубоких исторических и экономических связей с народами побежденных стран, нуждалось в создании такого порядка, при котором отдельный представитель правящего дома был бы не только улусным феодальным сеньором, но и членом династии. Этот порядок не давал бы возможности одной какой-либо ветви закрепить за собой престол, а также не давал бы возможности одной ветви правящего дома укрепиться в каком-либо уделе и сделать его своей вотчиной. Мы знаем, что на ханский престол вступали представители разных ответвлений Джучидского рода; в этом и состоял смысл порядка престолонаследий, при котором брат или кузен получали права, равные правам прямых наследников (сына, внука). Некоторые варианты этой системы иногда называют «лествичной» системой или «лествичным» восхождением [4]. Она известна во многих кочевнических госу-

---

с тем обстоятельством, что власть принадлежит всему дому. Монеты выпускались от имени «Улуг мангыл улус-бек» (т. е. улусного бека Великих Монголов) в 642 г. х., вероятно, при Аргуне, наместнике монголов в Иране. Лишь при Менгу персональное имя каана украсило монеты (об этом см. М. А. Сейфеддинн. Монеты с надписью «Улуг мангыл улус-бек». НЭ, 1971, т. IX; И. Л. Джалагания. Из истории монетного дела в Грузии XIII в. Тбилиси, 1958, стр. 19—21).

[3] Такое же явление можно наблюдать и в Иране в XIII в. Например, после смерти Абага в 680 г. х. (1281/1282 г.) началась борьба между двумя группировками — сторонниками Техудара, брата Абага и сторонниками Аргуна — сына Абага (B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, SS. 77, 255). Аргуну наследовал его брат Гейхату, боровшийся с внуком Хулагу — Байду, представителем побочной линии Хулагуидов, в свое время обделенной престолом. Газану, сыну Аргуна, перед вступлением на престол тоже пришлось выдержать войну с лагерем Байду (Рашид ад-Дин, т. III, стр. 138 и сл.).

[4] См. М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 72—73; Л. Н. Гумилев. Удельно-лествичная система у тюрок в VI—VIII веках. СЭ, 1959, № 3; Л. Н. Гумилев считает, что эта удельно-лествичная система не была связана с сохранением пережитков родового строя, а являлась чисто административным мероприятием, призванным скреплять обширные разноэтнические империи. Конечно, цели (хотя навряд ли осознанные) этой системы были именно таковы, но отрицать ее связь с родовыми пережитками нельзя. Существование таких систем было связано с представлением правящего дома о завоеванных землях и народах как о своем родовом достоянии. Для Чингизидов это хорошо показал еще В. В. Бартольд (В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 533—534). В условиях уже существовавшего классового государства и разлагавшегося родо-племенного строя родовые узы, сохранявшиеся среди Чингизидов в первые десятилетия существования империи, связывали, объединяли членов этого рода представлением об империи как о родовом достоянии. О сходной системе престолонаследия, существовавшей у чжурчжэней, см. Е. И. Кычанов. Чжурчжэни в XI в. «Сибирский археологический сборник», вып. II. Новосибирск, 1966, стр. 270—271.

дарствах в более ранние времена, например, у тюрок VI в., печенегов и древних болгар. Сходная система престолонаследия отражена в княжом праве Киевской Руси[5]. В Золотой Орде дядя имел право на престол в силу какого-то не всегда понятного нам традиционного права старшинства, сын же — как носитель нового, зарождающегося принципа преемственности власти от отца к сыну.

Обострение внутренней борьбы после смерти Бату. Кризисы 1382 и 1387—1391 гг.

После смерти Бату в 654 г. х. (1256 г.) остался его сын Сартак. В борьбе за золотоордынский престол против Сартака выступил брат Бату — Берке, который захватил власть в то время, когда Сартак был у Великого Каана. На стороне сына Бату выступил Менгу-каан, на стороне Берке — мусульманская верхушка городов. Сартак вскоре умер и Менгу-каан перенес свое покровительство на его сына Улагчи и мать Сартака Боракчин[6]. Таким образом, Менгу-каан оказался защитником права наследования престола отца сыном, игнорируя при этом права на престол братьев умершего хана, т. е. всех других членов рода Джучи.

Мусульманское купечество и городские верхи были заинтересованы в создании сильной централизованной власти. Но они ориентировались не на Сартака, а на Берке, хотя первый и выступал как выразитель тенденции к укреплению личной власти хана и его династии, противостоящей вольнице монгольской джучидской аристократии и необходимости подчиняться решениям курултая. Мусульманское купечество видело в Берке прежде всего единоверца, способного в отличие от Сартака, бывшего христианином, или любого монгольского хана-язычника покровительствовать духовенству и чиновничеству старой среднеазиатской формации, способствовать расцвету городской жизни.

На стороне Сартака и его сына Улагчи кроме Менгу-каана оказалась также определенная прослойка монгольской аристократии во главе с женой Бату Боракчин-хатун. После победы Берке и смерти Улагчи она стала домогаться того, чтобы на джучидский престол был поставлен внук Бату Туда-Менгу и даже апеллировала к Хулагу. Таким образом, Боракчин выступила как защитник династических интересов дома Бату, тем самым выразив традицию феодальной борьбы: старшая жена умершего правителя в борьбе за престол возглавляет лагерь сторонников династии именно этого хана против других претендентов[7].

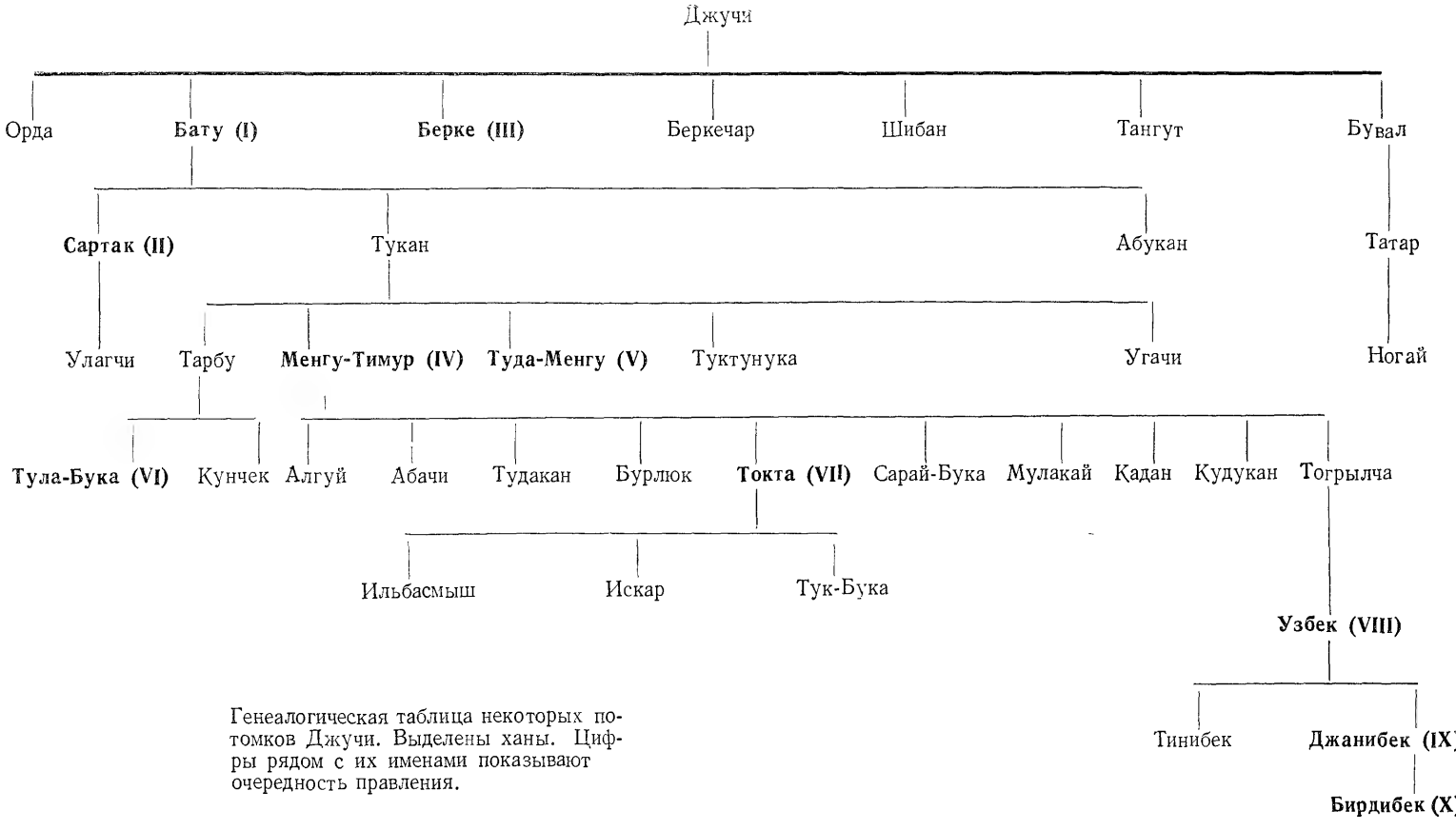
---

[5] См. замечания ибн-Федлана «... и если умирает из их числа человек, то ему наследует его брат, прежде его сыновей. Итак, я наставил царя, что это не дозволено, и наставил его, каковы (правильные) законы наследования» (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Федлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 137; см. также Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М.—Л., 1967, стр. 56 и сл.; С. М. Соловьев. Взаимоотношения между князьями Рюрикова дома. М., 1847; А. Е. Пресняков. Княжое право. СПб., 1909). Последний убедительно отрицает повсеместное распространение на Руси удельно-лествичной системы как выражения нераздельного владения княжеским домом всей Руси, но усматривает ее наличие в Черниговской земле и дает некоторые примеры из истории других народов. А. Е. Пресняков видит в порядке смены киевских великих князей тенденцию к сохранению общеродового единства правящего дома, воплощенного в киевском князе как старейшине. Эта тенденция борется с новой, феодальной «отчинной» тенденцией, крепнувшей в волостях и проявляющейся в притязаниях на Киевский стол прямых наследников киевского князя как на «отчину».

[6] Об этих событиях см. Тизенгаузен, т. II, стр. 17—19, 22, 48—49, 67, 85—91, 146; ПСРЛ, т. I, стр. 474, 524; т. XV, стр. 32.

[7] Тизенгаузен, т. I, стр. 109, 378, 506; т. II, стр. 22, 29, 85. То же самое можно сказать и о Туракин-хатун, которая упорно добивалась престола в Кара-

Таблица 1



Генеалогическая таблица некоторых потомков Джучи. Выделены ханы. Цифры рядом с их именами показывают очередность правления.

Следующее обострение борьбы монгольских феодалов за ханский престол связано с вступлением на золотоордынский трон в 681 г. х. (1282/1283 г.) хана Туда-Менгу сына Тукана и брата хана Менгу-Тимура. Против Туда-Менгу выступили сыновья его братьев, ханов Менгу-Тимура и Тарбу, т. е. его племянники: Алгуй, Тогрылча, Тула-Бука и Кунчек. Рашид ад-Дин сообщает, что эти племянники свергли Туда-Менгу под предлогом того, что он помешан. Эти события дают нам еще один пример соперничества дяди и племянников в борьбе за престол. Характерно, что после Туда-Менгу ханом становится не один из сыновей Менгу-Тимура, не прямой его наследник, а племянник Менгу-Тимура, Тула-Бука, сын старшего брата Менгу-Тимура. Видимо, в этой борьбе претенденты имели разные права на золотоордынский престол: дети Тарбу, старшего брата Менгу-Тимура претендуют на власть на основании старшинства их ветви как потомков Тукана, отца Менгу-Тимура (они, так же как Бату, по отношению к племянникам Джучи — «ака»). Туда-Менгу — дядя («ака» по отношению к сыновьям Менгу-Тимура и Тарбу), а Алгуй и Тогрылча — прямые наследники Менгу-Тимура. Столкновение феодальных группировок в 681 г. х. (1282/1283 г.) после смерти Менгу-Тимура имеет характер спора о правах старшинства, вылившегося в вооруженную борьбу.

Сыновья Менгу-Тимура и Тарбу, правившие, как сообщает Рашид ад-Дин, сообща 5 лет, видимо, под номинальным главенством Тула-Буки (от его имени выбиваются монеты в это время), старшего сына старшего брата Менгу-Тимура, задумали убрать наиболее усилившегося за это время претендента на единодержавие — Токту. Следующий этап внутренней борьбы в Золотой Орде относится к 686—690 гг. х. (1287—1291 гг.). Токта, пользуясь покровительством Ногая, активно выступает против братьев и кузенов. Используя хитрость Ногая он успешно уничтожает своих соперников и становится единовластным правителем Джучидского улуса, расправившись с большой группой эмиров Тула-Буки[8]. После этого Ногай привлек на свою сторону Токту, видимо, искавшего его поддержки, и братьев Токты: Бурлюка, Сарай-Буку и Тудакана. На стороне Тула-Буки остались остальные братья Токты: Алгуй, Тогрылча, Мулакай, Кадан, Кудукан и многие эмиры, но они были вскоре убиты и победа осталась на стороне Ногая и Токты[9].

Борьба Ногая и Токты. Победа Токты

Наиболее крупным событием внутренней жизни Золотой Орды в конце XIII в. была борьба Токты с Ногаем. Фактически на западе, в районах кочевий Ногая создался второй военно-политический центр Золотой Орды[10]. Еще при Менгу-Тимуре и

коруме для своего сына Гуюка. Об этом свидетельствует и борьба, разгоревшаяся между Соркуктени-ханум (женою Тулуя) и Огул-Гаймиш (женою Гуюка). Первая из них добивалась избрания кааном Менгу, своего сына от Тулуя. Вторая добивалась сохранения престола за сыновьями Гуюка. То же можно сказать о Олджайхатун, которая отстаивала династические интересы своего сына Токты, отцом которого был Менгу-Тимур, против интересов его дяди Туда-Менгу (там же, т. I, стр. 109; т. II, стр. 69).

[8] ПСРЛ, т. II, стр. 891—895; Тизенгаузен, т. I, стр. 106, 155, 156, 381; т. II, стр. 50, 69, 86, 91.

[9] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 107—109, 157, 435; т. II, стр. 50, 69—70, 91, 100; ПСРЛ, т. I, стр. 526.

[10] См. Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах, т. I. СПб., 1862, стр. 316; Н. И. Веселовский. Хан из темников Золотой Орды и его время. ЗАН, 1922, т. XIII, стр. 28 и сл.; М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 58. Определение улуса Ногая как второго военно-политического центра принадлежит А. Н. Насонову (А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 69 и сл.); А. К. Мар-

Туда-Менгу Ногай вел самостоятельные внешнеполитические переговоры и устанавливал дипломатические отношения с другими странами от своего имени[11], что вполне согласуется с нашим предположением о членении в это время улуса Бату на правое и левое крыло. Ногай как «ака», видимо, предъявляет какие-то права на золотоордынский престол, используя свое старшинство на одно поколение по отношению к Токте. Начало активных враждебных действий относится к 697 г. х. (1297/1298 г.). Они продолжались до смерти Ногая в 699 г. х. (1299/1300 г.). Феодальная кочевая аристократия группировалась вокруг этих двух центров — Токты и Ногая. Вначале несколько эмиров Токты перешли на сторону Ногая. В это время Токта потерпел поражение от Ногая. Затем Ногай совершил поход на Крым. В это время проявились серьезные разногласия среди эмиров Ногая и несколько эмиров переходят в лагерь Токты.

Вскоре произошло новое столкновение армий Ногая и Токты. Ногай был побежден. Поражение Ногая в борьбе с Токтой объясняется в значительной мере массовым переходом кочевой аристократии, сначала поддерживавшей Ногая на стороне Токты. В 699 г. х. (1299/1300 г.) Ногай был убит, а его сыновья Джека и Тека бежали[12].

Теперь Токта мог контролировать всю территорию улуса Бату. Он произвел перераспределение улусов. Крым, пожалованный Ногаем своему союзнику Абадже, перешел к Янджи, который выступал в 1299 г. против Ногая (несмотря на то, что его брат был зятем Ногая и его верным сторонником, и раньше он сам был эмиром Ногая). Видимо, эмиры Ногая, перешедшие к Токте, были им вознаграждены. Наследие Ногая и его детей было распределено между сыновьями Токты: Тук-Бука получил земли Ногая в районе Нижнего Дуная (вначале эти земли были отданы Токтой своему брату Бурлюку, но затем они были перераспределены между сыновьями Токты). На Яике обосновался брат Токты — Сарай-Бука. Но он выступил против Токты и тот, подавив этот мятеж, отдал его владения своему сыну Ильбасмышу[13].

Победа над Ногаем еще не обеспечила Токте полного спокойствия и единодержавия. Оставались его собственные братья, готовые к мятежу, и сыновья и внуки Ногая. Только после смерти Сарай-Буки в 701 г. х. (1301/1302 г.) и Бурлюка в 709 г. х. (1309/1310 г.) Токта остался без серьезных внутренних соперников.

Война Ногая и Токты, так же как и другие примеры борьбы за власть в Золотой Орде, дают подтверждение той же закономерности: претендентами выступают, с одной стороны, дядя, старший в роде («ака»), с другой стороны, сын. Такое толкование событий политической борьбы во второй половине XIII в. позволяет использовать их для определения степени развития Золотой Орды как феодального государства. Токта выступал как носитель идеи преемственности власти от отца к сыну, что было стремлением к укреплению единодержавия ханской власти. Ногай был носителем старых традиций, по которым старшинство определяется в более широкой среде царевичей, братьев, кузенов и дядей умершего хана и при которых решающую

ков считал, что в 690 г. х. Ногай чеканил в Крыму монеты (А. К. Марков. О монетах хана Ногая. ТМНО, т. III, вып. 2. М., 1905); Н. И. Веселовский опровергал отнесение описанных А. К. Марковым монет к Ногаю (Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 54).

[11] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 434; Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 29.

[12] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 109, 111—113, 117, 157, 382, 435; т. II, стр. 71, 72.

[13] См. там же, стр. 117—118, 160—162, 384.

роль играет курултай и, следовательно, весь род Джучидов. Этот порядок выражал старые представления об Улусе Джучи как о некотором родовом владении Джучидов. Он был связан с тенденцией сохранить Золотую Орду как чисто кочевническое государство. Не случайно, что в годы смуты и олигархического правления сыновей и племянников Менгу-Тимура формально власть переходила не по прямой линии от отца к сыну, а от брата к брату или от дяди к племяннику (Менгу-Тимур→его брат Туда-Менгу→племянник Туда-Менгу Тула-Бука→двоюродный брат Тула-Буки Токта).

В ходе этой борьбы ярко вырисовываются преимущества политики Токты. На его сторону перешли эмиры Ногая, его поддерживали, видимо, мусульманские круги городов и купечества [14]. Токте удалось объединить весь улус, отошедший когда-то к Бату. В борьбе с Ногаем Токта выступал как носитель тех тенденций общественного развития в Золотой Орде, которые проявились в первой половине XIV в. и которые составят предмет исследования в следующей главе.

Характерно, что по вопросу о распределении улусов после победы над Ногаем опять столкнулись два поколения: братья хана и его сыновья. В начале Токта наделяет улусами своих братьев Бурлюка и Сарай-Буку. Но потом он отдает улусы мятежных братьев своим сыновьям, чем укрепляет династические права и удельные держания своей семьи.

Спор о старшинстве и о правах Чингизидских царевичей решался фактическим перевесом сил того или иного лагеря. Но облекалась победа очередного претендента в традиционную форму решения совета родичей — курултая. Этот курултай был символом единства правящего рода, символом того, что улус или вся империя рассматривается как общее достояние этого рода. На курултай съезжались царевичи, эмиры и нойоны. Значительный вес на курултае имели вдовы покойных ханов. На этих имперских и улусных курултаях улаживались спорные вопросы престолонаследия, а так же, как мы отмечали, пересматривались границы кочевий и улусов [15].

---

[14] О симпатиях Токты к мусульманам писал ибн-Каспр (Тизенгаузен, т. I, стр. 277), ал-Асади (там же, стр. 446). Ал-Муфаддаль сообщает о принятии Токтой мусульманства в 704 г. х. (1304/1305 г.) (там же, стр. 196), хотя ал-Макризи писал об идолопоклонстве Токты (там же, стр. 437). Эти отрывочные сообщения, видимо, отражают те контакты, которые установились между Токтой и мусульманской частью населения Золотой Орды.

[15] О роли курултая в улаживании спорных вопросов о престолонаследии можно заключить по следующим сообщениям источников: Ногай предлагал, как пишет Рашид ад-Дин, для прекращения смуты между ним и Токтой созвать курултай (Тизенгаузен, т. II, стр. 71). Об обязательности курултая при выборе хана в XIII в. см. Д. Языков. Собрание путешествий к татарам, т. I. СПб., 1825, стр. 43—44 (по Симону Сен-Кентскому).

ГЛАВА IV

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД И ДЕШТ-И-КЫПЧАК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV В.

В самом конце XIII в. в политической и экономической жизни Золотой Орды можно отметить некоторые тенденции, которые позволяют говорить о начале нового этапа в развитии Улуса Джучи.

Самостоятельность Улуса Джучи и возрастание централизма в нем

Происходит резкое возрастание самостоятельности Джучидского хана. Он превращается в суверенного правителя, почти независимого от Великого Каана. После переноса Кубилаем столицы монгольской империи из Каракорума в Китай и после начала выпуска монет от имени Джучида Менгу-Тимура мы можем считать, что произошло фактическое отделение джучидских ханов от Великого Каана.

Самостоятельность Джучидского улуса, наряду с образованием Хулагуидского и Джагатаидского государств, свидетельствовала о распаде Чингизидского рода. Отдельные ветви Чингизидов к концу XIII в. разошлись и стали совершенно самостоятельными правящими домами.

С другой стороны, внутри каждого улуса намечается тенденция к укреплению центральной власти хана[1]. Власть Великого Каана посте-

---

[1] Интересные материалы об усиливавшемся централизме в Золотой Орде дают археологические памятники первой половины XIV в. Известно, что Сарай был без стен (об этом сообщает ал-Омари. См. Тизенгаузен, т. I, стр. 241). Селитренное городище (развалины Сарая) и Наровчатское (Мохши) не имеют валов. Новый Сарай, как показали наши раскопки, также, до смуты 1360-х годов был без стен и рвов (см. Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая с 1959—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 250). Интересно наблюдение Л. Р. Кызласова о том, что в Туве в эпоху монгольского завоевания города были без стен (см. Л. Р. Кызласов. Городище Дон-Терек. Древнемонгольские города. М., 1965, стр. 61). Он же в связи с этим обратил внимание на следующие слова Марко Поло: «Во всех областях Катая и Манги и в остальных его (Кубилая. — *Г. Ф.-Д.*) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска: их располагать вне города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск» (Книга Марко Поло. М., 1956, стр. 280). Н. Н. Вактурская отметила отсутствие укреплений у городов Хорезма, построенных в золотоордынский период (см. Н. Н. Вактурская. О средневековых городах Хорезма. МХЭ, 1963, вып. 7, стр. 53). Видимо, требование оставлять поселение открытым касалось и монгольских феодалов, обосновавшихся в завоеванных областях. Столицы оставались открытыми потому, что при сильной центральной власти они не нуждались в другой защите, помимо сильной руки хана, а периферийные поселения и замки лишались фортификации с целью пресечь возможные сепаратистские тенденции. Примером такого замка или поселения XIV в. является Итяковское городище в Мордовии. Сюда, на место старого городецкого городища с хорошо сохранившимися валами, пришел какой-то золотоордынский князек или темник, прельщенный именно фортификационными достоинствами места. Но он был вынужден срыть древний вал и засыпать ров, открыть таким образом поселение и свести на нет эти преимущества старого городища. Только в XV—XVI вв. поселение снова укрепляется валом и рвом

пенно теряет свое значение, а улусные ханы Джучиевого дома усиливают его. Улус перестает быть достоянием всего дома Джучи. Усиливается тенденция рассматривать его как объект управления одной династии, одной ветви этого рода.

После победы над Ногаем и Сарай-Букой Токта стал фактически контролировать весь улус, отошедший когда-то к Бату. Во всех частях государства сидели его ставленники. Характерно, что Бейбарс так определяет причину столкновения Токты с Ногаем, совершенно правильно отражая тенденцию к укреплению ханской власти, наметившуюся в последнем десятилетии XIII в.: «Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся Берковичами, смещал тех из царей их, которые ему не нравились и ставил (тех), кого сам выбирал, как мы уже сказали выше, да хотел, чтобы это так продолжалось (и впредь) и чтобы он (Ногай) оставался правителем этих стран. Но Токте не понравилось быть подвластным ему: он старался сразиться с ним и хлопотал о войне с ним»[2].

В централизации Джучидского улуса, главным образом улуса Бату, т. е. его правого крыла, основную роль в XIV в. играют новые факторы, связанные с развитием торговли и городов и с появлением бюрократической администрации, связанной с городом происхождением, местом жительства или своими экономическими интересами. Это были новые факторы, отличные от тех, цементировавших Улус Джучи сил, которые действовали в XIII в. и которые были связаны с представлением об улусе как владении всего рода Джучи. Это представление выражалось в определенной системе смены правителей, в курултаях, выборах или выборном утверждении хана и связанных с этим пересмотрах и новых утверждениях всей улусной системы, т. е. границ ленных кочевых владений.

Рост городов

Рассмотрим характер новых сил, активно действующих в Золотой Орде в XIV в. Такой силой, постепенно развивавшейся в XIII в., стал в XIV в. золотоордынский город, его ремесло и торговля. В первой части нашей работы мы касались уже некоторых вопросов истории золотоордынских городов, расположенных в половецкой степи и, видимо, заселенных половцами, оставившими кочевой быт и перешедшими к городской жизни[3].

Нумизматический материал дает нам возможность выяснить, как развивались города в Золотой Орде. Оказывается, что в середине XIII в. главными городами были старые центры ремесла и торговли, развившиеся и процветавшие еще до монголов. Самые первые монеты чеканились в Болгаре[4]. Этот город раньше всего оправился от катастрофы, которую он пережил во время монгольского завоевания. Очевидно, в 1250—1260-х годах это был главный экономический центр Золотой Орды, и только здесь чеканили серебряные и медные монеты.

и становится укрепленным городищем — замком феодала (см. Г. А. Федоров-Давыдов, А. В. Циркин. Новые данные об Итяковском городище в Темниковском районе МАССР. Исследование по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1966).

[2] Тизенгаузен, т. I, стр. 110—111.

[3] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 200 и сл.

[4] См. С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. МИА, 1954, № 42, стр. 427 и сл. Интересные новые соображения о чеканке в Болгарах монет с именем халифа Насира в домонгольское время см. А. Г. Мухамадиев. Булгаро-татарская денежно-весовая система XIII—XIV вв. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Казань, 1968.

В 1270-х годах начинается чеканка монет в Крыму. В 1279 г. стал чеканить монеты Хорезм и только в 1282 г. была выбита первая монета Сарая [5].

С начала XIV в. сарайские серебряные монеты, чеканившиеся раньше в очень ограниченном количестве, вытесняют все другие монеты. В XIV в. их чеканят огромное количество. На рынках Волжской Болгарии, Мордовии, Крыма, в городах золотоордынской Молдавии и на Северном Кавказе — всюду столичный сарайский чекан к 30-м годам XIV в. вытеснил с рынков другие серебряные монеты [6]. Почему же в начале сарайский чекан был таким слабомощным, почему сам город Сарай стал крупным экономическим центром только в конце XIII в. и уступал в течение почти 50 лет первенство старым городам Крыма, Хорезма и Волжской Болгарии?

Связи домонгольских кочевников-половцев с городами, расположенными на окраинах Дешт-и-Кыпчак, были весьма слабы. Такие города, как Судак, Тмутаракань, были зависимы от половцев, даже назывались иногда «команскими», но зависимость эта была сведена к платежу дани. Для кочевников было характерно, что предводитель племени, оставаясь кочевым вождем, становился одновременно владетелем города и собирал с него дань [7].

Иначе сложились отношения монгольской кочевой аристократии и городов в Восточной Европе. В качестве «владетеля города» выступил каракорумский каан, как глава правящего над кочевниками рода. Половецкие ханы в Дешт-и-Кыпчак были отстранены от управления городами. Порвались в известной мере связи степи и соседних со степью городов. Когда в конце XIII в. эти связи стали возобновляться, то на место старых домонгольских городов стали выдвигаться новые «ханские» города, построенные Джучидами, высвободившимися из-под опеки Великого Каана и его баскакского податного аппарата. Рабочая сила для строительства была в изобилии — это были пленные ремесленники. Население этих городов происходило из окрестных половецких племен.

Сарай возник почти на «пустом месте» в степях, где до золотоордынских ханов были очень слабые традиции оседлости, очень мало было поселений. В Нижнем Поволжье когда-то был хазарский город Итиль, но он заглох еще в X в. Другой город, известный нам по письменным источникам, Саксин, был, вероятно, не столько городом, сколько ханской ставкой. Длительной оседлости, сельскохозяйственного и ремесленного населения в Нижнем Поволжье до монголов не было.

Старые города в оседлых районах, где хозяйственная жизнь была только приостановлена монгольскими завоевателями, быстро возродились, стали главными центрами торговли и ремесла в молодом государстве. Ханы, кочевая аристократия предоставляли управление ими каракорумской администрации. Но вскоре сами золотоордынские ханы стали интересоваться жизнью городов, создавать в них мастерские, вступать в компании крупнейших торговцев, организовывать свои торговые караваны.

Став полноправными правителями в своих улусах, освободившись от власти Каана и его администрации, золотоордынские ханы с лихорадочной поспешностью строят свои новые города в Нижнем Поволж-

---

[5] См. Г. А. Федоров-Давыдов. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. ЭВ, 1961, т. XIV, стр. 83.

[6] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1960, т. I, стр. 95 и сл.

[7] Ср. А. М. Васильев. Пуритане ислама? М., 1967, стр. 65—66.

жье, там, где раньше была кочевая степь. Они сгоняют сюда ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма, Болгар и те в быстрые сроки возводят большие города на Ахтубе и в дельте Волги.

Но почему же все-таки золотоордынские ханы строят новые города? Не выгоднее ли было для них сохранить мощь старых центров — Болгара или Крыма и сделать своей столицей старый город, чем строить на пустом месте новые города? Две причины заставили отказаться от этой идеи.

Во-первых, для них было живо воспоминание того оскорбительного положения, когда они не могли распоряжаться делами завоеванных городов и вынуждены были довольствоваться только частью налогов с покоренного населения оседлых земель. Даже освободившись от опеки Великого Каана, ханы Золотой Орды с досадой вспоминали о своей былой зависимости и старые города казались им поэтому ненадежным местом. Им хотелось построить новые «ханские» города, где не надо было бы делить власть ни с какими баскаками или даругами от Великого каана, где они были бы спокойны и единовластны в своих действиях. Поэтому-то и строили они новые, именно «ханские», города в степях, где не было имперских чиновников.

Нижнее Поволжье в XIII в. было «доменом» Джучидского хана, то есть той областью, которой он непосредственно распоряжался, и где кочевали его вассальные племена и роды. Именно здесь и началось золотоордынское градостроительство. Причем города в основном строились на месте зимних кочевий, в зимовище, т. е. в южной части этого «домена», в степи, где до этого городов не было [8].

Во-вторых, Нижняя Волга представляла собой чрезвычайно благоприятное сочетание пригодных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки, удобных для зимовок тростниковых зарослей и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. А вместе с тем, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали бы под своим контролем важную торговую магистраль всей Восточной Европы — Волгу. Здесь перекрещивались торговые пути, идущие с севера на юг по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию с караванными путями, ведшими из городов Причерноморья и из Азова на Восток через степи Казахстана и пустыни Приаралья.

В Золотой Орде развитие городской жизни пошло по пути строительства новых городов в степных оазисах, а не по пути восстановления старых домонгольских центров в оседлых окраинах. Очевидно, в Золотой Орде, где большую роль играли кочевники, феодализм шел по линии развития кочевых держаний в большой степной зоне, а не оседлого земледельческого феодализма. В Золотой Орде, как и в Монголии в более ранний период, развивается та особенность кочевого общества, при которой взаимоотношения степи и оседлых земель выражаются в захвате пленных ремесленников-рабов из оседлых племен, увозе их в степь и создании поселений пленных рабов, обслуживающих своим трудом аристократию. Вполне понятно, что такие поселения, позднее

[8] Строительство города на месте зимней стоянки характерно для кочевников. См. «Таварих-и гузида-Нусрат-наме». Ташкент, 1967, стр. 111, где говорится, что город Хан-Балык был зимней ставкой. Отрар и Сыгнак были расположены в местах зимовки кочевников Казахстана XV в. (см. МИКХ, стр. 67, 112). Казаган — среднеазиатский эмир XIV в. — построил свой дворец Сали-Сарай на месте зимней своей стоянки (В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 164). Постройка замка правителя племени у афганцев всегда осуществлялась на месте зимней стоянки (И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 58; см. также В. В. Трубецкой. Бахтияры. М., 1966, стр. 150).

развившиеся в большие города, образовывались в степи, а не в оседлых периферийных районах. Прерогатива сношения с оседлой периферией принадлежит у кочевников главе правящего рода как при набегах, так и при выводе пленных и создании поселений [9]. Эта прерогатива принадлежала вначале каану и его администрации; в конце XIII в. в Золотой Орде она перешла к джучидскому хану. Понятно, что эти поселения образуются в первую очередь в ханском «домене», в непосредственной близости к стоянке или дворцу хана и его свиты.

Центрами городской жизни на Нижнем Поволжье в XIV в. были столицы, носившие имя «Сарай» (дворец) [10].

В настоящее время принято считать установленным наличие двух Сараев в Нижнем Поволжье: Сарая и Нового Сарая. Известно, что в Сарае (или Сарае Богохранимом) чеканили монету с конца XIII до начала XV в., в Новом Сарае — с 1340-х годов до конца XIV в. Есть только два археологических памятника в Нижнем Поволжье, которые можно принять за эти два города: Царевское городище в Волгоградской области и Селитренное городище в Астраханской.

Судя по хронологии монетных находок, сделанных на этих городищах, Селитренное городище было Сараем, первой столицей золотоордынских ханов, Царевское — Новым Сараем, второй столицей, возникшей как город при Узбеке, куда была перенесена столица или в конце царствования этого хана или при Джанибеке. Чеканка в Новом Сарае монет начинается только при Джанибеке с 740 г. х. (1339/1340 г.). Новый Сарай после Тимуровского похода не возрождался. Сарай (Селитренное городище) существовал еще в первой половине XV в. [11].

Есть предположение, что «старый» Сарай возник на месте Саксина [12]. Если это действительно было так, то, возможно, в этом Сарае долгое время сохранялись у золотоордынских ханов воспоминания о подчинении старых городов, завоеванных монголами, контролю центрального имперского управления. Мы знаем по изложенному выше, что старые домонгольские города (Крым, Болгар, Бухара и др.) управлялись в XIII в. каракорумскими администраторами, а доходы с этих земель делились между Чингизидами. Возможно, «старый» Сарай именно потому, что он возник на месте домонгольского Саксина, сохранял тоже

---

[9] См. Л. Л. Викторова. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», т. I. М., 1968, стр. 566, 574.

[10] Перенесение названия дворца на город характерно для монгольской эпохи. Название дворца Кебека на Кашкадарье — Карши (тюрк. дворец) стало позднее названием соседнего города Нахшеб (В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 162). В позднее время имело место перенесение понятия Сарай — дворец на кочевую ставку. В Крыму в 1692 г. «хан и калга, выехав из Бахчисарая, жили по рекам на Каче, на Кабарде и в иных местах в ханских сараях» (Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1895, вып. 23, стр. 73); в Codex Cumanicus слову «sarau» соответствует в латинской колонке слово «palacium», а в персидской — не нашлось ему другого эквивалента и там стоит тоже «sarau» (G. Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880, p. 89).

[11] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 229, 263, 306, 463; Д. Кобеко. К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды. ЗВОРАО, 1890, т. I, стр. 267 и сл.; Ф. Ф. Чекалин. Нижнее Поволжье по картам XV в. ТСУАК, 1890, т. II, вып. 2, стр. 247; Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань, 1923; Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет. НЭ, 1963, т. IV, стр. 168—169; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 270; С. А. Янина. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг. Сб. «Поволжье в средние века». М., 1970, стр. 194—196.

[12] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Город и область Саксин. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969.

какие-то элементы статуса старых городов, завоеванных Чингизидами. Можно выдвинуть гипотезу о том, что перенос столицы в Новый Сарай при Джанибеке (или в конце правления Узбека) был вызван именно желанием Джучидов окончательно избавиться от пережитков XIII в. и иметь совершенно независимый, свой исключительно «ханский», «джучидский» город [13].

Денежная унификационная реформа Токты

Интересы торговли и городов требовали унификации денежного обращения. То, что подспудно развивалось в XIII в., в начале XIV в. выразилось в деятельности хана Токты, которая показывает поворот Джучидов к управлению городской жизнью, к непосредственному хозяйничанию монгольской, некогда только кочевой аристократии в городах.

Наиболее четко прослеживаемым мероприятием хана Токты, ярко характеризующим смысл и направление государственного развития, была монетная реформа 710 г. х. (1310/1311 г.). Эта реформа заменила разрозненное обращение дирхемов XIII в. обращением единого и устойчивого по своему весу и курсу сарайского дирхема. Если в XIII в. в каждой экономической области Золотой Орды (в Крыму, Волжской Болгарии, Нижнем Поволжье) обращались свои монеты с колеблющимся весом и курсом, разнотипные по своему внешнему виду, то после реформы 710 г. х. господствующей монетой стал сарайский дирхем, выбитый по твердо установленной весовой норме. Постепенно этот дирхем завоевывает денежные рынки Поволжья, Северного Кавказа, Мордовских земель; прекращается в 1330-х годах местная чеканка в Болгарах, еще раньше — в Азове и Крыму. В Мокше была в эти годы только медная денежная чеканка. В этих областях к середине XIV в. сарайский, а затем новосарайский и гюлистанский дирхемы, единые по своему весу и курсу, вытесняют всякую другую монету [14].

Эта унификационная денежная реформа могла быть проведена только при концентрации больших запасов серебра в руках ханского

---

[13] Западные монгольские ханы еще в первой половине XIV в. должны были, видимо, оказывать уважение и как-то выражать хотя бы и номинальную вассальную зависимость от Великого Каана. Узбек, который был фактически совершенно независимым от Каана, был очень чувствителен к малейшим намекам на вассалитет по отношению к нему. Об этом свидетельствует следующий эпизод, приводимый автором «Продолжения Сборника Летописей»: джагатаидский царевич Эсен-Бука-огул в дипломатических целях послал Узбеку такую весть: «Тимур-каан изволил сказать: разве Узбек достоин быть государем. Царствование над тем улусом я отдам другому». Раздраженный этим Узбек перестал повиноваться Каану (см. Тизенгаузен, т. II, стр. 140). Известно, что Узбек все же посылал к каану посольство, чтобы выразить свою номинальную зависимость от него (посольство 1336 г.) (E. Bretschneider. Notices of the mediaeval geography and history of Central and Western Asia. «Journal of the North China branch of the Royal Asiatic Society», 1876, v. X, p. 179).

По «Истории Шейх-Увейса» властью Каана после неудачной для Джучидов войны с Ираном был назначен эмиром во всех четырех улусах (в Китае, Джагатаидском улусе, Иране и Дешт-и-Кыпчак) хулагуидский эмир Чупан, которому Узбек в какой-то степени должен был подчиняться, хотя бы внешне, так как его имя фигурировало в ярлыках по Улусу Джучи (Тизенгаузен, т. II, стр. 101). Характерно, что в первых же выпусках дирхемов в Новом Сарае Джанибек осмелился употребить титул «хакан», равнозначный «каану», до сих пор Джучидами не употреблявшийся (St. Lane-Pool. Catalog of Oriental Coins in the British museum, v. VI. London, 1880, p. 132, No. 383). Этим он как бы подчеркнул, что в новой столице он окончательно обособляется и освобождается от зависимости каана, сам становится равным каану. Заметим, что титул «каан» Джучиды в середине XIII в. помещали на своих монетах, но потом перестали.

[14] Подробно об этом см. Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет, стр. 103.

монетного двора. Очевидно, главным источником серебра был русский «выход», дань с русских земель [15].

Концентрация серебряных ресурсов в Сарае была связана с тем, что система откупов налогов, увоз в Монголию и распыление большой части дани с покоренных земель в конце XIII в. прекращаются. Положению, при котором джучидские ханы не получали основные средства, собранные с завоеванных оседлых земель Руси, болгар, мордвы и т. п., приходит конец. Аппарат имперских чиновников, созданный для сбора дани с Руси, в конце XIII в. теряет свое значение. «Выход» поступает теперь к джучидскому хану. Русские князья (так же как, вероятно, князья других народностей в составе Золотой Орды) получают от них вместе с ярлыком финансовый реестр для сбора золотоордынской дани.

Кроме денежной реформы 710 г. х. (1310/1311 г.) известны другие факты, говорящие о стремлении ханов развивать торговлю [16], участвовать в торговых операциях. Ханское правительство в первой половине XIV в. заботилось о соответствии в денежной системе рацио серебра, меди и золота рыночным ценам на эти металлы [17]. Оно обеспечило безопасность торговых маршрутов. Широчайшие внешнеторговые связи золотоордынских городов хорошо документируются и письменными источниками и археологическими находками. Есть данные, позволяющие утверждать наличие каких-то систем безналичного учета денег [18]. Особенностью золотоордынской торговли было развитие крупной караванной торговли, а следовательно, больших купеческих торговых компаний, в которые, вероятно, входила и монгольская аристократия. А. Ю. Якубовский рассмотрел упоминания термина «уртак» в золотоордынских и других источниках XIII—XV вв. [19]. Вассаф называет этим термином купцов Берке в Иране [20]. Термины «уртак», «уртачество» употребляются Рашид ад-Дином в смысле пайщик, участник в деле [21]. В этом смысле толковал термин и В. В. Бартольд [22]. В золотоордынских документах «уртак» или «базарган-уртак» встречаются несколько раз: купеческие артели (в переводе В. В. Радлова) — в письме Токтамыша Ягайле [23], купец-паевщик — в письме Улу-Мухаммеда Мураду II 831 г. х. [24]. Слово «уртак» в значении «компаньон», «товарищ» («socius», в персидской колонке «хамаш») встречается в Codex Cumanicus [25] и в поздних переводах Библии у литовских караимов и в актах Каменец-Подольской армянской общины XVI в. («ортаклых» — торговое товари-

---

[15] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. НЭ, 1965, т. V, стр. 208 и сл.

[16] Вспомним о ярлыке Менгу-Тимура князю Ярославу об открытии пути рижским купцам. «Русско-Ливонские акты». СПб., 1868, стр. 13—14.

[17] См. А. Г. Мухамадиев. Ук. соч.

[18] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода, стр. 219.

[19] См. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 153 и сл. Об «уртаках» в Центральной Монголии см. Н. Ц. Мункуев. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965, стр. 21.

[20] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 81—82.

[21] См. Рашид ад-Дин, т. II, стр. 51—57. В этом же значении термин встречается и у Джувейни (The Tárikh-i-Jahán gushá of Alá ud-dín Atá Malik-i-Juwaini, GMS, v. XVI, p. 3. Leyden—London, 1937, p. 87; см. также И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагуидов. СВ, 1948, т. V, стр. 105—106).

[22] См. В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 700; т. V, стр. 110, 131; см. также B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, S. 432.

[23] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. 1. Казань, 1850; В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО, 1888, т. III, вып. 1—2, стр. 6—15.

[24] A. N. Kurat. Topkapi Sarayi Müzesi Azşivindeki Altin Ordu, Kirim ve Türkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler. Istanbul, 1940, p. 11.

[25] G. Kuun. Op. cit., p. 114.

щество) [26]. В ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. термин «уртак» упомянут вместе с термином «сабанчи» [27], возможно, имеющем значение «зависимый крестьянин или арендатор, уплачивающий ренту» [28].

Срастание части монгольской аристократии с верхами городского населения

Денежная реформа 710 г. х. (1310/1311 г.) означала определенное изменение в отношении кочевой монгольской аристократии во главе с ханом к вопросам непосредственного управления оседлым торгово-ремесленным, городским населением и его эксплуатации. Эта тенденция наметилась уже совершенно определенно при Токте и потому временем его правления начинаем мы рассмотрение новой фазы в развитии Улуса Джучи.

Та территория кочевой степи, которая составляла непосредственное владение джучидских ханов, где кочевала их ставка, была первым объектом приложения этих новых для кочевой аристократии тенденций.

В археологической части нашего исследования [29] мы показали, что именно Нижнее Поволжье и частично Северо-Восточный Кавказ были теми районами Дешт-и-Кыпчак, где осталось больше всего монголов и где концентрируются все те археологические признаки, которые мы можем связать с пришлым восточным (сибирским и монгольским) этносом. Здесь, на этой территории складывается сложная и синкретическая культура золотоордынских городов, сходная для городов степного Северного Кавказа, Заволжья и Поволжья.

Можно думать, что именно в этой области Дешт-и-Кыпчак начинается срастание монгольской кочевой аристократии с городскими верхами, процесс перехода верхов кочевого общества к государственному управлению, к управлению городами и их сельской округой, к их непосредственной и систематической эксплуатации [30].

---

[26] «Документы на половецком языке XVI в.». М., 1967, стр. 254, 306, 401.

[27] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II. Казань, 1851, стр. 10—11; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21. Слово «сабанчи» оба исследователя переводили как «земледелец»; слово «уртакчи» И. Н. Березин в этом контексте переводил как «паевщик», «компаньон», «фермер-арендатор» (И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. ТВОРАО, 1864, т. VIII, стр. 437). В. В. Радлов — только как «паевщик».

[28] См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 115. В сходном значении термин «уртак», «артак» бытует и у киргизов, казахов, алтайцев, в Фергане — в значении «арендатора-испольщика» (см. Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. «Зап. ХНИИЯЛИ», 1947, вып. 1, стр. 26; В. Ф. Шахматов. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вести. АН КазССР», 1951, № 7, стр. 29; П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии. ИАН, 1935, отделение общественных наук, серия VII, № 8, стр. 756). «Уртагина», т. е. испольная работа, и крестьяне-испольщики были известны у крымских и казанских татар (М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 97).

[29] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники...

[30] В этом, может быть, следует видеть радикальное отличие золотоордынских городов от хулагуидских, где, как писал И. П. Петрушевский: «Городская знать при монгольском владычестве, как и в домонгольский период, состояла из гражданских чиновников, улемов, сейидов, дервишских шейхов и их потомков. Все они были феодальными землевладельцами, связанными также с торговлей и с верхами городского купечества. Одни и те же знатные фамилии стояли во главе города и сельского округа. Это была, таким образом, земско-городская знать. Две другие группы классов феодалов — военная знать кочевых племен (монгольских, курдских и тюркских), владевшая также селениями и землями с прикрепленными к ним оседлыми крестьянами, и уцелевшие после монгольского завоевания остатки старинной оседлой землевладельческой иранской знати экономически отсталых районов, не связанные с государственной службой, — и при монгольском владычестве в общем стояли далеко от городской жизни. Монгольская и тюркская военно-кочевая знать за небольшим исключением не переходила к оседлости и не селилась в городах» (И. П. Петрушевский. Ук. соч., стр. 108).

Интересные материалы о переходе кочевой монгольской аристократии к городскому образу жизни дают археологические раскопки Царевского городища (Нового Сарая). В южных пригородах этого города была раскопана богатая усадьба какого-то феодала. В строительных приемах и планировке ее домов прослеживается некоторое влияние восточного домостроительства, известного нам в монгольских городах Южной Сибири и Монголии[31]. Перед домом на мощеном дворе были обнаружены юрты (реминисценция кочевого быта — явление, весьма характерное для кочевников, перешедших к оседлому городскому быту). При этой усадьбе были открыты большие камеры-землянки, предназначавшиеся, видимо, для рабов. Можно предположить, что перешедший к городскому образу жизни монгольский аристократ имел при себе целую группу рабов.

Рабы в золотоордынских городах

Грандиозные завоевательные войны монголов вызвали в XIII — начале XIV в. оживление работорговли и применения рабского труда. Быстрый рост золотоордынских городов обеспечило использование именно рабской силы, согнанных из разных покоренных земель подневольных ремесленников[32]. Золотоордынские города были (помимо внешней работорговли) основным потребителем рабов[33]. А. Ю. Якубовский

---

[31] Подробное описание этих сооружений см. Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. Сб. «Поволжье в средние века». М., 1970, стр. 114 и сл. Ср. Л. Р. Кызласов. Ук. соч., рис. 46, 70. О сибирско-монгольских чертах в домостроительстве Нового Сарая см. интересную статью: В. Л. Егоров. Жилища Нового Сарая. «Поволжье в средние века». М., 1970.

[32] Термины для обозначения раба («кул», «кълык» — раб, рабское состояние, «адат» — отпуск раба на волю) находим у Карпини, ибн-Баттуты и других писателей XIII—XIV вв. В Codex Cumanicus есть термин «eudagi erči», переводимый на персидский «xen sachird», т. е. «зани чакар» и латинский «famula» («рабыня»). Codex Cumanicus отличает собственно рабыню от домашней рабыни: «domicella», «eudagi chex», «xen chetmetchar», т. е. «зани хедматкар». Есть в словаре еще термин «chuluccči-getmetchar» (т. е. «хедматкар») — «famulus», т. е. «рабский», «раб» (G. Kuun. Op. cit., pp. 103, 105).

[33] О широком распространении работорговли свидетельствует договор египетского султана с Каффой в 1279 г. (см. La storia della antica Ligurua e di Genova, scritta dal Marchese Girolamo Serra, v. IV. Torino, 1834, p. 140; см. также «Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины XV столетия, собранных Георгием Кедрином и другими, три книги, т. III, пер. И. Иванова. СПб., 1794, стр. 60). Характерно, что основные периоды оживления работорговли и вывоза рабов на Запад, через Крым приходятся на XIII в., когда города в Золотой Орде были еще не развиты, и на конец XIV—XV вв. (см. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 91), хотя и в XIV в. рабов было много: при Узбеке продолжались агрессивные войны золотоордынцев (походы на Литву и Польшу в 1320—1340-х годах, борьба за Закавказье). Были и внутренние источники рабства (см. Тизенгаузен, т. I, стр. 235). В середине XIV в. при Джанибеке наблюдается сокращение вывоза рабов из Золотой Орды в Италию и Грецию. В значительной степени это объясняется столкновением татар с генуэзцами и венецианцами в Крыму и Азаке — главных пунктах работорговли на Черном и Азовском морях. Но можно предположить, что сами эти столкновения вызваны были тем, что ханские правители стремились сократить вывоз рабов и закрыть главные пути внешней работорговли. Характерно, что если во второй половине XIII в. монгольские беки еще вывозят большие массы пленных (Тизенгаузен, т. I, стр. 114, 122), то Токта уже конфликтует с генуэзцами, ставя им в вину «овладение татарскими детьми», отсылку их «в эти (чужие) края» (там же, стр. 120). Опустошения, вызванные чумой 1346 г., также привели к уменьшению количества рабов в городах Золотой Орды, что привело к сокращению вывоза их. В конце XIV в. в Южной Европе уменьшается приток рабов из Золотой Орды и резко повысились цены на них (см. M. Canale. Della Crimea del Suo Commercio, t. II. Genova, 1855, p. 450; W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au Moyen-age, t. II. Leipzig, 1936, p. 562; ЗООИД, т. V, стр. 185—188; И. В. Лучицкий. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV—XV вв. Киев, 1886; его же. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV—XV вв. «Университетские известия», 1886, № 11. Киев,

высказал предположение, что в этих городах, так же как и в Иране, были так называемые «кархана» — крупные ремесленные мастерские, принадлежавшие аристократии и ханам, где трудились десятки рабов [34]. В археологических материалах есть некоторые подтверждения этому [35].

Постепенно рабы-ремесленники высвобождались из-под рабской зависимости, превращались в феодально-зависимых людей, связанных рядом обязательств с их хозяевами, но живущих своим домом, своим хозяйством, хотя и под опекой [36]. Видимо, именно этот процесс отражен в следующем отрывке из текста Карпини: «В земле Саррацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах... И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастера и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости...» [37].

Перед нами две категории рабов — пленных ремесленников. Одни из них живут на скудном довольствии своего хозяина, без семьи и хозяйства. Другим разрешено иметь семью и ставку, и какую-то часть времени они могут работать на себя.

Рабский труд, воскресший в эпоху обширных завоеваний XIII в., трансформировался в XIV в. в труд феодально-зависимой черни.

В отличие от городов средневековой Западной Европы и Руси, а также феодальных городов Средней Азии, золотоордынские города выросли не в результате длительного экономического их развития, а возникли сразу и на местах, где до них не было традиций длительной оседлости. Расцвет этих городов связан с сильной деспотической властью ханов. Они пришли в упадок тогда, когда пришла в упадок цен-

---

стр. 198, 201). Известно, что в Болгарах и Хаджи-Тархане в 1370-х годах ушкуйники легко могли продать своих пленных (ПСРЛ, т. VIII, стр. 23; т. XI, стр. 24). С упадком городской жизни в Золотой Орде в XV в. собственно джучидские города не поглощали того большого количества рабов, которых поставляли как внешние, так и внутренние войны. Внешняя работорговля снова расцветает в XV в.; несмотря на неблагоприятные политические обстоятельства и нарушение торговых путей, генуэзские рынки Крыма были полны живым товаром, предназначенным на продажу на Запад, в Европу и Передний Восток.

[34] См. Б. В. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 143—146.

[35] См. А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. Задачи археологического изучения Золотой Орды. СА, 1959, № 4, стр. 130.

[36] О выкупах рабов в Иране на рубеже XIII—XIV вв. см. Рашид ад-Дин. Переписка. М., 1971, стр. 143. Интересно, что в XVI—XVII вв. у ногаев рабы (кылар) владели скотом, т. е. превратились в феодально-зависимых людей (ЦГАДА, «Ногайские дела», 1629, № 1, лл. 321, 324).

[37] «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 58. Отметим, что при Газане стал практиковаться перевод рабов из кархана на оброк (см. Рашид ад-Дин, т. III, стр. 312).

тральная ханская власть, когда она стала неспособной поддерживать и поощрять в крупных масштабах торговлю, поставлять городам массу награбленных средств и рабов-ремесленников.

Аристократические усадьбы в золотоордынских городах и их эволюция

При исследовании поверхности Царевского городища было обнаружено, что в восточных пригородах города, за его валом и рвом, расположены сильно укрепленные замки в виде прямоугольников, ориентированных своими сторонами по странам света. Если сопоставить планировку этих больших усадеб-замков с планировкой усадеб, из которых как бы «составлены» некоторые монгольские города XIII в., то можно проследить сходство их планировок[38]. Как гипотезу, которая вполне согласуется с наблюдаемыми на городище Нового Сарая явлениями, мы выдвигаем теорию о том, что первоначально город возник как совокупность некоторого числа таких замков. В период правления ханов Токты и Узбека монгольская кочевая феодальная верхушка, чьи предки пришли из Центральной Азии, втягивается в торговлю и управление государством, сближается с чиновничье-купеческой верхушкой городов в оседлых районах собственно Золотой Орды. Некоторые представители старой монгольской кочевой знати становятся вельможами при городском дворе хана, принимают участие в управлении торговлей, ремеслом и общегосударственной политикой.

На примере истории возникновения Нового Сарая мы имеем возможность наблюдать концентрацию отдельных замков монгольской аристократии[39]. Именно как результат принудительной концентрации в каком-то административно-политическом центре аристократических усадеб-замков, построенных руками пленных ремесленников, пригнанных из оседлых покоренных областей, возник в Монголии в XIII в. Каракорум. Рашид ад-Дин писал: «Так как он (Угедей) еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в (своем) юрте Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами... Последовал указ, чтобы каждый из (его) братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда же здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то (их) оказалось целое множество»[40]. Ставка каана кочевала в окрестностях этого города.

Предположению, что ядром золотоордынского города были усадьбы-крепости кочевых феодалов, переходивших к оседлости, соответствует и наблюдение М. Г. Сафаргалиева о том, что названия ряда золотоордынских городов связаны с топонимом Керман («castrum» по Codex Cumanicus)[41].

Таким образом, процесс образования золотоордынского города в начальный его период представлял собой оседание не только беднейшей,

[38] См. С. В. Киселев. Город на реке Хирхира. Древнемонгольские города. М., 1965, стр. 25, рис. 1.

[39] Ср. В. Л. Егоров. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. «История СССР», 1969, № 4. В этой работе удачно сравниваются золотоордынские и монгольские города на начальной стадии их развития с изображением города у сибирских татар в Ремезовской летописи.

[40] Рашид ад-Дин, т. II, стр. 40. Массовое строительство замков монгольской аристократии в Хара-Хорине (Каракорум), там, где в 1235 г. происходил курултай, отмечают китайские хроники (Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингизова. СПб., 1829, стр. 259).

[41] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., Саранск, 1960, стр. 79; В. Л. Егоров. Причины возникновения городов у монголов. «История СССР», 1969, № 4.

лишенной скота и средств к кочеванию бедноты, но и аристократии, превращавшейся в чиновничье-сановное окружение хана, в его администрацию. Образование золотоордынского города — сложное явление, на которое оказали влияние различные исторические факторы: и наличие больших масс рабов, захваченных во время завоевательных войн, и приток больших масс награбленных материальных ценностей, и участие ханов и крупной аристократии в торговле и развитии ремесла, в сфере которых только и можно было реализовать эти богатства, и необходимость создать постоянные административные центры для управления обширными завоеванными землями.

Перед нами разные стороны одного процесса — образования феодального золотоордынского государства в том виде, в каком мы застаем его в XIV в. при Узбеке: с городами, развитой торговлей и денежным делом, разветвленной бюрократией, связанной с городом, но вышедшей из недр кочевой аристократии. Этот процесс проявлялся и в росте политической централизации, и в прекращении в связи с этим разбойных междоусобиц, и в расчленении степи на улусы — кочевые владения, положившем конец на какое-то время столкновениям и спорам кочевых феодалов и приведшем к образованию сословной собственности на землю, а также, вероятно, к сокращению кочевых маршрутов и регламентации в использовании пастбищ, и в стремительном росте городов, и в стремлении части аристократов участвовать в городской жизни и торговле.

Подобный комплекс явлений мы можем наблюдать в Казахстане в XIX в. в момент присоединения его к России. В целях регламентации передвижений кочевников, которые иначе вступили бы в кровавые столкновения друг с другом, русское правительство расчленило степь на округи, которые отдавались во владение кочевой аристократии. Это привело к срастанию административного управления с центрами в городах и старой кочевой аристократии, которая, оставаясь кочевой, обзаводилась оседлым земледельческим хозяйством в районе своих зимних становищ. «Будучи крупным скотоводом и в силу этого совершая со своим скотом дальние перекочевки, он в то же время в больших размерах занимается земледелием, имеет большой дом, заготовляет много сена и во всем этом идет, обыкновенно, впереди своих среднесостоятельных и бедных сородичей»,— писал о представителе такой знати XIX в. А. А. Кауфман[42]. Вероятно, сходные явления имели место и в Золотой Орде, где обширное государство создалось в результате завоевания и возникновения мощной центральной власти.

Этот процесс возникновения городов и развития оседлости отличен по своему существу от медленного и постоянного оседания беднейшей части кочевников на землю — процесса, который мы наблюдаем у половцев в XII — начале XIII в. и который не мог привести к образованию таких центров ремесла и торговли в степи, какими были джучидские города. Завоевание, создание жесткой военной дисциплины и строгого порядка в распределении кочевых уделов, затем создание административных центров на местах зимних стоянок ханской орды, там где сосредоточивались захваченные пленники-рабы, быстрое строительство на этих местах городов, массовый принудительный, вероятно, переход к городскому образу жизни вчерашних кочевников, переход, вначале принудительный, а позднее добровольный, к городскому быту и городской оседлости части кочевой аристократии, срастание ее с торгово-

[42] См. А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1913, стр. 141—142.

ремесленной верхушкой городов — таковым, как нам представляется, был ход этого процессса.

Эта городская монгольская аристократия известна нам сейчас по археологическим данным. На Царевском городище исследовано несколько таких усадеб. Они имели мощные центральные дома и окружались глинобитными стенами. На территории усадеб имелся отдельный водоем. У одной усадьбы дом имел несколько периодов перестройки. Вначале на усадьбе стоял дом, имевший некоторые черты восточного домостроительства. Потом в 1360-х годах он был разрушен и на его месте был построен большой дом из жженого кирпича с чертами среднеазиатских приемов строительства. Золотоордынская знать, осевшая в городах, постепенно все больше и больше мусульманизируется. Ей нужны были большие, построенные на среднеазиатский манер, дворцы.

При изучении застройки вдоль оград этих усадеб оказалось, что с течением времени простые земляные стены усадеб обрастали бедными домами усадебных ремесленников, различных вольноотпущенников, клиентов, домами более богатыми, принадлежавшими или членам усадебной администрации, или воинам-дружинникам богатого нойона, обитавшего в усадьбе [43].

При исследовании поверхности городища Нового Сарая обнаружено несколько примыкающих друг к другу больших усадеб, образующих целый загородный комплекс соединенных между собой усадеб, что свидетельствует, по нашему мнению, о процессе разложения патриархальной семьи и выделении дочерних семей, еще связанных со старой большой патриархальной семьей, строящих свою усадьбу рядом, но живущих своим домом.

Рядовые кварталы золотоордынского города

Совершенно другой характер имеет застройка остальной части территории города. Отдельных холмов-домов и отдельных кварталов-усадеб здесь нет. Усадебные хаузы-водоемы здесь сменяются более обширными общественными хаузами и колодцами, предназначенными для удовлетворения нужд не одной усадьбы, а всего квартала. Расположены эти водоемы часто на площадях.

Изучена также эволюция жилищ в рядовой части города [44]. От строительства землянок население в этой части города постепенно переходит к сооружению деревянных наземных домов.

Мы считаем, что землянки в Новом Сарае свидетельствуют о социальной приниженности, неравноправности их жильцов, особенно когда эти землянки расположены в соседстве с наземными кирпичными домами.

Землянки, возникшие в первые десятилетия существования города, не были связаны с уличной планировкой. Уличная планировка и усадьбы с оградами возникли позднее, чем землянки, т. е. тогда, когда от землянок по каким-то причинам стали отказываться, предпочитая им наземные дома. Мы связываем эту эволюцию жилищ и возникновение городских усадеб и уличной планировки с превращением зависимых, пригнанных сюда силой полурабов в феодально-зависимую городскую

---

[43] См. Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев. Ук. соч., стр. 80 и сл.; А. Г. Мухамадиев, Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае. СА, 1970, № 3, стр. 149 и сл.

[44] См. Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев. Ук. соч., стр. 85 и сл. В какой мере это характерно для всей этой зоны городища, сказать могут только очень большие вскрытия площади культурного слоя. Пока можно делать только предположения.

бедноту. Неизбежное в условиях феодализма частичное высвобождение рабов и возникновение у них своего хозяйства объясняет тот факт, что население отказывается от землянок, которые связаны у него с воспоминаниями о рабском гнете и приниженности, и переходит к наземному строительству домов.

Иную картину видим мы вблизи аристократических домов и внутри богатых усадеб. Около вышеупомянутой большой богатой постройки с юртами в последний ее строительный период была сооружена большая землянка того типа, который мы склонны квалифицировать как камеры для рабов, своего рода эргастулы[45]. Эта и подобные ей землянки в других частях Царевского городища не имеют печей и для проживания индивидуальной, даже самой бедной семьи не были пригодны. Вместе с тем их площадь и кубатура очень велики, и эти землянки предназначались для многих людей. Вдоль стен были построены широкие земляные суфы—нары. Таким образом, если в посаде и плебейских кварталах происходил процесс превращения землянок рабов в наземные бедняцкие деревянные дома городской черни, то в богатых усадьбах использование рабов продолжалось, а количество рабов в ряде случаев с течением времени даже увеличивалось.

Организация ремесла

В бедняцких кварталах Нового Сарая жило много ремесленников. Здесь была обнаружена ремесленная мастерская по производству поливной архитектурной керамики. Огромное количество шлаков, остатки гончарного печного припаса, куски обмазок от горнов, остатки бронзолитейного и других производств разбросаны на поверхности Царевского городища. В этом городе имелись улицы, которые, судя по подъемному материалу, были улицами мозаичистов, гончаров, костерезов, медников. Может быть, это связано с характерным для многих средневековых городов принципом размещения ремесленников по кварталам[46].

Но в другой части города, в восточных его пригородах, зафиксирован был совсем другой принцип размещения ремесленников, соответствующий иному социальному характеру организации ремесленников. Здесь обнаружены усадьбы, тянущиеся вдоль улицы, и внутри этих усадеб — маленькие мастерские ремесленников. Разные мастера живут в одной усадьбе на положении зависимых усадебных ремесленников — гончары, ювелиры-золотоделы, костерезы.

Если в среде полусвободного городского плебса узкоспециализированные ремесленники объединялись по профессии, то здесь в одной усадьбе концентрируются ремесленники разных профессий, работавшие на эту усадьбу и зависимые от ее хозяина. Была, возможно, и третья форма организации ремесла — большие рабские мануфактуры типа «кархана», описанные в персидских источниках. А. Ю. Якубовский предполагал, что в Золотой Орде были в собственности ханов и аристократии такие рабские мануфактуры с развитым техническим разделением труда. Пока мы их археологически не зафиксировали. Но известны, как мы говорили, при больших богатых аристократических

---

[45] Л. Л. Викторова, касаясь развития рабства в монгольских городах, пишет, что «положение монгольских ремесленников во многом было сходно с положением ремесленников-рабов античной Греции (это сходство не нарушает отсутствие здесь эргастериев — рабских ремесленных мастерских)». См. Л. Л. Викторова. Ук. соч., стр. 574. Нам кажется, что эти землянки являются остатками именно таких «эргастулов» в золотоордынских городах.

[46] См. В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960, стр. 69.

усадьбах землянки больших размеров, которые были предназначены, как нам кажется, для рабов.

Два периода в истории золотоордынских городов

Широкие раскопки Нового Сарая позволяют уже сейчас выдвинуть гипотезу о том, что вначале (в I период) этот город представлял собой группу замков монгольской аристократии в восточной своей части и районы землянок, населенных рабами и полурабами — строителями города, согнанными из покоренных районов. Постепенно (во II период) район землянок превращался в район обитания городского плебса, живущего своими усадьбами и своими хозяйствами, а многие замки аристократии, как показали раскопки в восточных пригородах Нового Сарая, постепенно обрастают по своему периметру жилищами зависимых от них людей—клиентов, вольноотпущенников, усадебных ремесленников, жилищами представителей усадебной администрации. Эти усадьбы обрастают также более мелкими усадьбами вассалов [47].

В таком направлении идет развитие, видимо, и Каракорума. Сравним приведенный выше отрывок из труда Рашид ад-Дина, который рисует первый этап в развитии Каракорума как период сосредоточения ханских дворцов, с описанием Каракорума Рубруком: «О городе Каракоруме, да будет Вашему Величеству известно, что за исключением дворца, он уступает даже пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один Саррацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал китайцев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям» [48]. Таким образом, дворцы монгольской знати становятся дворцами вельмож — «секретарей» и обрастают торгово-ремесленным пригородом. Другими словами, происходит также трансформация населения города: знать становится чиновническо-вельможной верхушкой города, рабские кварталы превращаются в кварталы городского плебса.

Формирование аппарата управления и его структура

При хане Узбеке происходит завершение формирования государства джучидской монгольской аристократии. При Узбеке и Джанибеке это государство достигает в своем развитии кульминационного пункта.

Резко возрастают центральная власть и ее аппарат, могущество и сила хана. Страна управляется наместниками хана. Татарская администрция и войско на Руси подчиняются теперь Джучидам. В городах сидят его ставленники, управляющие от имени Джучидского хана, а не чиновники Великого Каана.

Положение городов в XIV в. резко отлично от того, какое было во время борьбы Токты с Ногаем, когда Крым был улусом Ногая, но собирать подати Ногай с Крыма не мог, а в Каффе посланные им чиновники были даже убиты.

Ал-Омари и ряд других восточных авторов называют Узбека государем Сарая, Хорезма, Крыма и Дешт-и-Кыпчак, как бы подчеркивая одинаковую степень подчиненности хану и кочевых степей и городов.

Ибн-Баттута упоминает эмира Азака и эмира Маджара. При всей заносчивости хорезмского правителя Кутлуг-Тимура, ставящего себя

[47] Сходное явление в развитии городской жизни и собственно Монголии XIII—XIV вв. отмечает С. В. Киселев. См. «Древнемонгольские города». М., 1965, стр. 325.

[48] «Путешествия...», стр. 165.

на одну доску с Узбеком, при всем стремлении Хорезма к автономии, ибн-Баттута замечает, что эмир Хорезма Кутлуг-Тимур находится под властью Узбека [49].

На местах создаются чиновнические династии областных правителей. При Узбеке правителем Крыма был Туглук-Тимур; позднее эта должность была занята его внуком Ходжа-Али-беком [50]. Известна Отузская надпись с именем Кутлуг-Тимур-бека, великого эмира, по приказанию которого построен колодец в 1358 г. М. Г. Сафаргалиев сопоставляет его с известным сыном Туглук-Тимура Кутлук-Тимуром, справедливо отмечая, что это не мог быть, как полагал А. Ю. Якубовский, хорезмский Кутлуг-Тимур, так как последний умер, по сообщению Мирхонда, в 736 г. х. (1335/36 г.). Таким образом, если замечание М. Г. Сафаргалиева [51] верно, то мы имеем три поколения одной семьи, наследственно владевшей должностью наместника Крыма.

Ал-Калкашанди и ал-Мухибби называют два разряда эмиров в Джучидском улусе. Первый разряд — «правители государства», начальники эмиров и визирь; второй разряд — правители областей и городов. Упоминается о совете четырех главных улусных эмиров, среди них главный («бекляри-бек» или «эмир ал-умара») — начальник всего войска [52].

Ал-Омари сообщает о визире: «Решает же дело не иначе как через визиря, а визирь решает дело без них (совет 4-х эмиров.— *Г. Ф.-Д.*), отдает приказания наместникам их и выписывает имена их (в ярлыки). Визирь настоящий султан, единовластно распоряжается денежной частью, управлением и смещением даже в самых важных делах, (точно так) как бекляри-бек распоряжается единолично в деле войсковом» [53].

---

[49] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 287, 311. О правителях Солхата, Азака и Укека сообщает ал-Калкашанди (см. ал-Калкашанди, т. IV, стр. 480; т. VII, стр. 302—304).

[50] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 280, 349, 350, 413.

[51] См. О. Акчокраклы. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XIV вв. ИТОИАЭ, 1927, т. I, стр. 7; А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930, стр. 18; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 70. Следует отметить некоторую спорность наблюдения М. Г. Сафаргалиева: «Великий эмир Кутлуг-Тимур» — не значит еще, что Кутлуг-Тимур был наместником Крыма.

[52] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 347 и сл., 249, 412 и сл.; B. Spuler. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. Wiesbaden, 1965, S. 302. То же деление на управление делами войска и департамент правительственных дел есть у ал-Омари, который различает начальников улусов от визирей (Тизенгаузен, т. I, стр. 229). Бейлербей (бекляри-бек) — бей над беями был в Османской Турции (см. А. Н. Поляк. Новые арабские материалы позднего средневековья в Восточной и Центральной Европе. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964, стр. 57). В XV в. звание бекляри-бека, «главного князя», закрепилось в Золотой Орде за одной аристократической мангытской семьей: главным эмиром был Балтыча, при Урусе — его сын Едигей, при Токтамыше — сын Едигея Мансур, затем правнук Едигея Темир, затем сын Темира — Тевеккель. В Крыму звание главного бека (бекляри-бека) закрепилось также за Мангытами (см. В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. «Уч. зап. МГУ», 1940, вып. 61, стр. 36). Характерно, что доля налогов, которая видимо причиталась бекляри-беку, стала называться «мангытова княжая пошлина». Тенденция к наследованию какой-либо должности одной семьей, прослеживаемая уже в Золотой Орде в XIV в., развилась в татарских государствах XV—XVI вв. Это видно также на примере одоевских даругов (см. В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 46—47). Положенные для того или иного чиновника части поступлений в казну стали рассматриваться как наследственные пожалования ему. Бекляри-бек был в Иране XIX в., где он обозначал воинский чин (Зейн ал-Абидин Мараган. Путешествия Ибрахим-бека. М.—Л., 1963, стр. 256). Эмир ал-умара известен был у казахов в XV—XVII вв. (МИКХ, стр. 215).

[53] Тизенгаузен, т. I, стр. 249, 348, 411 и сл. Судя по сообщениям Нахичивани, финансы — главное дело визиря в Иране XIV в.

Бекляри-бек заведовал всеми военными делами, руководил эмирами, тысячниками, темниками и т. д. Визирь управлял, видимо, гражданскими делами. Визирь входил, судя по сообщению ал-Мухиббн, в совет четырех при бекляри-беке [54].

Четко разграничиваются две категории монгольской феодальной аристократии: военачальники, т. е. улусные держатели, эмиры, тысячники и темники, управляемые главными улусными эмирами («эмиры улуса», «улус-беки») [55] и «начальниками эмиров», с одной стороны, и аристократия, тесно связавшая себя с административным, управленческим аппаратом, с ханской ставкой и с городами — с другой. Военная аристократия — это держатели улусов, т. е. ленов, данных на условиях военной службы [56]. Начальники улусов у ал-Омари — это начальники эмиров, т. е. представители военного ведомства. Армейские подразделения соответствуют делениям на улусы и связаны именно с этой, улусной, прослойкой аристократии. Начальники улусов не вмешиваются в финансовое и экономическое управление [57].

Ярлыки золотоордынских ханов знают следующие категории улусных феодалов, видимо, держателей кочевых ленов: «улусные и ратные князья» (ярлык Тюляка 1379 г. и Бирдибека 1357 г.), «полчные князья» (ярлык Менгу-Тимура 1267 г.), «улусные князья» [58] (ярлык Тайдулы 1351 г.), князья (ярлык Тайдулы 1354 г.), беки (ярлыки Тимур-Кутлуга 800 г. х. (1397/1398 г.), ярлык Токтамыша 794 г. х. (1391/1392 г.). Кроме того упоминаются десятники, сотники, тысячники, темники [59]. Все это военно-удельные эмиры — беки.

И. Н. Березин выделяет следующие категории беков: 1) владетельные (улусные, удельные); 2) титулованные, ордынские; 3) военные — темники и т. д. и 4) городские [60]. Однако городские и ордынские чиновники — это, очевидно, единая прослойка монгольской аристократии, связанная с государственным управлением. Военные и удельные беки — это также единая прослойка держателей кочевых владений. Разделение их на две группы у И. Н. Березина можно объяснить тем, что в некоторых ярлыках в русских переводах есть князья—десятники, сотники и тысячники и т. п., а в других в тех же местах — улусные и ратные князья или просто улусные князья. Но именно соответствие контекста и тождество того места в ярлыках, которое занимают и военные князья,

---

[54] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 348. Вопрос о вхождении визиря в совет эмиров несколько спорен. При Джанибеке в 1358 г. среди 4-х советников-эмиров были: Маглу-бей, Янгиль-бей, Кутлуг-Бука, Тайдзи, но в этом составе не было Махмуда Хисам ад-Дина, ставшего при Джанибеке визирем. Это противоречит сведениям ал-Мухибби о Махмуде Диванном. Но даже если он в это время и не был визирем, то он им стал вскоре после убийства Джанибека. Однако он и на этот раз не упомянут в списке совета эмиров, который к этому времени состоял уже из 6 человек. Судя по аламе посланий бекляри-беру и визирю, последний занимал более низкое положение, чем первый (см. С. Закиров. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966, стр. 124).

[55] Тизенгаузен, т. I, стр. 229.

[56] Видимо, именно об этой службе хану говорится в стихотворном диалоге матери и сына в берестяной грамоте, найденной близ Терновки в 1930 г. (см. Н. Н. Попов. Золотоордынская рукопись на бересте. СВ, 1941, т. II, стр. 126—127). Об обязательной службе старших сыновей монгольской аристократии императору сообщает компилятивный европейский источник середины XIV в. (Mandevielle's Travels, tr. from the french of Jean d'Outremeuse. London, 1919, v. I, p. 171).

[57] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 249.

[58] «Улусные князья» соответствуют, очевидно, «улус-бекам» (Тизенгаузен, т. I, стр. 348). Улус-беки были у казахов в XV—XVI вв. (МИКХ, стр. 212).

[59] В ярлыке Тимур-Кутлуга следует читать и так: «...тысяцким, сотским, десятским бекам...» (А. Н. Самойлович. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. ИАН, 1918, стр. 1122—1123).

[60] См. И. Н. Березин. Очерк...

и улусные князья в списках лиц, к которым обращены ярлыки, показывает, что это равнозначные категории аристократии.

Видимо разграничение военно-удельных и административно-чиновных слоев феодальных верхов золотоордынского общества имеет в виду ал-Калкашанди: «правители эмиров», т. е. военно-кочевая аристократия и «правители городов», т. е. администрация хана. В соответствии с этим и верховные органы власти строятся двояким образом: по линии военных дел (что связано с большей степени с эмирами-военачальниками и улусными держаниями) и как чиновнический аппарат визиря. Это привело к разделению владельческих аристократических родов и служилых дворян в татарских юртах XV—XVI вв. (например, в Крымском ханстве [61]).

Таким образом, одним из существенных сдвигов в социальном строе и государственном устройстве Золотой Орды XIV в. было сближение и в какой-то части слияние кочевой феодальной аристократии с той прослойкой, которая стояла во главе управления государством и составила администрацию хана. В связи с этим резко возрастает число духовных, судейских и административных должностей в Золотой Орде в XIV в.

Разграничение военно-удельных, военно-улусных беков и эмиров, с одной стороны, и администрации и чиновничества — с другой, отразилось и в ярлыках. В вводной части всех ярлыков, а в ярлыках крымских и казанских ханов XV—XVII вв. [62] это прослеживается как традиция, улусные, ратные и полочные князья, беки, десятники, сотники, тысячники и темники стоят на первом месте. Финансовое чиновничество, духовенство и секретари — на втором, дворцовые, транспортные и прочие должности перечислены на третьем месте [63].

Первое место во второй группе лиц занимает всегда даруга. Он назван в ярлыках во втором разделе вводной части, сразу после первого раздела, содержащего перечисление военно-улусной аристократии. В ярлыке Тэктамыша 794 г. х.: «крымского тумена даруга» (И. Н. Березин переводит слово «даруга» как «начальник»). В крымских ярлыках XV—XVI вв. встречаются: «внутренних городов даруга» [64], «внутренних селений, городов даруги», «даруги правого и левого крыла в верхней крепости Кырк-Иера» [65], просто «городские даруги» [66], «внут-

---

[61] См. В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 38—39.

[62] Ср., например, Ф. Ф. Лашков. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1894, № 22, стр. 86 и сл., в актах 956, 958, 984, 986, 996, 1005, 1115 гг. х. В тарханном ярлыке Хаджи-Гирея 857 г. х. в обращении названы две категории беков. Одна из них беки и огланы туменов, тысяч, сотен и десятков (феодальные держатели и армейские беки), другая — судебные чины и беки (см. A. N. Kurat. Op. cit., p. 64); то же в ярлыке Саадет-Гирея 930 г. х. (И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 16). Интересно отметить, что этот порядок в целом сохраняется в ярлыках Крыма и Казанского ханства, а в ярлыках Казахского ханства XV—XVII вв. не наблюдается: там духовенство стоит на первом месте, затем эмиры (см. МИКХ, стр. 317—319). Очевидно, последние восходят к иной традиции в татарско-монгольской дипломатике, будучи связанными с левым крылом (Сыгнаком) бывшего Улуса Джучи (ср. самаркандский ярлык Абейдулла-хана 945 г. х.) (МИКХ, стр. 489—490).

[63] См. А. Н. Самойлович. Ук. соч.

[64] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 15, 21; Ф. Ф. Лашков. Сборник документов.., стр. 94.

[65] З. А. Фиркович. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890, стр. 57, 62; В. Д. Смирнов. Тарханско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. ИТУАК, 1918, № 54.

[66] Ф. Ф. Лашков. Сборник документов, стр. 86—94.

ренних селений даруга»[67]. В переводах русских ярлыков митрополитам этот термин тоже упомянут: «волостным самим (сельным.— *Г. Ф.-Д.*) дорогам» (1357 г., 1379 г.) и «волостным и городным и селным дорогам» (1351 г.), «волостелем и городным дорогам» (1354 г.)[68]. Имеется он и в грамоте Ивана III 1483 г.[69].

Очевидно, даруги делились на городские и сельские. Функции даруги в XIII в. известны. Они приближались к функциям наместника с главным занятием — сбором дани. Место даруги в ярлыках (всегда после беков, но перед духовенством) выделяет его из среды регулярного фискального чиновничества, которое названо в ярлыках всегда после духовенства. Это тем более важно, что в поздних крымских ярлыках, например 864 и 872 г.г. х.[70] даруги иногда сопряжены с титулом бия, что не характерно для обозначения в ярлыках таможенников, секретарей и т. п. чиновничества, но типично для обозначения военно-улусной знати. В этом отношении интересен русский перевод ярлыка Тайдулы Алексею 1354 г. Там значится: «...и волостелем, и городным дорогам, и князем и мимохожим послом»[71]. Слово «князь» обозначало в этих переводах «эмира» или «бека» и должно было стоять в первой части вводного обращения ярлыка. Но в этом ярлыке это слово оказалось во второй части, после «даруги», перед началом третьего раздела («мимохожие послы»). Очевидно, в оригинале термин «даруга» был сопряжен с титулом «бек», а последний титул был переведен как отдельное слово «князь».

Даруга, как и баскак в XIII в.— представитель центральной администрации Великого Каана. В XIV—XV вв., когда баскаки исчезли, даруга — это представитель золотоордынского хана. После распада Золотой Орды даруга стал представителем местных династий. В Крымском ханстве даруги были именно сборщиками налогов в пользу Гиреев[72]. В позднее время в Иране и Средней Азии даруги стали означать полицейский чин, городских старшин, областных начальников[73].

Мусульманские духовные лица — кадий, муфтий, шейх, суфий — названы в ярлыках тоже во втором разделе[74]. Они повторяются и в поздних крымских и казанских ярлыках[75]. В русских переводах ярлыков митрополитам мусульманские духовные чины не упоминаются вообще, что, очевидно, связано с содержанием самих ярлыков, выданных православному духовенству.

---

[67] И. Н. Березин. Тарханные ярлыки крымских ханов. ЗООИД, 1872, т. VIII, стр. 4.

[68] ПРП, т. III, стр. 466—470.

[69] СГГД, т. I, стр. 279 и сл.; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, т. I. СПб., 1863, стр. 29.

[70] См. И. Н. Березин. Тарханные ярлыки, стр. 323; В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8.

[71] ПРП, т. III, стр. 470.

[72] См. в грамоте Менгли-Гирея Василию III 920 г. х.: «...всякой год дараги наши князи наши взимки взяв, к нам привозят с них». Здесь подчеркнута фискальная роль даругов (Сб. РИО, 1895, т. XCV, стр. 154; см. также В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 46).

[73] См. Б. Дорн. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. ТВОРАО, 1864, т. VIII, стр. 261; В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., т. I, стр. 30.

[74] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 15, 21; его же. Очерк.., стр. 448.

[75] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 21; его же. Тарханные ярлыки крымских ханов, стр. 4; В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8; С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. Сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 189; Ф. Ф. Лашков. Сборник документов.., стр 86—94; З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 57.

Во втором же разделе вводной части ярлыков имеется номенклатура чиновничества, связанного с делопроизводством и финансовым ведомством. Эти чиновники называются всегда после духовенства. В русском переводе ярлыка Менгу-Тимура 1267 г. первым среди них назван «данщик»[76]. Как этот термин писался в подлинниках, мы не знаем. Термин не встречается ни в татарских актах XIV в., ни в более поздних крымских или казанских ярлыках, хотя в русских актах XV в. он известен[77]. А. А. Зимин считает, что исчезновение его у татар связано с тем, что система баскаческого сбора дани на Руси к XIV в. исчезла, а с ней исчез и этот чиновничий пост[78]. Тот факт, что в этом же ярлыке упомянут баскак, говорит против отождествления баскака и данщика; очевидно, последний был каким-то финансовым чиновником при баскаке. Сопоставить «данщика» ярлыка 1267 г. с «таможенниками» более поздних ярлыков не позволяет место, которое «данщик» занимает в документе: перед «писцом», а «таможенник» во всех актах назван после «писца» всегда в самом начале третьего раздела вводной части. А. А. Зимин, не имея твердых оснований, отождествил «данщика» и «поплужника» в ярлыке 1267 г. Но против этого тоже свидетельствуют разные места, занимаемые этими терминами в акте. Х. Шурманн и Ц. Хинц сопоставляют данщика со сборщиком калана (qulancî)[79].

Далее в ярлыках следует دیوان یتیکجی لر — «секретари палат» (перевод И. Н. Березина), упоминаемые в ярлыках Тохтамыша 794 г. х., Тимур-Кутлуга 800 г. х.[80] и в более поздних ярлыках[81]. В. В. Радлов и А. Н. Самойлович переводят этот термин как «писцы палат». С. Е. Малов переводит этот термин как «писцы присутственных мест»[82]. В ярлыках митрополитам этому термину по месту соответствует слово «писцы» (в ярлыках 1267, 1357, 1379 гг.)[83]. В ярлыках, но не в вводной части, а в конце встречаются другие термины, служащие для обозначения писцов и секретарей: «мюрь бакшии» — эмир писцов в ярлыке 1357 г.[84]. Должность «битикчи» хорошо известна в ордах — ставках монгольских аристократов XIII в. в Монголии[85], в Иране XIV в.[86], в Крыму в XVI—XVII вв.[87]. Бахши и битикчи упомянуты в Codex Cumanicus (bacsi ūl biticči, betichzi) и оба термина переведены латинским словом scriba, scritura или персидским — nuiscenda или nuiseda, т. е. невисанде (писец)[88].

---

[76] ПРП, т. III, стр. 467.

[77] СГГД, т. I, стр. 91.

[78] ПРП, т. III, стр. 476.

[79] C. W. Hinz. Zwei Steuerbefreiungsurkunden. DII. Berlin, 1952, S. 214.

[80] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 11, 15; его же. Очерк.., стр. 454; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 23; B. Spuler. Die Goldene Horde, S. 310.

[81] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 18; С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 189; Ф. Ф. Лашков. Сборник документов.., стр. 86—94; З. А. Фирковича. Ук. соч., стр. 57, 62; ЗООИД, 1850, т. II, стр. 675.

[82] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21; А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1123; С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 189.

[83] ПРП, т. III, стр. 465 и сл.

[84] ПРП, т. III, стр. 470, 479. Термин «бахши» обозначал тюркских писцов, часто владеющих, между прочим, уйгурским языком. Известны были в Иране и Средней Азии (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 501).

[85] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 177; т. II, стр. 46, 52, 141, 149, 159, 163, 165; В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 534.

[86] См. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 368; Тизенгаузен, т. II, стр. 95.

[87] См. В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 26; З. А. Фирковича. Ук. соч., стр. 57.

[88] G. Kuun. Op. cit., pp. 55, 91.

Далее следует تمغاجى — «таможенник» (в переводе И. Н. Березина и А. Н. Самойловича) в ярлыках Токтамыша 794 г. х., Тимур-Кутлуга 800 г. х.[89], а также в более поздних[90]. В. В. Радлов переводит этот термин как «сборщики»[91], Ш. Ф. Мухамедьяров — как «сборщики тамги»[92]. Этот термин в ярлыках XIV в. стоит после «писцов». В русских переводах ярлыков митрополитам на этом месте стоит соответствующий переводной термин «таможники» (в ярлыках 1351, 1357, 1379 гг.)[93]. В ярлыке 1267 г. этот термин стоит также после «писцов», но в заключительной части ярлыка[94].

Этот термин имеется у Рашид ад-Дина при описании событий в Монголии в XIII в.[95] и на булгаро-татарских надгробиях[96], в Хулагуидском и Джалаиридском Иране (сборщик тамги)[97]. Л. З. Будагов определял функции «тамговщика» как клеймовщика, таможенника (т. е. чиновника, налагающего клеймо на рынках на продаваемые товары в знак того, что с них взята пошлина), ссылаясь на название таможенного досмотрщика в XIX в. в Оренбурге[98]. В актах армяно-половецкой общины XVI в. в Каменец-Подольске имелся термин «тамгаджи» — сборщик подати и хранитель печати, тот, кто накладывает тамгу — клеймо[99].

Далее — ترتناقجيلر — «весовщики» (в переводе И. Н. Березина, Л. З. Будагова), «таможенники» (по переводу В. В. Радлова)[100] — в ярлыках Токтамыша 794 г. х. и Тимур-Кутлуга 800 г. х.[101]. Термин есть и в более поздних ярлыках крымских ханов[102]. А. Н. Самойлович и А. Зайончковский переводили этот термин как «сборщик подати»[103]. В русских переводах после «таможенника» всегда идет «побережник»

---

[89] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 15; И. Н. Березин. Очерк.., стр. 455; А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1123.

[90] См. И. Н. Березин. Тарханные ярлыки, стр. 4—5; В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8; С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 189; Ш. Ф. Мухамедьяров. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. Сб. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 107—108.

[91] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 23; Радлов, т. III, ч. 1, стр. 1006.

[92] Ш. Ф. Мухамедьяров. Ук. соч., стр. 108.

[93] ПРП, т. III, стр. 465 и сл.

[94] Там же, стр. 468.

[95] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 96. В. В. Бартольд без объяснений своего мнения «тамгачей» назвал хранителями печати (В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 344).

[96] См. Г. В. Юсупов. Ук. соч., стр. 102. Г. В. Юсупов переводит как «сборщик податей».

[97] B. Spuler. Die Mongolen in Iran, S. 334; см. также Нахичивани, т. I, стр. 297, 298, 300, 367, 532, 535.

[98] См. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 730.

[99] «Документы на половецком языке...», стр. 123, 152, 205, 207, 213, 231, 245, 262, 318, 320, 326, 406.

[100] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 15; Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 348; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 24.

[101] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 15.

[102] См. С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 189; В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8; И. Н. Березин. Тарханные ярлыки, стр. 4—5; И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 21; Ф. Ф. Лашков. Сборник документов.., стр. 90.

[103] А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1123; А. Зайончковский. Арабско-кыпчакский словарь эпохи государства мамлюков. «Сообщения польских ориенталистов». М., 1961, стр. 42. Слово «тыртанак» в одном из арабско-кыпчакских словарей означает «подать», «десятина».

(сборщик подати с приставших к берегу судов)[104]. В оригиналах ярлыков «тамгачи» и «тартанакчи» следуют вместе (в золотоордынских ярлыках 794, 800 гг. х., в крымских ярлыках 857, 864, 872 гг. х.). Это соединение терминов заставляет думать, что «побережник» — это старый русский перевод слова «тартанакчи». С. Е. Малов переводит эту пару терминов: «сборщик подати и таможенник»[105].

Далее следуют чиновники и службы, составляющие третий раздел вводной части ярлыков: يورتاوايشور ايلچي يولاوچيلر — в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 т. х., по конъектуре А. Н. Самойловича. А. Н. Самойлович переводил «мимохожим и мимоезжим послам и посланцам»[106]. В. В. Радлов — «разъезжим и дорожникам»[107]. И. Н. Березин — «архитекторам, дорожникам». يولاوچي И. Н. Березин переводит как «посланный», «гонец», «пошлинник», сопоставляя этот термин с «послами» в ярлыках митрополитам[108]. В поздних ярлыках эти слова встречаются, но в других вариантах[109] И. Н. Березин, а вслед за ним и Б. Шпулер[110] читали يورتلار вместо يورتار, образуя это слово от «юрты» и переводя как «архитектор». Действительно, «юртчи» был в Иране (обозначал заведующего станом, ордой, юртой) и в Средней Азии XIV в.[111].

В русских переводах ярлыков митрополитам этим должностям, несомненно, соответствуют «мимохожие» или «мимояздящие» послы (ярлыки 1379, 1267, 1351, 1357, 1354 гг.)[112]. Во всех ярлыках XIII—XIV вв. эти «мимохожие» или «мимояздящие» послы стоят на первом месте третьего раздела вводной части ярлыка, т. е. сразу после финансового чиновничества, если оно упомянуто. В более поздних ярлыках этот порядок не соблюдается.

Термин «ильчи» известен в письме хана Токтамыша князю Ягайле. Он встречается в «Сокровенном сказании», Codex Cumanicus, у персидских авторов XIII—XIV вв., в позднейших крымских и казанских документах[113].

[104] ПРП, т. III, стр. 465—469; И. Н. Березин. Очерк.., стр. 456.

[105] С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 189—190.

[106] А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1120—1123.

[107] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 24.

[108] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 11; его же. Очерк.., стр. 457.

[109] См. С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 190; В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 7—8; И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 21; И. Н. Березин. Тарханные ярлыки, стр. 1—4; А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1114; З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 58, 62; ЗООИД, 1850, т. II, стр. 676.

[110] B. Spuler. Die Goldene Horde, S. 412.

[111] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 117; Тизенгаузен, т. II, стр. 107; Нахичевани, т. I, стр. 48; B. Spuler. Die Mongolen in Iran, S. 273.

[112] ПРП, т. III, стр. 465—470.

[113] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 6; Ш. Ф. Мухамедьяров. Ук. соч., стр. 108; G. Kuun. Op. cit., p. 105 (в персидской колонке стоит то же слово «elzi», а в латинской «mesatious» — «посол»), стр. 35 (персидской «frista» — «фересте», в латинской «missus», т. е. тоже «посол»); Рашид ад-Дин, т. II, стр. 141; Нахичевани, т. I, стр. 187, 194, 195; С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, стр. 197; В. Вельяминов-Зернов. Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864, стр. 4, 734 и др.

Существенную роль в деятельности этих послов играла доставка в ханскую казну дани [114].

«Кильчеи» русских летописей и актов XIV—XV вв.— это, вероятно, «ильчи» — послы: Токтамыш в 1381 г. «отпусти послы свои к великому князю Дмитрию Ивановичю на Москву, такоже и ко всем князем Русскым... Князи же вси русьстии посла его чествоваше добре и отпустиша его во Орду... за ними отпустиша во Орду кайждо своих киличеев со многыми дары ко царю Тохтамышу... Тоя же осени князь великий Дмитрий Иванович... отпусти киличеев своих Толбугу да Мокшиа во Орду... Того же лета придоша из Орды киличееве великого князя Дмитреа Ивановичя Толбуга да Мокшеи... и прочии вси киличееве кайждо приидоша ко князем своим» [115]. Здесь киличеи не только послы, но своего рода представители хана, аккредитованные при каждом князе. В этом отношении интересно, что Асцелин называл баскака Аргуна великим и чрезвычайным послом [116].

بوكاول توتقاول لر — «букаулы и заставщики» (в переводе И. Н. Березина) [117]. В. В. Григорьев переводил как «заставщики и рассыльные» [118]; И. Н. Березин и Л. З. Будагов читали в тексте Рашид ад-Дина «букаульный тамговщик» [119], но это было опровергнуто Н. И. Веселовским [120]. В. В. Радлов дал второму слову значение «рассыльный» и «казначей» [121]. Эти термины встречаются в ярлыках Токтамыша 794 г. х., Тимур-Кутлуга 800 гг. х. [122] и более поздних крымских ярлыках [123]. В ярлыках Саадет-Гирея есть выражение «войсковой букаул» (по И. Н. Березину) или «войско опричное» (по Я. О. Ярцеву). И. Н. Березин считал, что букаулы и туткаулы — должности, близкие по своим функциям, почему и упоминаются чаще всего вместе. В другом месте И. Н. Березин переводил «букаул» словом «оценщик», а туткаул — «заставщик».

В. В. Радлов и А. Н. Самойлович провели сопоставление термина «букаул» в ярлыках с термином «bogaul» в «Codex Cumanicus», где

---

[114] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 15; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 6; см. у П. Карпини: «откуда бы также ни приходили к нему данники или послы» («Путешествия...», стр. 45). Важно, что в энциклопедии Вицентия Бовезского (XIII в.) сообщается, что вместе с ханом и областным владельцем дань собирают «торжественные послы» (Д. Языков. Собрание путешествий к татарам. СПб., 1825, стр. 107—109; см. также «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 47, 55).

[115] ПСРЛ, т. XI, стр. 69; см. ДДГ, стр. 53, 108, 111, 113, 116.

[116] См. Д. Языков. Ук. соч., стр. 252—253.

[117] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 15; И. Н. Березин. Очерк.., стр. 456.

[118] В. В. Григорьев. Ярлыки Тохтамыша и Саадет-Гирея. ЗООИД, 1844, т. I, стр. 339.

[119] Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 262—263.

[120] См. Н. И. Веселовский. Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингис-хана. ЗВОРАО, 1916, т. XXIV, стр. 202.

[121] Радлов, т. III, ч. 2, стр. 1487.

[122] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—15, 20.

[123] См. З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 57, 62 (переводил «урядник»); Ф. Лашков. Исторический очерк.., стр. 127; И. Н. Березин. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея. ЗООИД, 1872, т. VIII, стр. 11—18. О толкованиях термина «букаул» см. Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. MSF, Bd. XXX, S. 40.

он соответствует tataul (туткаул) в персидской и placerius в латинской колонке (т. е. «надсмотрщик», «караульный») [124].

А. Н. Самойлович выводил возможное значение «букаула» как «бураложник» («берложник»), что соответствует в русских переводах ярлыков митрополитам слову «бураложник» (1379, 1357 гг.) [125]. Это сопоставление тем более кажется справедливым, что в русских ярлыках «бураложник» сопутствует «заставщику» (в ярлыках 1379, 1357 гг.), так же как «букаул» сопутствует «туткаулу» в оригиналах ярлыков. Значение последнего как «заставщик» не вызывает сомнений, так как в ярлыке Менгли-Гирея мы читаем توتقاول قراول, т. е. «застава (и) дозор» [126].

Однако это сопоставление «букаула» и «бураложника» не выясняет все-таки значения этого термина. А. Н. Самойлович без убедительной связи с этим сопоставлением, предлагая читать термин «букаул» в ярлыке Саадет-Гирея и в выражении: بوكاول چرى لارى, как «охранные войска», переводил термин «букаул» как «дозор», а также указывал на возможную связь «букаула» со словом بكاول (заведующий придворной кухней, придворный стольник) — термин, известный по ряду словарей. Л. З. Будагов отрицал эту связь [127]. По источникам Ирана XIV в. «букаул» занимался управлением дел эмира, распоряжался войсками, делил добычу и выдавал плату. Он же в Иране — стольник при дворе, раздаватель жалованья и публичный оценщик (по мнению И. Н. Березина) [128].

В Монголии XIII в. в орде каана букаул занимался дележом добычи после охоты между царевичами, эмирами и воинами. Кроме того, букаул был «отведывателем царской пищи». Были и туткаулы [129].

---

[124] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 24; А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1115; G. Kuun. Op. cit., p. 105. Комментируя Codex Cumanicus, O. Блау назвал букаула судебным чиновником (O. Blau. Über Volksthum und Sprache der Komanen. ZDMG, 1876, Bd. XXIX, S. 584).

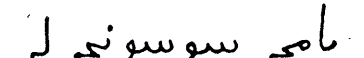
[125] ПРП, т. III, стр. 465 и сл. Есть мнение, что «бураложник»—это «волчарь» (см. И. Н. Березин. Очерк.., стр. 458; B. Spuler. Die Goldene Horde, S. 304).

[126] У Нахичевани «туткаул» упомянут вместе с «рахдар» — взимателями подорожного сбора (Нахичевани, т. I, стр. 50). У Рашид ад-Дина прямо указано, что туткаул взимает подорожную подать (Рашид ад-Дин, т. III, стр. 278). С этим согласуется одно из значений слова туткаул — «остановка», «место перехода» (Радлов, т. III, ч. 2, стр. 1487, 1488).

[127] См. Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 262.

[128] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 30; Нахичевани, т. I, стр. 48 (بوكاولى لشكر, т. е. войсковой букаул, как в ярлыке Саадет-Гирея). См. также B. Spuler. Die Goldene Horde, S. 304; B. Spuler. Die Mongolen in Iran, S. 273. В Средней Азии должность букаула сохранялась еще в XVIII в. (см. А. Б. Вильданова. Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях. Письменные памятники Востока. М., 1970, стр. 44).

[129] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 128; т. I, ч. 2, стр. 124; т. II, стр. 42.

 встречаются в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. И. Н. Березин переводит «почтмейстеры и кормовщики» [130], В. В. Радлов — «почтовые и станционные» [131], А. Н. Самойлович — «ямщики и кормовщики» [132]. Первый термин есть в ярлыке Сахиб-Гирея 929 г. х. (перевод Ш. Ф. Мухамедьярова — «ямской гонец») [133]. Этот термин известен в монгольских ордах XIII в. Второй термин встречается в «Сокровенном сказании» и у Рашид ад-Дина при описании событий в Иране XIII в. [134].

— «сокольники (и) барсники» (по всем переводам) — в ярлыках Тимур-Кутлуга 800 г. х. и более поздних крымских ярлыках [135]. Эти должности в русских переводах ярлыков митрополитам названы «сокольники и пардусники» (ярлыки 1379, 1267, 1357 гг.) [136]. «Сокольничий» — известен в монгольских ордах XIII в. [137]. Золотоордынские сокольники упомянуты в русских летописях [138]. В XVII в. «куш-беги» известен при дворе узбекских ханов (верховный ловчий), а в XVIII в. при дворе мангытских правителей (первый министр) [139].

— «перевозчики» (по переводу Я. О. Ярцева), «ладейщики» (в переводе И. Н. Березина и В. В. Радлова) [140] или «лодочники» (в переводе А. Н. Самойловича) [141], «корабельщики» (в переводе В. Д. Смирнова) [142] и «мостовщики» (во всех переводах). Эти термины имеются в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. и более позд-

---

[130] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10; И. Н. Березин. Очерк.., стр. 455, 456; B. Spuler. Die Goldene Horde, S. 412.

[131] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 24.

[132] А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1116.

[133] См. Ш. Ф. Мухамедьяров. Ук. соч., стр. 107—108.

[134] См. С. А. Козин. Ук. соч., стр. 197; Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 96. А. А. Семенов и Л. З. Будагов переводят этот термин как «чиновник, ведавший отпуском рационов» (см. Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 675; см. также P. Pelliot. Notes sur le «Turkestan» de W. W. Bartold. T'uong Pao, 1930, v. XXVII, pp. 37—38; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 113).

[135] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 21; С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 190; З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 58, 62; ЗООИД, 1850, т. II, стр. 676; Ф. Ф. Лашков. Сборник документов.., стр. 88, 90.

[136] ПРП, т. III, стр. 465—469.

[137] См. Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, стр. 117.

[138] ПСРЛ, т. VII, стр. 177.

[139] См. В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 396; А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. СВ, 1948, т. V, стр. 137, 139, 148; А. Б. Вильданова. Ук. соч., стр. 44 (А. Б. Вильданова от толкования термина воздерживается).

[140] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—11; И. Н. Березин. Очерк.., стр. 456; B. Spuler. Die Goldene Horde, S. 412; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 25.

[141] См. А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1123.

[142] См. В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8.

них крымских ярлыках[143]. Термин «ладейщик» встречается в русских переводах ярлыков митрополитам 1379, 1357 гг.[144].

— «находящиеся на базаре» (в переводе И. Н. Березина)[145], «стоящие на базаре, род блюстителей порядка на рынках» (по переводу Л. З. Будагова)[146], «базарные надзиратели» (в переводе В. В. Радлова и Б. Шпулера)[147] или «базарный люд» (в переводе А. Н. Самойловича)[148]. Термин этот встречается в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. А. Н. Самойлович сопоставляет это выражение со словами «каким бы то ни было мастерам» в ярлыке Токтамыша 794 г. х. и со словами «старейшинам мастеровых» в крымском ярлыке Мухаммед-Гирея на том основании, что на Востоке «ремесленники группируются по специальности на базарах»[149].

В русском переводе ярлыка Менгу-Тимура 1267 г. упоминаются «поплужники»[150] — чиновники, собиравшие, очевидно, дань с плуга, рала.

Состав администрации в первой половине XIV в.

Анализируя имена и почетные прозвища вельмож и чиновных правителей при Токте, Узбеке и Джанибеке, мы убеждаемся, что среди них много тюркско-монгольских имен. Это наблюдение не может не свидетельствовать о том, что в XIV в. на место арабского и персидского чиновничества и служилого люда, откупщиков и купцов приходят монгольские вельможи — люди, вышедшие из рядов монгольской кочевой аристократии, сблизившиеся с городом, с городским и сельским управлением, с ханской администрацией.

Судейские должности и в XIV в. остались в руках мусульманской прослойки населения или мусульманизированных монголов; у большинства представителей этой категории администрации были арабские имена и мусульманские почетные прозвища.

Даукат — кадий Бату[151],

Бадр ад-Дин ибн-Ибрахим ибн-Джамаи — главный кадий Узбека[152],

Шихаб ад-Дин ас-Сеили — кадий в орде Узбека[153],

Бадр ад-Дин ал-Арадж — кадий в Сарае[154],

Хамза-кадий в орде Узбека[155],

Шемс ад-Дин ас-Саили — старший кадий в Крыму при Узбеке[156],

Хызр — шафиитский кадий в Крыму при Узбеке[157].

Для XIII в. не зарегистрированы имена визирей. В первой половине XIV в. мы знаем такие имена наместников визирей:

---

[143] ЗООИД, 1850, т. II, стр. 676 и сл.; И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—11, 20; И. Н. Березин. Тарханные ярлыки, стр. 5; С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 190; В. Д. Смирнов. Ук. соч.; Ф. Лашков. Сборник документов.., стр. 88, 90, 93; З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 58, 62.

[144] ПРП, т. III, стр. 465, 469.

[145] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—11; И. Н. Березин. Очерки.., стр. 457.

[146] См. Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 225.

[147] См. В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 25.

[148] См. А. Н. Самойлович. Ук. соч., стр. 1116, 1123.

[149] Там же, стр. 1116.

[150] ПРП, т. III, стр. 468.

[151] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 189.

[152] Там же, стр. 170, 277, 439, 440.

[153] Там же, стр. 298.

[154] Там же, стр. 306.

[155] Там же, стр. 291, 296.

[156] Там же, стр. 281, 282, 298.

[157] Там же, стр. 281.

Кутлуг-Тимур при Токте и Узбеке до 721 г. х.[158],
Иса-Куркуз с 721 г. х. (1321 г.)[159],
Сарай-Тимур[160],
Хисам ад-Дин Махмуд «Диванный» — визирь при Джанибеке[161].

Из четырех имен визирей три имени типичны для монгольской аристократии (Иса-Куркуз и Сарай-Тимур — тюркско-монгольские имена, Кутлуг-Тимур, как сообщают источники, был выходцем из знатной монгольской фамилии и родственником Джучидов).

В XIV в. зарегистрированы следующие имена правителей городов: Наместники Крыма: Туглук-Тимур при Узбеке[162]; Кутлуг или Меликтимур, сын Туглук-Тимура[163] при Джанибеке; Ходжа-Али-бек, внук Туглук-Тимура, сын Исы[164] (как говорилось выше, возможно, это одна семья). Известен, кроме того, в 750 г. х. (1349/1350 г.) Зейн ад-Дин Рамазан, которого сменил Ходжа-Али-бек[165]. Наместники Ургенча: Кутлуг-Тимур — с 721 г. х. (1321 г.); до этого он — наместник Узбека и Токты, сын тетки Узбека[166]. При Токте: Байдемир — правитель Хорезма, брат мачехи Узбека Баялуни[167]. Правители (эмиры) Азака и Таны: Мухаммед-Ходжа ал-Хорезми — при Узбеке[168], Сахи-бей (Sachibey) — при Джанибеке (упомянут в договоре с венецианцами 1347 г.)[169], Хазамер (Chazamer) — наместник хана в Тане, убитый в 1343 г.[170].

Среди правителей городов известны арабские мусульманские имена (Ходжа-Али-Бек, Зейн ад-Дин Рамазан, Мухаммед-Ходжа ал-Хорезми), но их мало; из этих трех Ходжа-Али-бек и Мухаммед-Ходжа — выходцы, видимо, из монгольских семей, судя по именам их родственников.

Главы эмиров всегда были из монгольской аристократии, что нашло характерное выражение в обязательном эпистолярном обращении к ним, в котором среди пышных титулов употребляется титул «нойон»[171].

Известны в первой половине XIV в. следующие имена начальников эмиров (бекляри-беков):

Иса-бек — тесть Узбека, при Узбеке[172],

---

[158] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 328, 522.
[159] Там же.
[160] Там же, стр. 103.
[161] Там же, стр. 348, 412.
[162] Там же, стр. 280, 281.
[163] Там же, стр. 269. С титулом «мириарха», т. е. тысячника, некий Толактимур (вероятно, именно этот Туглук-Тимур) упоминается под 1322, 1327, 1338 гг. в записях, относящихся к Судаку (см. Антоний. Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку). ЗООИД, 1863, т. V, стр. 597, 611, 621).
[164] Там же, стр. 349, 350, 412—413. По сообщениям ибн-Баттуты, Иса был братом Туглук-Тимура, а сыновьями последнего были Кутлуг-Тимур и Сару-бек (там же, стр. 282).
[165] Там же, стр. 350, 413.
[166] Там же, стр. 309, 311, 323, 325, 326, 328, 388, 522.
[167] Там же, стр. 516.
[168] Там же, стр. 284. Упомянут как «начальник Таны» в указе Узбека 1331 г. (Machmattoja). См. М. М. Ковалевский. К ранней истории Азова. Тр. XII. АС, т. II. М., 1905, стр. 121; см. также Ф. Брун. О дипломатических отношениях египетского султана Бейбарса с золотоордынским ханом Берке. ЗООИД, 1867, т. VI, стр. 622.
[169] J. Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldenen Honde im Kiptschak. Pest., 1840, S. 518.
[170] M. Canale. Op. cit., v. II, p. 450.
[171] Тизенгаузен, т. I, стр. 249.
[172] Там же, стр. 295, 296.

Котлуг-Бука Инак — при Джанибеке [173].
Могул-Бука (Маглу-бей) — при Джанибеке [174].

Тюркско-монгольские имена носят старшие эмиры XIII в., например: Ит-Кара из племени алчи-татар [175], Бек-Тимур из того же племени [176], Елдэкэ из племени джурьят [177], Хушидай-Байку из племени хушин [178], Мункеду (Мунгкур) из племени сайджиют и его сын Черкес [179], Кадак [180] — все из представителей потомственной монгольской аристократии.

В первой половине XIV в. известны такие имена эмиров и улусных эмиров (улус-беков): шейх Хасан Великий, Могул-Бука, Сундж-Бука и др. [181]. За исключением первого, это тоже тюркско-монгольские имена.

Из рядов кочевой аристократии еще с XIII в. вербовались кандидаты на замещение многочисленных должностей и служб, известных с XIII в. в Монголии: битикчи, сокольничии, букаулы, тамговщики и т. п. Наряду с целым рядом других должностей, не упомянутых в золотоордынских актах XIII—XIV вв., эти службы в Монголии в XIII в. были, видимо, связаны с пребыванием или службой в орде каана или царевичей. Эти должности зародились в кочевой ставке, а затем, очевидно, стали общегосударственными институтами Золотой Орды. Поэтому монгольские и тюркские имена лиц, занимавших секретарские и дворцовые должности — явление возможное и закономерное в Золотой Орде как в XIII, так и в XIV в. Иначе обстоит дело с городским чиновничеством и институтом визирей. Их не было в Монголии в XIII в., их не было и в степях Золотой Орды. Монгольско-тюркские имена среди городской администрации XIV в. свидетельствуют о переходе кочевой аристократии к городскому образу жизни.

Наряду с этим происходит мусульманизация феодальной верхушки монгольского кочевого общества в Золотой Орде. Ислам принимает не только та часть монгольской аристократии, которая состоит на службе у хана и занимает посты в административном аппарате, но и собственно кочевая феодальная знать. Известен список, датируемый 661 г. х. (1262/1263 г.), где перечисляются имена монгольских нойонов, принявших мусульманство:

«Сыновья Будакура со своими чадами и домочадцами, Пулад-Кукаджасу, Яншунука и находящиеся на землях их Кудагу, Караджар, Танушбуга, Ширамун, Буз-Баку, Менгкадар со своими братьями и слугами, Беккадак-Байнал, Тукуз-Огул, Кутлук-Тимур, Аджи со своими детьми, Бурбай и 10 000-ный отряд, который двинулся для набега на Хоросан, да все те, которые отправились вместе с Байджу, как, напри-

---

[173] Тизенгаузен, т. I, стр. 348, 412, упомянут в ярлыке 1357 г. (ПРП, т. III, стр. 470) и в договоре с венецианцами 1347 г. (J. Hammer-Purgstall. Op. cit., SS. 517—519).

[174] Упомянут в качестве одного из главных эмиров еще в 738 г. х. (Тизенгаузен, т. I, стр. 269) и в договоре с венецианцами в 1347 г. (J. Hammer-Purgstall. Op. cit., SS. 517—519). Вероятно, он же упомянут в ярлыке 1357 г. (Мувалбога). (ПРП, т. III, стр. 470).

[175] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 29.

[176] Там же, стр. 30.

[177] Там же.

[178] Там же.

[179] Там же, стр. 30.

[180] Там же, стр. 100.

[181] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 269, 347, 348.

мер, Байнал-нойон и Айкаку»[182]. В списке указываются персоны, явно принадлежавшие к улусной монгольской феодальной знати, владельцы тысяч и их орды (слуги и домочадцы).

В XIV в. этот процесс перехода феодальной знати к мусульманству несомненно усиливается[183]. Но кочевая степь в XIV в. в целом оставалась еще очень поверхностно затронутой мусульманством. Археологические памятники кочевников XIV в. свидетельствуют о сохранении старых обрядов погребения вопреки мусульманским обычаям и правилам. Однако уже в XIV в. на Нижней Волге появляется группа погребений, имеющая характерные черты погребальных обрядов мусульманизированного населения. Это группа курганов с кирпичными сырцовыми выкладками и оградками, с могилами без вещей[184]. Поволжье, непосредственная область хозяйничания и управления хана, оказывается той областью кочевой степи, где мусульманство, видимо, наиболее глубоко проникает в среду кочевников.

Как проявление исламизации можно отметить практику давать мусульманские имена детям монгольской аристократии XIV в. Например: Мухаммед-Ходжа сын Урук-Тимура, Абу-Бекр сын Кутлуг-Ходжи, Ходжа-Али-бек внук Туглук-Тимура, Мухаммед-Ходжа брат Бичакджи, Мухаммед-Ходжа брат Кутлуг-Тимура, правителя Хорезма[185]. Наряду с этим показательны случаи родства знатных монгольских фамилий с мусульманскими городскими верхами в Золотой Орде. Тюра-бек-ханум, жена Кутлуг-Тимура, правителя Хорезма, была сестрой кадия Хорезма Абу-Хафсы[186].

Отражение социальных сдвигов в Золотой Орде в событиях ее политической истории

В XIV в. меняется характер внутриполитической борьбы в Золотой Орде. Если в XIII в. внешняя феодальная борьба, столкновение группировок феодальной знати сводились к борьбе нескольких лагерей кочевой монгольской аристократии по вопросу о правах того или иного царевича на ханский престол, то теперь вопросы власти, престолонаследия решаются в значительной степени тем слоем феодальной аристократии монгольского общества, который стоит во главе государственного аппарата и связан с городами и государственным управлением.

Так, например, восшествие на престол Узбека было подготовлено теми кругами монгольской аристократии, которые были тесно связаны с Хорезмом и проводили политику исламизации и покровительства торговле городов. Эта политика была в какой-то степени вменена в обязанность новому хану, и он, как известно, ее добросовестно проводил. После смерти Токты в 1313 г. Ильбасмыш, сын его, был убит Узбеком, племянником Токты. Сторонниками Узбека, подготовившими убийство сына Токты и захват власти Узбеком, были его мать Баялунь, связанная через своего брата Байдемира с верхушкой Хорезма, и Кутлуг-Тимур, наместник хана еще при Токте, ставший затем правителем Хорезма и связавший себя с его патрициатом узами брака. Сторонником сына Токты был некий Тунгуз и известный нам сподвижник и зять Ногая Таз сын Мунджука[187].

---

[182] Тизенгаузен, т. I, стр. 99. Этот список был передан в Египет для доказательства приверженности Джучидов исламу и мог быть, конечно, тенденциозно преувеличен.

[183] Ал-Омари сообщает, что золотоордынские ханы не соблюдают ясу (Тизенгаузен, т. I, стр. 234).

[184] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники.., стр. 161.

[185] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 268, 515–516.

[186] Там же, стр. 312.

[187] Там же, стр. 323; т. II, стр. 100

Возможно, судя по участию в оппозиции Узбеку Таза и Тунгуза — сторонников Ногая эта оппозиция выступала не только против личности Узбека, но и против новых тенденций в развитии Золотой Орды, которым приход к власти Узбека давал сильный толчок. Группа Таза и Тунгуза выступила, очевидно, против сближения кочевой аристократии с оседлой частью населения, против мусульманизации и централизации государства. Как раньше Токта выступал против Ногая и его группы, будучи носителем идей централизованного государства, и был поддержан, видимо, мусульманской верхушкой в Золотой Орде, так же и Узбек выступил против Тунгуза и Таза как сторонник развития городов, единого управления, мусульманизации. Ибн-Халдун усматривал именно этот смысл в борьбе группировок в 1313 г. и сообщал, что Узбек убил эмиров, недовольных исламизацией Золотой Орды, ратовавших за сохранение ясы вместо шариата [188].

В XIV в. наблюдается переход от правовых норм ясы к мусульманскому праву [189].

Укрепление ханской власти свело на нет значение курултая. В источниках, относящихся к истории Золотой Орды XIV в., он почти не упоминается [190]. Для XIV в. курултай был уже архаизмом [191]. Дела государства решает не съезд родичей, а хан с его административным аппаратом. Отпадает важнейшая функция курултая — выборы и утверждение хана, решение вопроса о старшинстве в доме Джучи. Джанибек, преемник Узбека, был его сыном. Прямое наследование сыном отцу не вызвало какого-либо заметного сопротивления. Джанибеку наследовал его сын Бирдибек. Укрепляется единая династическая линия Узбека и принцип престолонаследия, при котором власть переходит от отца к сыну, соблюдается на протяжении более 50 лет.

Переход от старинной системы исчисления старшинства и прав на ханский престол к укреплению единой династической линии одной ветви царевичей [192] в ущерб курултаю и всему роду Бату привел к тому,

---

[188] Тизенгаузен, т. I, стр. 100, 141, 385; см. также B. Spuler. Die Goldene Horde... S. 363.

[189] Известно, что Чингис-хан повелел выполнять ясу и следить за выполнением этого оставил Джагатая (см. И. Н. Березин. Очерк.., стр. 413). Но, судя по обилию в XIV в. в Золотой Орде судебных мусульманских должностей, суд велся по шариату. Но Codex Cumanicus слово «chadi» (кадий) переводит якобы команским словом «seriat» (шариат) с латинским соответствием — «consul». Эта путаница понятий говорит о еще слабой распространенности шариата на рубеже XIII—XIV вв. (G. Kuun. Op. cit., p. 105). Яса продолжала действовать очень долго в среде кочевого населения.

[190] Курултай упоминается в источниках, но только в связи с ханами улуса Орды. Говорится, что они выполняют все обязательства, которые несут по отношению к хану Улуса Джучи и участвуют в его курултае (Тизенгаузен, т. II, стр. 129). У Рашид ад-Дина встречаются упоминания курултаев Токты: на один из них прибыл Баян во время своих разногласий с Кублюком (Тизенгаузен, т. II, стр. 44).

[191] При Тимуре курултай имеет значение, по мнению В. В. Бартольда, только парада (В. В. Бартольд. Соч., т. III, ч. 2, стр. 50). Парадом курултай был уже и при Термаширине (его ибн-Баттута называет «той»). Это были ежегодные собрания знати: Чингизидов, военных эмиров и т. п. Но хотя серьезных вопросов, тем более вопросов престолонаследия, курултай не решал, отказ участвовать в нем был поставлен Термаширину в вину оппозиционной знатью. Характерно, что ряд централизаторских мероприятий Кебека и мусульманизация Джагатаидского улуса связаны были именно с нежеланием ханов созывать курултай, а оппозиционная кочевая знать стремилась сохранить курултай. Сохранение курултая в XIV в. в Средней Азии связано также с сохранением архаического порядка престолонаследия от брата к брату (Эсен-Бука, Кебек и Термаширин были братьями) (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 161—163).

[192] В халифате по мере укрепления центрального аппарата и отхода от принципов управления первого века хиджры устанавливается принцип наследования престола от отца к сыну (см. В. В. Бартольд. Соч., т. VI, стр. 279).

что вспышки феодальной борьбы, которые зарегистрированы источниками на рубеже XIII и XIV вв., носили характер соперничества, с одной стороны, сыновей покойного хана, с другой стороны, сыновей возможного претендента на престол, т. е. сына брата или кузена, представителя старшего поколения, «аки». Раньше сам «ака» вступал в борьбу с прямыми наследниками умершего хана, обычно сыном. Теперь, даже если покойный «ака» никогда не был ханом, его сын становится наследником его прав на престол, так же как сын хана — наследником престола. Соперничают за ханскую власть уже не носители двух принципов: прямого перехода престолонаследия от отца к сыну и перехода власти к старшему в роде, а две ветви: одна правящая, а другая—имевшая во втором или третьем восходящем поколении права на ханство по традиционному счету старшинства [193]. В соответствии с этим развиваются события в Золотой Орде после смерти Токты. Его сын Ильбасмыш является законным наследником престола, но племянник Токты Узбек, сын Тогрылчи, выступает как представитель своего уже покойного отца, как носитель прав своего отца на ханство. Обычно права претендента сами источники не считают нужным приводить (видимо, они были достаточно иллюзорными, и были лишь поводом для смуты). Источники не скрывают узурпаторского характера захвата власти Узбеком и отсутствия курултая, который раньше хотя бы формально избирал хана и тем признавал его старшинство в роде.

Аналогичные события происходят в это время в левом крыле Улуса Джучи. В начале XIV в. в улусе Орды победил принцип престолонаследия от отца к сыну, который, как мы знаем, восторжествовал и в западной части улуса. Однако в 701 г. х. (1301/1302 г.) произошло столкновение между «законным» претендентом на престол Баяном, которого поддерживал Токта, и сыном его двоюродного дяди Кублюком (сыном Тимур-Буки, внука Орды). Кублюк мотивировал свои права на власть хана улуса Орды следующим образом: «Прежде отец мой ведал улусом и по наследству он (улус) переходит ко мне». Кублюк также стоит на стороне принципа перехода власти от отца к сыну. Но права Тимур-Буки, его отца, на престол ханов улуса Орды, которые якобы, по словам Кублюка, были в его руках, исходят из традиционного исчисления старшинства в роде Орды. Таким образом, здесь в несколько завуалированной форме выступают те же две традиционные стороны: сын умершего хана и брат или двоюродный брат хана. Вполне понятно, что Баян нашел поддержку у Токты, который сам выступал как сын и преемник своего отца, Менгу-Тимура, за укрепление династической линии своей семьи [194]. Баяну наследовал Сасы-Бука, который (по Рашид ад-Дину) был сыном Баяна. После Сасы-Бука правил его сын Эрзен, потом его сыновья Мубарек-Ходжа и Чимтай. Характерно, что и Эрзена и Чимтая поддерживают ханы Узбек и Джанибек [195].

---

[193] Нечто подобное предполагается в аргументации Бату прав Менгу на каанский престол: «Дядя наш Тули, младший сын Чингис-хана, умер в молодости и не воспользовался царством, так отдадим царство сыну его и посадим на престол царский старшего сына его Менгу-хана» (Тизенгаузен, т. II, стр. 16). Менгу здесь выступает как наследник прав своего отца на престол по старой системе исчисления старшинства (т. е. как брата Угедея).

[194] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 43—44; у Бейбарса и ибн-Халдуна имеется другая версия, согласно которой борьба шла только за Газну и Бамиан, причем Баян и Кублюк оказываются братьями, детьми некоего Кунджи, сына Орды. Неточность этой версии Бейбарса — ибн-Халдуна очевидна (там же, т. I, стр. 118, 394).

[195] Тизенгаузен, т. II, стр. 129—130. Однако источники, зависимые от Низам ад-Дина Шами в списке ханов, приводят после Сасы-Буки его племянника Туглук-Тимура, а затем его брата, второго племянника Сасы-Буки — Мурад-Ходжу (там же, т. II, стр. 106, 146). Этих ханов левого крыла не знает «Аноним Искандера»,

Таким образом, события, связанные с восшествием на престол хана Узбека, являются как бы переходом от тех форм внутриполитической борьбы, которые сложились в XIII в., к формам этой борьбы в первой половине XIV в. С одной стороны, здесь сохраняются традиционные противопоставления прав сына и «аки» (которые в данном случае реализуются не непосредственно братом или кузеном покойного хана, а сыном брата), противопоставления сторонников централизации и старых кочевых традиций, так ярко выразившиеся в борьбе Токты и Ногая и повторенные в ослабленной форме в борьбе Узбека с эмирами Ногая. С другой стороны, здесь перед нами уже типичный дворцовый переворот, не прикрытая курултаем, простая узурпация власти Узбеком. Такие дворцовые перевороты станут характерными для эпохи хозяйничанья в государстве монгольских вельмож, эмиров — представителей областей и городов, визирей и главных эмиров, верхушки административного аппарата. Во главе партии, посадившей Узбека на престол хана, стоит Кутлуг-Тимур — знатнейший монгольский вельможа, наместник хана, связанный теснейшим образом с мусульманской городской верхушкой Хорезма.

После Узбека, как мы отмечали, права сына, прямого наследника хана, получили общее признание. Дядя, «ака» сходит со сцены политической борьбы XIV в. Но это не значит, что не было смут и борьбы за власть до 1360-х годов, когда началась «замятня великая». Политические столкновения и смута в этот период выливались главным образом в борьбу придворных группировок, в дворцовые заговоры, не прикрываемые никакими соображениями старинного счета родства или выборами и формальным признанием хана джучидским домом.

Так, например, Узбек назначил преемником своим старшего сына Тинибека. Но он был убит вместе со своим братом Хызром, и на престол взошел второй сын Узбека Джанибек[196]. Утвердили его в ханском достоинстве не курултай, а эмиры[197]. «Аноним Искандера» сообщает нам такие подробности вступления на престол Бирдибека, имевшие черты типичного дворцового переворота. Во время болезни Джанибека его придворный Тоглу-бей, «один из столпов его державы», предупредил его сына Бирдибека, который был в Закавказье. Бирдибек, стремясь к власти, бросил Азербайджан и прибыл в орду. Приезд сына вызвал беспокойство у Джанибека. Бирдибека поддержала его мать Тогай-Тоглу-хатун, а Тоглу-бей с группой людей убил Джанибека во время аудиенции. Затем Тоглу-бей провозгласил ханом Бирдибека, который расправился со всеми сторонниками покойного отца из числа царевичей и эмиров[198].

Захватившие государственный аппарат монгольские эмиры часто достигали такого могущества, что парализовывали действия самого хана.

хотя детально сообщает о событиях, связанных с потомками Сасы-Бука. Возможно, что эти две группы источников, основывавшиеся на двух традициях, дают нам в одном случае действительные ханства, а в другом случае эфемерные, которые лишь указывают на какую-то претендующую на ханство боковую линию потомков Баяна. Достоверность сведений «Анонима Искандера» о делах левого крыла Улуса Джучи более вероятна (см. Г. А. Федоров-Давыдов. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 225—227).

[196] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 263—264; т. II, стр. 101. Русские летописи пишут, что Тинибек некоторое время царствовал, но затем Джанибек убил Хызра и между Тинибеком и Джанибеком вспыхнула вражда (ПСРЛ, т. X, стр. 212—213).

[197] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 264.

[198] Такова версия, изложенная в «Анониме Искандера» (Тизенгаузен, т. II, стр. 128—129) и Никоновской летописи (ПСРЛ, т. X, стр. 229). Другие источники дают версию мирной смерти Джанибека (Тизенгаузен, т. II, стр. 103). По вер-

Характерным было дело о выдаче замуж за египетского султана одной из джучидских принцесс. Узбек должен был затягивать это дело из-за своих эмиров, которые в количестве 70 человек решали этот вопрос в течение 4 лет. Удалось довести дело до конца только после того, как до эмиров дошли подарки султана [199]. Египетский султан в своих обращениях к Узбеку дает нам почувствовать, какую силу представляло это эмирское окружение хана, державшее все нити правления в своих руках. Узбек обращал внимание только на сущность дела, не входя в подробности государственных дел.

Орда

Пережитком XIII в., прочно укоренившимся в жизни Золотой Орды, было наличие орды — ставки хана, кочевавшей в степи. Мы говорили об орде Узбека, которая была описана ибн-Баттутой и которая кочевала в районе современного Пятигорска. В Золотой Орде утвердилась система двух столиц: центром религиозной и городской жизни и торговли был Сарай, а центром политической жизни кочевая резиденция хана — орда, куда приезжали за инвеститурой, где выдавались ярлыки и где было сосредоточено управление государством. В XIV в. это стало пережитком, восходящим к периоду, когда между оседлым населением и кочевой аристократией Джучидов был разрыв. Слияние некоторых кругов феодальной верхушки монгольского общества, связанного с администрацией хана, с городскими верхами, участие их в торговле и в организации ремесла в XIV в. делало это разделение в значительной степени анахронизмом, связанным главным образом с консервацией, иногда нарочитой и внешней, придворного кочевого быта хана. Во второй половине XIV в., как мы увидим, это сближение кочевой ставки Орды и городской столицы получит своеобразное и чрезвычайно показательное выражение.

Аналогии социальному строю Золотой Орды в Иране и Средней Азии в XIV в.

Аналогичные изменения в экономической и государственной области происходили во времена хана Газана в конце XIII в. в Иране. Мы хорошо знаем серию реформ Газана, направленных на приближение монгольской правящей аристократии Хулагуидского улуса к управлению оседлым земледельческим и городским населением [200]. Хан во главе большого чиновного административного аппарата берет под свой контроль регулирование мер и весов, денежную систему и систему поборов с сельскохозяйственного и городского населения. Складывается довольно громоздкая государственная машина с визирем во главе, более развитая и, видимо, более мощная, чем в Золотой Орде. На это намекает ал-Омари. Он же говорит и о принципиальном сходстве систем управления Хулагуидского Ирана и Джучидского улуса: «Управление султана в этих странах (Дешт-и-Кыпчак) делами войсковыми и правительственными (такое же, как) управление государством Ирака и Аджема, относительно числа эмиров, узаконений и службы, но здесь (т. е. в Дешт-и-Кыпчак) у начальника улуса и визиря нет (такого) права распоряжаться по своему усмотрению как у начальника улуса и у визиря в том (Иракском) государстве, да и у султана этого государства нет (ничего) похожего

сии ибн-Халдуна Джанибек был отстранен от престола приближенными вельможами, желавшими, чтобы на трон вступил Бирдибек (Тизенгаузен, т. I, стр. 389). Эта версия, по предположению М. Г. Сафаргалиева, является официальной, распространенной при Бирдибеке для его оправдания (М. Г. Сафаргалиев. Распад.., стр. 109). Неясно, почему М. Г. Сафаргалиев сопоставляет ее с рассказом Рогожского летописца (ПСРЛ, т. XV, ч. 1, стр. 66), который не скрывает факт отцеубийства.

[199] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 518.

[200] См. А. И. Фалина. Реформы Газан-хана. УЗИВ, 1959, вып. XVII.

на то, что у того султана по части доходов и податей, числа городов и деревень» [201].

Видимо, сходные тенденции к упорядочению общественной и экономической жизни имели место и в Средней Азии в начале XIV в., когда при хане Кебеке была проведена денежная реформа.

Все эти явления внутренней жизни Хулагуидского Ирана, Джучидского государства и Джагатаидского Мавераннахра в какой-то мере должны рассматриваться как аналогичные, выражающие один и тот же процесс срастания части монгольской кочевой аристократии с жизнью оседлого земледельческого и городского населения. Этот процесс характерен именно для западных частей монгольской империи. Б. Я. Владимирцов отмечает, что в восточных частях монгольских земель он не наблюдался [202].

Это срастание встречало острое противодействие части улусной кочевой монгольской знати. В некоторых районах, например в Семиречье, эти прослойки победили. Здесь сохранился полупатриархальный военно-кочевой уклад жизни. Кочевая знать Могулистана с ненавистью смотрела на монгольскую аристократию Мавераннахра, осевшую в городах и поместьях.

В Золотой Орде переход на новую ступень в развитии улуса Джучиева также вызвал острую борьбу двух группировок знати, борьбу, вылившуюся в столкновение Ногая и Токты.

---

[201] Тизенгаузен, т. I, стр. 229.

[202] См. Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 100.

ГЛАВА V

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV В.

Новые явления социальной жизни в Золотой Орде

Мы рассмотрели некоторые черты общественного строя Золотой Орды. Он определен нами как «улусная система», имевшая в XIII в. характерные черты начальной стадии кочевого феодализма. В течение XIV в. эта улусная система претерпевает ряд изменений. В конце XIV в. основной смысл этих изменений можно установить по письменным источникам, несмотря на скудость их сведений о социальном строе Золотой Орды.

Вторая половина XIV в. в политической жизни Золотой Орды ознаменовалась обострением междоусобной феодальной борьбы. Именно изменения общественного строя, развитие кочевого феодализма и присущих ему центробежных сил привели к той политической смуте, которая потрясла Улус Джучи в 60—70-х годах XIV в. и которая лишь на время была приостановлена Токтамышем. Не вызывает сомнений тот факт, что политическая децентрализация и смута, наступившая в Золотой Орде в 60—70-х годах XIV в., были вызваны развитием улусной феодальной системы. Но простая констатация этого факта не может нас удовлетворить. Нам важно проследить, насколько это позволяют источники, те социальные сдвиги, которые произошли в Золотой Орде и которые подготовили события, начавшиеся в 1360-х годах. Эти сдвиги произошли и в степном кочевом обществе, и в характере взаимоотношений города и степи.

Мы показали в предыдущей главе, как происходило постепенное сближение верхушки кочевой аристократии с оседлым миром, миром купеческих объединений и ремесленных предприятий. В конце XIII в. складывается держава Джучидов, состоявшая из двух частей: оседлого и кочевого населения. В руках ханов сосредоточивалась власть над обеими этими частями государства.

Для феодальной аристократии — держателей кочевых владений — золотоордынский хан первой половины XIV в. — кочевой сеньор, Чингизид, которому кочевой феодал обязан был покоряться как вассал, как сотник или тысячник в силу его ленных обязанностей и установленной еще Чингис-ханом дисциплины. Для такого феодала естественнее всего видеть хана в кочевой ставке — орде, где каждому представителю монгольской кочевой аристократии выделялось свое место среди палаток на мирном становище и определенное место его сотни или тысячи и т. д. в боевом построении. Но, вместе с тем, это был уже не старый государственный порядок XIII в. с курултаем, спорами Чингизидов о старшинстве при решении вопроса о престолонаследии и системой периодических перераспределений улусов.

Для городского населения в Золотой Орде столица — это Сарай, а джучидский хан — воплощение процветания городской торговли и ремесла и их защитник, мусульманин, покровитель мусульманской учености и благочестия. Единодержавие и центростремительные тенденции поддерживались городами, которые боялись феодальной смуты, приносящей городам разорение, упадок торговли и беспорядки. Опираясь на эти силы, ханское правительство, само вышедшее из среды кочевой знати, проводит централизаторскую политику.

В начале XIV в. сохранялась еще очень большая неразвитость феодальных отношений в степи. Для XIII — начала XIV в. характерны феодальные ленные владения, в значительной мере лишенные иммунитетов. Они не были, как правило, наследственными, их границы постоянно должны были пересматриваться на курултаях, подтверждаться новыми инвеституpами, и хотя часто границы этих владений не изменялись, юридически они не закреплялись за какой-либо знатной семьей. Именно это создавало возможность и обеспечивало успех централизованному государственному руководству при Токте, Узбеке, Джанибеке и отчасти Бирдибеке.

В первой половине XIV в. изменившийся характер взаимоотношений степи и города выражался, очевидно, в участии какой-то прослойки, верхушки бывшей кочевой аристократии в управлении городами, в эксплуатации городских торговцев и ремесленников. Эта часть феодальной аристократии становится городской вельможно-чиновнической знатью. Кочевые феодалы, держатели кочевых улусов, не были прямо связаны экономически с городом.

Уже к середине XIV в. наметились явления, говорящие о росте иммунитетов, об установлении устойчивых улусных границ, о росте самостоятельности и экономическом развитии улусов в степи и, наконец, об объединении городов и оседлых районов, с одной стороны, и степных улусов — с другой в рамках одного крупного феодального держания. Раньше приходилось говорить лишь об участии кочевой аристократии в управлении страной как кочевой частью ее населения, так и оседлой, в государственном аппарате, в торговых операциях и т. п. Теперь можно говорить о постепенном образовании таких социальных форм, при которых и кочевые улусы и оседлые владения объединяются под властью единого феодального сеньора. Если мы обратимся к некоторым источникам XV в., касающимся событий, происшедших в Золотой Орде в конце XIV в., то мы найдем в них косвенные указания на то, что во второй половине XIV в. в Улусе Джучи назрели существенные социальные изменения.

Изменения социальной терминологии

Проанализируем изменения социальной терминологии: *Суюргал*. Некоторые персидские источники во второй половине XIV в. знают понятие «суюргал» применительно к Золотой Орде. Суюргал — термин среднеазиатского и иранского военно-ленного феодального строя конца XIV — XV вв. Он означал наследственное пожалование в ленное владение. Владелец суюргала получал ту или иную степень судебно-административного и налогового иммунитета. В этом отношении суюргал тесно связан с тарханством.

Персидские авторы XV в. упоминают «суюргал» в Золотой Орде обычно в связи с действиями Тимура [1].

Мы можем отметить два значения термина «суюргал» и его производных в употреблении указанными авторами: первоначальное, извест-

[1] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 108, 110, 113, 123, 141, 150, 183.

ное еще в «Сокровенном сказании»,— просто подарок или оказание каких-то милостей и вторичное — ленное владение.

Введение некоторыми персидскими источниками термина «суюргал» сопровождается приданием некоторым терминам старой «улусной» терминологии нового содержания и введением новых терминов.

Примечательно, что только источники, зависимые от Низам ад-Дина Шами, знают термин «суюргал» применительно к Золотой Орде. Кроме Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Йезди это — автор «Продолжения сборника летописей Рашид ад-Дина».

Улус и юрт. Употреблялись в более ранних источниках в значении кочевое население и территория, данные в удел. Б. Я. Владимирцов показал, что в Монголии с XV в. появился новый термин «отог»—территориально-кочевое объединение — кочевой феод [2]. Подобно тому, как раньше улусу соответствовало войсковое подразделение (10000, 1000 или 100), то отогу теперь соответствует «кошун» — полк, тысяча исчезает, однако термин «тумен» сохраняется. «Улус», употреблявшийся ранее в значении феодальное держание — кочевое население, подвластное сеньору, теперь означает территориальную совокупность отогов и неотличим в этом значении от «тумена» — области.

В источниках, относящихся к Золотой Орде, термин «отог» не встречается. «Улус» же в источниках все чаще и чаще употребляется в значении государство, держава вообще. Старое значение улуса как народа — удела, народа — государства, связанное с представлением о монгольском государстве как о кочевой державе всего рода Чингизидов, сохраняется, но встречается реже.

Характерно, что Низам ад-Дин Шами во многих местах вообще отказывается от термина «улус», заменяя его термином «вилайет». Это, как показал Б. Я. Владимирцов, приводит к образованию таких сочетаний, как «иль и вилайет» [3], в котором отразилось двойственное содержание термина «улус» (народ — удел). Более редко, чем у авторов монгольской эпохи, встречается у Шами это старое значение «улуса» [4]. У «Анонима Искандера» в отрывках, касающихся Золотой Орды, термин «улус» чаще всего употребляется в сочетании с именами Джучи или Берке только как синоним слова «государство», «держава» [5]. То же значение термин имеет и при употреблении его изолированно (например, «в продолжении 17 лет он (Токта) охранял тот улус (т. е. государство)» [6], хотя в некоторых случаях и сохранился старый смысл термина (народ, данный в удел): «улус (т. е. народ) беззаботно расположился по краям и сторонам степи» [7].

Значение термина «улус» как «государство» имеется и в «Продолжении сборника летописей» [8]. У Низам ад-Дина Шами чаще этот термин встречается как обозначение государства — державы [9]. У Абд ар-Реззака Самарканди термин «улус» употреблен в значении «государство» Узбека [10]. В «Родословной тюрков» — в значении государства Чингизидов или Узбека [11], но сохраняется и в значении «народ —

---

[2] См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М., 1934, стр. 132 и сл.

[3] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 108.

[4] Там же, стр. 125.

[5] Там же, стр. 127.

[6] Там же, стр. 128.

[7] Там же, стр. 137.

[8] Там же, стр. 140, 142 и сл.

[9] Там же, стр. 148—151, 155, 160, 168, 171, 178, 179, 182, 188, 189.

[10] Там же, стр. 195—198.

[11] Там же, стр. 203, 207

удел»[12], у Гаффари—в значении «государство» Узбека[13], у Хайдера Рази — в значении «государство» Джучи[14]. Таким образом, термин «улус» употребляется часто как «государство», или «часть государства». Реже в контексте содержится намек, что это народ, данный в феодальное владение.

Термином «юрт» в конце XIV — начале XV в. часто стали называть место того или иного феодала в ханской ставке или же само местонахождение ставки феодала или хана[15].

У ранних авторов (Рашид ад-Дин, Вассаф) юрт означает не только территорию улуса, но и место войска в общем строе армии или место ставки или место палатки в ставке. В более поздних источниках это второе значение юрта усиливается, а первое встречается реже. На место старого основного значения термина «юрт» —место кочевок улуса— становится слово «субе» или «вилайет»[16], иногда в сочетании с термином «иль», подобно тому как у писателей конца XIII — начала XIV в. сочетались понятия юрт — улус.

Иль. В персидских источниках XIV в. при описании Золотой Орды термин «иль» часто заменяет понятие «народ» в значении старого понятия улуса, т. е. народ, данный в удел, лен[17].

Соотношение терминов «иль» и «улус» хорошо видно в XVI—XVII вв. в тюркских источниках. В. В. Бартольд отмечал: «По турецкому словарю Вефик-паши... улус делится на или, иль на уймаки, уймаки на бои, бой — на уруки (роды)»[18]. У Абу-л-Гази термин «иль» употреблялся в значении или народ вообще и племенной союз («огузский иль»), или народ — удел («малый иль»)[19]. В последнем значении этот термин обозначает то, что в XIV в. в Золотой Орде означалось термином «улус». Термин же «улус» получает полисемантичность и употребляется у Абу-л-Гази в значении «держава», «государство» или в значении «люди вообще», «народ вообще», «население»[20].

В поздних крымских ярлыках «иль» употребляется в значении коче-

---

[12] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 208.

[13] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 211.

[14] Там же, стр. 213.

[15] Там же, стр. 135, 173.

[16] Там же, стр. 108, 129, 147, 191, 204 («вилайет левой руки» вместо старого «улус левого крыла»).

[17] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 171—172, см. также стр. 83, 111, 119, 133, 150, 160, 161, 163, 181, 185, 206, 208, 214 (у Шереф ад-Дина Йезди, Низам ад-Дина Шами, автора «Родословной тюрков», Хайдера Рази, в «Анониме Искандера» и т. п.). Иногда употребляется выражение «Внешний иль» (там же, стр. 185), не совсем ясное. Вспомним, что были «внутренних селений и городов» даруги (ярлык Тимур-Кутлуга 800 г. х. и Саадет-Гирея 930 г. х.). И. Бичурин засвидетельствовал деление на «внутренние и внешние знамена» в Монголии (Иакинф. Записки о Монголии, т. II. СПб., 1828, стр. 208). «Внешние селения» упомянуты в ярлыке Хаджи-Гирея 857 г. х. (С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. Сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 190). Палладий считал (см. Примечания к старинному монгольскому сказанию о Чингис-хане. ТЧРДМ, 1866, т. IV, стр. 253), что «внутренний князь» — это нойон, бывший при особе государя и не получивший удел. Может быть, «внутренние селения и города» и их даруги — домен правителя, а «внешний иль» — улус, переданный как держание какому-либо нойону.

[18] В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 394. В турецком языке слово «иль» сейчас имеет значение «страна», «провинция», утратив совсем былое значение «народ», «население» (см. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 204).

[19] Это отметил Л. П. Лашук (см. Л. П. Лашук. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов. СЭ, 1968, № 1, стр. 100—101; см. А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 44, 51—52, 80).

[20] А. Н. Кононов. Ук. соч., стр. 52.

вой удел, народ-держание, например, «хан-иль» — народ хана или «кошун и иль» для обозначения людей подвластных [21].

В персидских сочинениях XVI—XVII вв. «улус» сохраняет значение народа, данного в удел, но часто употребляется для обозначения части населения или племени, иногда народа вообще [22].

Термины «улус» (в значении народ вообще, страна, государство) и «иль» (народ, данный удел) имеют тенденцию встать во взаимное подчинение (иль — часть улуса) подобно тому, как в Монголии «улус» стал употребляться для обозначения территориальных объединений — «отогов». В значении объединения илей и суюргалов «улус» сближается не только с понятием государство вообще, держава, но и получает оттенок территориального термина, что, возможно, приводит к появлению таких сочетаний (главным образом в персидских источниках), как «иль и улус» [23]. Очевидно, в этих сочетаниях термину «улус» отводится значение территории. Этим объясняется тенденция заменить термин «улус» термином «область», «субе», «вилайет». В поздних тюркских источниках термины «юрт» и «улус» сближаются, становятся взаимозаменяемыми при обозначении больших территорий государств, стран. В Казанском и Крымском ханствах «улус» — территориально-административное деление, часть «даруги» — округа, но вместе с тем «улус» — это вотчина князька или мурзы [24]. Возможно, что сочетание «улус и иль» — это новая форма старого сочетания «юрт и улус», т. е. территория и данное в удел население, кочующее на этой территории. В сочетании «иль и кун» (народ) [25] мы видим новый вариант сочетания «улус и каум».

Таким образом, в ряде персидских источников меняется общественная терминология, что не может не вызвать ассоциации с изменениями восточномонгольской терминологии в XV в. В конце XIV в., судя по персидским источникам, в Золотой Орде появляется «кошун» [26], но нет «отока», т. е. того нового термина, который служил для обозначения кочевого феода, соответствующего кошуну. Остается предположить, что «кошуну» персидских авторов XV в., пишущих о Золотой Орде, соответствует феодальное держание «суюргал» и «иль» [27].

Претерпели к концу XIV—XV вв. некоторые изменения и термины, употреблявшиеся для обозначения знати [28].

[21] См. Ф. Ф. Лашков. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1894, № 22, стр. 113—114 (в фирмане Селим-Гирея и из дефтери 1116—1118 г. х.); см. его же. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1895, № 23, стр. 87.

[22] См., например, Шараф-хан ибн-Шамсаддин Бидлиси. Шараф намэ, т. I. М., 1967, стр. 83, 114, 116, 121, 312, 321, 353, 355, 367, 372, 379, 419, 462, 466. У Рузбехана «улус» одновременно — род (каждый род составляет один улус) и народ — удел какого-либо хана (С. К. Ибрагимов. «Михман намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», 1960, т. 8, стр. 143).

[23] Ср. Бабур. Его записки на джагатайском наречии. Казань, 1857, стр. 71; МИКХ, стр. 104, 105, 347, 359, 364. См. также значение термина «улус» как округ, район в актах армяно-половецкой колонии в Каменец-Подольске в XVI в. Документы на половецком языке XVI в. М., 1967, стр. 409.

[24] См. А. Н. Кононов. Ук. соч., стр. 44, 79; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 206—207.

[25] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 118.

[26] Там же, стр. 95, 115, 116, 120, 142, 144, 163, 164, 166, 168, 169 (Казвини, Низам ад-Дин Шами, Шереф ад-Дин Йезди, автор «Продолжения Рашид ад-Дина»), «кошун» то употребляется в значении «тысяча», то в смысле составной ее части. Ср. Б. Я. Владимирцов. Ук. соч., стр. 134.

[27] Новая терминология в Монголии, пришедшая на смену «туменам» и «тысячам» и т. п., связана с трансформацией ленно-бенефициального пожалования («хуби») во владение типа феода («умчи»). См. И. Я. Златкин. История Джунгарского царства (1635—1758). М., 1964, стр. 81—86.

[28] Так, например, «оглан» часто заменяется словом «султан» в значении «царевич». «Бахадур» в источниках XV в. означает в ряде случаев воина вообще и т. п.

Интересно проследить изменение старой улусной терминологии в персидских источниках применительно к событиям в Золотой Орде или истории взаимоотношений Тимура с Золотой Ордой в источниках круга Низам ад-Дина Шами.

Известно, что источники круга Низам ад-Дина Шами восходят к официальным тюркским летописям походов Тимура, написанным его современниками. Изменения социальной терминологии в этих источниках отражают процессы, происходившие в Средней Азии и Иране на рубеже XIV и XV вв. Но в какой степени эта терминология, употребляемая указанными авторами применительно к событиям Золотой Орды, отражает действительно социальные сдвиги и изменения социальной терминологии в самой Золотой Орде? Возможны три решения этого вопроса.

Или это — механическое применение новой терминологии, сложившейся в Иране и Средней Азии (о распространении там формы «суюргала» известно хорошо), для описания событий в Золотой Орде и не отражающее изменений социального строя в самом половецко-монгольском кочевом феодальном обществе;

или это — отражение изменений в социальной терминологии в Золотой Орде и соответствующих изменений в социальном строе;

или, наконец, это — перенесение социальной терминологии Ирана и Средней Азии на аналогичные явления в Золотой Орде, которые были скрыты в самом Улусе Джучи под старой «улусной» терминологией.

Социальная терминология в источниках золотоордынского происхождения

Рассмотрим источники собственно золотоордынского происхождения. Так же как и в иранских источниках XV в., термин «суюргал» в Золотой Орде известен в двух значениях: в значении подарка, пожалования вообще[29] и в значении социального термина: удел, даваемый государем во владение своему вассалу. Например, в ярлыках Токтамыша 794 г. х.[30] и Тимур-Кутлуга 800 г. х.[31] термин «суюргал» употреблен в значении ленного пожалования, причем это пожалование, как это видно из самого смысла ярлыков, тесно связано с тарханным иммунитетом.

---

[29] В Codex Cumanicus в переводе молитвы имеется слово «Söwrgamach», переведенное латинским «gratia» («милость»). См. G. Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880, p. 172; см. также М. А. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 137; Хорезми. Мухаббат-намэ. М., 1961, стр. 135. А. М. Беленицкий показал, что значение слова в форме «суюргатмыш», обозначающее дар, подарок, встречается ранее более узкого термина «суюргал» (в значении ленного пожалования). Последнее значение слова появляется только в конце XIV в. в Иране и Средней Азии; А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и в Иране в тимуридскую эпоху. ИИМ, 1941, № 4; И. П. Петрушевский. К истории института суюргала. СВ, 1949, т. VI. Характерно, что в древнетюркских текстах и Codex Cumanicus, относящемуся к рубежу XIII—XIV вв., «суюргал» в значении социального термина не встречается (ДС, стр. 513).

[30] И. Н. Березин переводит: «нами пожалованы» (И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II. Казань, 1851, стр. 15). Е. Катрмер переводит этот термин словом «аренда», с чем соглашался и И. Н. Березин, добавляя «потомственная аренда» (E. Quatremer. Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-eddin, v. I. Paris, 1836, p. 143; И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. ТВОРАО, 1864, т. VIII, стр. 428).

[31] И. Н. Березин переводил: «нами пожалованный был тарханом» (И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 11); В. В. Радлов — «нами излюблен» (В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО, 1888, т. III, стр. 21, 28); А. Н. Самойлович переводил: «под нашим покровительством быть нашим тарханом» (А. Н. Самойлович. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. ИАН, 1918, стр. 1124).

Слово سو یارل , обнаруженное на болгарской намогильной стеле 1322 г., Г. В. Юсупов склонен читать как «суюргал» в смысле пожалования[32].

Термин «суюргал» употреблен в крымских ярлыках Хаджи-Гирея 857 г. х., Менгли-Гирея 872 г. х.[33], Саадет-Гирея 930 г. х.[34] и некоторых других крымских ярлыках и актах XV—XVI вв.; в недавно открытой копии XVII в. тарханного ярлыка казанского хана Ибрагима (1467—1479 гг.) имеется выражение: «мое суюргальное слово»[35]. В ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея 929 г. х. и казанского хана Ибрахима употреблено деепричастное выражение «суюргаб»[36].

В Золотой Орде и в государствах, образовавшихся на ее развалинах, слово «суюргал» продолжало обозначать не только ленное владение, но милость, подарок вообще. Это видно из крымских тарханных ярлыков Кырк-Йеру 864, 872 и 1017 гг. х., где тарханство жалуется как коллективный иммунитет городу и где о лене говорить нельзя. Тем не менее слово «суюргал» употреблено, причем в той же фразеологической конструкции, что и в указанных выше ярлыках[37].

В собственно золотоордынских памятниках конца XIV в. термин «иль» имеется в письме Тохтамыша Ягайле. В. В. Радлов переводит это слово как «народ», А. Н. Самойлович — словами «войско» и «государство»[38]. В своем переводе А. Н. Самойлович ссылается на те зна-

---

[32] См. Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 104, табл. 17.

[33] «Оказывая милость, мы сказали, пусть он будет тарханом» — перевод С. Е. Малова (A. N. Kurat. Tonkapi Sarayi Müzesi Arşivindeki Altin Ordu, Kirim ve Türkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler. Istanbul, 1940, p. 62; С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. Сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953). Перевод А. Н. Кононова: «...обладающему в качестве суюргала мы сказали: пусть тарханом будет». А. Ю. Якубовский неправильно считал этот ярлык (857 г. х.) первым в Золотой Орде, где употреблен термин «суюргал» в значении ленного тарханного владения (см. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М., 1950, стр. 137). «...Нами пожалован, пусть будет тарханом» — перевод И. Н. Березина (И. Н. Березин. Тарханные ярлыки крымских ханов. ЗООИД, 1872, т. VIII, стр. 4—5).

[34] «Пожаловали говоря, пусть они будут вольными тарханами» — перевод И. Н. Березина (И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 18—21); см. также В. Д. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. ИТУАК, 1918, № 54, стр. 11.

[35] «...Мое суюргальное слово... мы объявили вольными тарханами» (М. Госманов, Ш. Мохэмадьяров, Р. Степанов. Яна Ярлык. «Казан утлары», 1965, № 8, стр. 147—148).

[36] «Пожаловали... сделали тарханами» (С. Вахидов. Ярлыки хана Сахиб-Гирея. «Вестн. научного общества татароведения», 1925, № 1—2, стр. 32—33; Ш. Ф. Мухамедьяров. Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. Сб. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 107—109; см. также М. Госманов и др. Ук. соч., стр. 148).

[37] См. В. Д. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической ученой архивной комиссии. ИТУАК, 1918, № 54, стр. 8—11; З. А. Фирковичъ. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояний русскоподанных караимов. СПб., 1890, стр. 57—66. О суюргале в Казанском ханстве см. Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства XV — первая половина XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1950; его же. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958, стр. 14 и сл. О суюргале в Шибанидском государстве XVI в. см. П. П. Иванов. Хозяйство Джучибарских шейхов. М.—Л., 1954, стр. 26 и сл.

[38] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 6, 11—12; А. Н. Самойлович. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Токтамыша. ИТОИАЭ, 1927, т. 1 (28). Отметим, что И. Н. Березин переводил этот термин словом «волость» (И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I. Казань, 1850, стр. 51).

чения этого термина, которые приведены в известных трудах Махмуда Кашгарского, не учитывая, что значение термина могло за столетия сильно измениться, но, кроме того, А. Н. Самойлович приводит соответствующие места из русского перевода ярлыка, в которых это слово соответствует двум русским понятиям: «держава», а также «люди и рать» [39].

В копии ярлыка хана Ибрахима имеется выражение «иль агалары» в значении «старейшины народа» [40].

С одной стороны, редкое употребление термина «иль» в Золотой Орде и неопределенность его семантики, отразившаяся в переводах, свидетельствует о малоупотребительности этого термина в Джучидском улусе. С другой, семантика его в письме Токтамыша к Ягайле показывает, что термин «иль» имел тенденцию сблизиться с термином «улус» в значении народа — государства, народа, данного в удел и выставляющего войска.

И в персидских источниках, указанных выше, намечается та же тенденция к замене термина «улус» словом «иль» [41]. Вместе с этим слово «улус» в ярлыках ставится в значении государства, державы вообще, обычно в сочетании «Великий улус» [42],—сочетание, употреблявшееся для обозначения всей империи Чингизидов еще в середине XIII в.

В соответствии с этим «юрт» как термин, близкий по значению термину «улус» (первоначально — территория кочевок), употребляется теперь чаще как обозначение территории государства (Сибирский, Крымский юрт) при расширительном его употреблении [43]. При суженном его употреблении семантика его переносится на понятие ставка, селение [44] или даже шатер в ставке — орде [45]. Употребление этого термина встречается также с оттенком значения «родина», родовое держание [46]. В Крыму в XVI в. встречается употребление термина «юрт» в значении совета старших аристократических родов — карачи [47].

В середине XIV в. в русских переводах ярлыков сохраняется выражение «улусные князья», очевидно, в значении удельных феодалов, владетельных беков. В ярлыках русским митрополитам в вводной их части в обращении два раза употребляется выражение «улусные и ратные князья» [48]. В более поздних ярлыках конца XIV в. мы встречаем в той же части ярлыка только «беков», а в еще более поздних актах (XV—

---

[39] А. Н. Самойлович. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Токтамыша, стр. 142—143.

[40] М. Госманов и др. Ук. соч., стр. 148.

[41] См. Ч. Ч. Валиханов. Письмо проф. И. Н. Березину. Сочинение, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 129.

[42] В ярлыке Токтамыша Ягайле (И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I, стр. 51; см. также В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8, 10; З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 57).

[43] МИКХ, стр. 19, 195.

[44] В Сибири, например, селения телеутов назывались юртами (см. Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. М., 1969, стр. 118—119). Юртами назывались в XVII в. города и волости Западной Сибири (см. Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, стр. 33, 38).

[45] МИКХ, стр. 21, 27. Эти оттенки семантики содержались еще в древнетюркских текстах.

[46] МИКХ, стр. 196, 200, 393. Эта семантика («кочевье, кочевая территория», «родина») имелась и в монгольском аналогичном термине «нутуг» (см. Л. Л. Викторова. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. «Проблемы истории докапиталистических обществ», т. I. М., 1968, стр. 559).

[47] См. Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1894, № 22, стр. 66.

[48] ПРП, т. III, стр. 465—469.

XVI вв.) в русских переводах — выражение «полковые князья и дворяне с кочевыми князьями»[49]. Выражение «улусные князья» заменяется выражением «кочевые», т. е. это степная кочевая феодальная аристократия, владетели кочевых улусных держаний.

Консервативность золотоордынской социальной терминологии

Но при всех этих новых тенденциях еще очень долго сохраняется старая семантика улусной терминологии: «улус» — народ, данный в удел, «юрт» — территория его кочевок, территория феодального кочевого держания. Это отразилось и в том, что русские летописцы и переводчики очень долго сохраняют термин «улусный князь» («улусник») в значении владетель, держатель лена (правда, теперь не обязательно кочевого), вассал[50]. Русские князья названы ханскими «улусниками». Термин «улус» применяется к русским княжествам с оттенком, обозначающим их вассальное по отношению к хану положение. Часто употребляется формула «царев (т. е. хана) улус и князя отчина»[51]. Княжества часто просто называются улусом хана[52]. Вместе с тем сохранено значение «улуса» как кочевого лена золотоордынского аристократа: «Царь же Токтамыш поезь взя орду Мамаеву, и царици его и казну его, и все улуси поима...»[53]. Несомненен также в семантике термина «улус» в летописях оттенок значения «народ — держание». О применении этого термина именно к мелким кочевым держаниям в собственно Дешт-и-Кыпчак свидетельствует описание путешествия Пимена в Царьград по Дону в 1389 г.: «В среду же пловуще минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус; и тако оттуду начя нас страх обдержати, яко внидохом в землю Татарьскую, ихже множество обапол Дона реки, аки песок. В четверток же пловуще минухом Бек-Булатов улус, стада же Татарскиа видехом... Таже в пяток минухом Червленыа горы; в неделю же шестую, Слепаго, пловуще минухом Ак-Бугин улус...»[54]. Под 1432 г. сообщается об улусе московского даруги Минь Булата[55]. Вместе с тем все же прослеживается определенная тенденция применять термин «улус» для обозначения территориальной единицы, административного податного деления, округа (в письме Едигея Василию): «... а что еси имал в твоей дръжав со всякого улуса с двоюсох рубль...»[56]. Характерна замена слова «улус» в тексте I Софийской и Воскресенской летописей словом «волость» в тексте IV Новгородской. В I Софийской летописи: «...поима все городы по Волози и улусы», в IV Новгородской: «Булат-Темир князь ординьскии поима грады в Положскии волость вся»[57]. При переписывании этого места, общего для обеих летописей, летописцы во втором случае заменили его на слово «волость», а в первом оставили слово «улус». О том, что это было именно так, свидетельствует текст Воскресенской летописи под тем же годом[58], который более полон, чем текст I Софийской летописи и IV Новгородской и восходит к источнику, общему и для Софийской I летописи и для IV Новгородской. Следовательно, первоначально стояло слово «улус», повторенное в Воскре-

---

[49] Сб. князя Оболенского, т. I. М., 1838, стр. 90—95.
[50] ПСРЛ, т. XI, стр. 48; т. XIII, стр. 43.
[51] ПСРЛ, т. VII, стр. 215; т. XI, стр. 84, 183; т. XII, стр. 16; т. XVIII, стр. 96.
[52] ПСРЛ, т. XI, стр. 48; т. XV, ч. 2, стр. 442.
[53] ПСРЛ, т. IV, стр. 83; т. XI, стр. 69; т. VIII, стр. 41; т. XV, ч. 1, стр. 141.
[54] ПСРЛ, т. XI, стр. 96.
[55] ПСРЛ, т. XII, стр. 15.
[56] ПСРЛ, т. IV, стр. 111.
[57] Там же, стр. 290.
[58] ПСРЛ, т. VIII, стр. 11.

сенской летописи и в урезанном тексте статьи под 6869 г. в Софийской I летописи [59].

В русских источниках XVI—XVII вв. [60] улусная терминология продолжает сохраняться с прежней семантикой (улус — владение, народ, данный в феодальное держание). «Улус» в русских документах, связанный с Крымом, постоянно употребляется в значении людей, находящихся в составе кочевого владения. Но в русском средневековом языке «улусом» и «юртом» называли и все государство, даже Московское и Литовское в целом [61]. Это тоже указывает на определенное сближение этих терминов. «Юрт» в XVI—XVII вв. в русском языке, главным образом в переводах с татарского, употребляется в значении территории княжества, удела, часто с акцентом родового держания, «отцовского юрта», «родины» [62]. Иногда в русских летописях встречается употребление слова «юрт», «юртовище» в значении палатки, шатра [63], иногда — в значении кочевого держания (заменяя улус), или как волость, область, или как царское пожалование, поместье [64].

«Орда» и изменения семантики этого термина

Характерные изменения претерпевает термин «орда», который до середины XIV в. означал ставку хана как форму существования ханской власти и его вассального окружения. Этот термин в конце XIV—XV вв. переносится и на все кочевое государство в целом, хотя еще очень долго сохраняет он значение ставки [65]. В письме Токтамыша Ягайле выражение «Великий улус» пере-

[59] Значение «улуса» как территории (смешение понятий улус и юрт) см. «Список чертежа Сибирской земли, заимствованный из рукописного сборника XVII в. и объясненный примечаниями Г. Н. Спасским». ВОИДР, 1849, кн. 3, стр. 3; см. также «Сибирская летопись». СПб., 1907, стр. 116 (памятник XVII—XVIII вв.). В Архангельском наречии русского языка улусом обозначалась полоса земли (А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 178).

[60] Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 7 («пытати, которого мурзы улусы»), стр. 109, 144, 297, 303, 311 и т. д. Ср. также выражения «Казыев улус» («Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского в 1594—1596 гг.». ТВОРАО, 1892, т. XX, стр. 268), «карачин улус» (А. Дмитриев. Пермская старина, вып. V. Пермь, 1894, стр. 214). В русских источниках до XVIII в. сохранилось понятие «улус» как кочевое население, данное в удел и учтенное по тысячам: «и взяли-де улусу его з две тысячи кибиток, с людьми и со всеми пожитками и жену и детей ево перебили» («Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726—1730». Сб. РИО, т. I, стр. 239). С этим связано выражение «улусные люди» (ПСРЛ, т. XX, стр. 609; «Черновой статейный список улусных людей». ЧОИДР, 1915, кн. 4, стр. 31. Ср. РИБ, т. 34, 1917, стр. 659); «ногайских мурз и их улусных людей с женами и с детьми, и с лошадьми и с животного со всякого...» (ДАИ, т. II, стр. 88). Последняя фраза звучит как формула, хорошо раскрывающая смысл термина «улус», «улусные люди», обозначающего кочевников, зависимых от кочевого феодала. Ср. выражение «... со всеми улусы, с женами и с детьми, с конем и с рогатым скотом и со всеми животы...» (ДАИ, т. V, стр. 41; Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 109).

[61] Например, «Великого улуса великому князю Василию» — читаем мы в крымском ярлыке начала XVI в. (Сб. РИО, 1895, т. XCV, стр. 240). Здесь нет уже той зависимости, которая находила выражение в обозначении Московского княжества термином «улус», как в письме Едигея, см. выше.

[62] ПДРВ, 1793, т. VIII, стр. 24, 29, 35, 37, 45, 74, 310, 314, 320; 1795, т. X, стр. 48, 63, 181, 213, также в значении территории государства-державы (ПДРВ, т. VIII, 1793, стр. 41, 42, 46, 47; т. X, 1795, стр. 2, 12; Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 13, 178, 181, 193 и др.); «Рязанский юрт» (Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 37); «Мещерский юрт» (Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 388, 390); «Смоленский юрт» (Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 153); «Литовский юрт», «королевский юрт» (Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 153, 381 и др.).

[63] ПСРЛ, т. XV, ч. 1, стр. 127.

[64] «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 49, 53, 91; Д. И. Багалей. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 121, 176.

[65] Например, в ярлыке Улу-Мухаммеда 831 г. х. (A. N. Kurat. Op. cit., pp. 10—11), в ярлыках Хаджи-Гирея 864 г. х. и Менгли-Гирея 872 г. х. (В. Д. Смир-

ведено на русский язык словами «Белая Орда»[66]. Значение термина орда как государство, держава в XIII—XIV вв. почти не известно. В русских переводах ярлыков XIII — первой половины XIV в.[67] в формуле обращения термины «орда», «ордынский» не встречаются.

В «Анониме Искандера» крупные государства, образовавшиеся на территории Улуса Джучи, поименованы «Ак-Орда» и «Кок-Орда», в то время как в источниках XIV в. они всегда назывались правое и левое крыло[68].

Интересно употребление термина «орда» в русских летописях. В некоторых местах чувствуется, что это слово употребляется в значении ставка хана («Повесть об убийстве Михаила Тверского»)[69]. Но в некоторых случаях этот термин употреблен в значении всей земли татарской, всего их государства.

Встречаются противопоставления ставки, лагеря, с одной стороны, и орды как государства татар — с другой. После поражения на Вожи в 1378 г. татары бегут, оставив после себя разгромленную ставку Мамая: «Князь... обретоша на поли повръжены дворы их, и вежи, и шатры и телеги их, а в них товару многое множество, то все пометано, а самех (татар. — *Г. Ф.-Д.*) не обретоша...». Здесь летописец дает

нов. Ук. соч., стр. 8—11); в ярлыке Менгли-Гирея (Сб. князя Оболенского, т. I, стр. 75—76). Ср. ПДРВ, т. VIII, 1793, стр. 249; «Казанская история», стр. 56, 103; Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 353, 355; МИКХ, стр. 101, 102, 148, 198, 208, 209, 261, 269, 286, 307, 345.

[66] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I, стр. 21—22. В русских переводах поздних крымских ярлыков в начале становится выражение «Великая Орда», а в подлинниках на том же месте стоит выражение «Великий Улус», но иногда и «Великая Орда» в сочетании с «Великим Юртом». В поздних ярлыках и «Великий Улус», и «Великая Орда», и «Великий Юрт», помещенные в начале документа, означают примерно одно и то же: «держава», «государство» (см. Сб. князя Оболенского, т. I, стр. 20, 23, 24, 26 и сл.; И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 17; В. Вельяминов-Зернов. Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864, стр. 26; Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 172, 240, 315, 397). Характерно, что в XVI в. М. Меховский писал о четырех «ордах», соответствующих основным татарским «юртам» — государствам, а термин «орда» переводил как «толпа, множество», смешивая его семантику с семантикой термина «улус» или «иль» (М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 63). То же можно сказать и об употреблении термина «орда» Барбаро (орда — народ), Контарини (орда — ставка и орда — держава), Кампанезе (орда — племя, часть государства). См. В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, стр. 14, 28, 73 (Барбаро); стр. 57—58, 97 (Контарини); стр. 16, 25 (Кампанезе); см. также «Барбаро и Контарини о России». Л., 1971.

[67] А. Н. Самойлович считал, что подлинники ярлыков митрополитам XIII — первой половины XIV в. в начальной формуле обращения имели слова «орда» и «улус», по аналогии с поздними ярлыками XV—XVI вв. С этим нельзя согласиться. Во-первых, аналогии с поздними ярлыками ничего не доказывают, так как семантика этих терминов сильно меняется в сторону сближения их, в то время как в XIII—XIV вв. эти термины обозначают четко разграниченные понятия. Во-вторых, главным аргументом в этом предположении А. Н. Самойловича является чтение формулы обращения («ордынским и улусным всем и ратным князем») первого и четвертого ярлыков в Синодальном списке Датированного вида Неполного извода Краткого собрания ярлыков, который дальше отстоит от действительного перевода XIV в. этих ярлыков, чем Полный извод Краткого собрания, в котором слово «орда» встречается только в значении лагеря, ставки в самом конце ярлыков (см. М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916, стр. 107, 111; А. Н. Самойлович. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1111; А. А. Зимин. Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. АЕ за 1961 г., 1962, стр. 31—32).

[68] Здесь чувствуется связь термина «орды» с понятием — фланг, крыло войска. В турецком языке «орда» обозначала армейское соединение — корпус (Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 124; Радлов, т. I, стр. 1696).

[69] «...Господине княже! Едут уже от орды Кавгадый и великый князь Юрий Данилович с множеством народа прямо к твоей веже» (ПСРЛ, т. V, стр. 213).

описание брошенного лагеря, ставки, но не называет его ордой, употребляя старый термин — «вежи». Ордой названа земля татарская, куда бегут татары: «...бяху то таки побегли к орде»[70].

Но чаще всего в летописях термин «орда» упоминается без каких-либо намеков в контексте на его точную семантику. Десятки раз слово «орда» упоминается в связи с тем, что князья едут «в орду», или в связи с теми или иными событиями в «орде». Имеется ли в виду ставка хана, или «орда» употребляется в значении «земля татарская», «государство татарское»?

Легко заметить, что в частях летописей, посвященных событиям XIII в., наряду со словом «орда» в сходном контексте упоминается слово «татары» («в татарах», «из татар», «к татарам» и т. д.), причем чем летописи древнее, тем чаще. В Ипатьевской летописи термин «орда» вообще не встречается. В Лаврентьевской летописи он упомянут только два раза. Вместе с тем в других летописях в статьях о событиях XIV в. выражение «татары» встречается только для обозначения людей, народа и никогда для обозначения государства, земли татарской. В этих статьях XIV в. события в Улусе Джучи и поездки туда князей всегда определены словом «орда».

Можно указать множество случаев, когда выражения «в татарах», «из татар» (в значении земля татарская, государство татарское) заменяются в более поздних редакциях тех мест летописи термином «орда». Все это говорит о том, что в летописях употребляется термин «орда» в расширенном смысле, в значении «татарское государство», «татарская земля». При этом мы обнаруживаем тенденцию в записях XIV в. отказываться от архаического выражения «в татарах», заменяя его термином «орда», как в статьях XIV в., так и в статьях XIII в. при их позднейшей обработке[71]. В княжеских актах XIV—XV вв. «орда» обычно также означает страну, куда едут князья[72]. Можем заметить взаимозаменяемость слов «орда» и «татары», что подчеркивает значение термина «орда» — земля татарская, государство татарское. Словоупотребление «орда» оказывается в актах более предпочтительным, чем «татары», если не хотят подчеркнуть именно народность, этнос[73].

---

[70] ПСРЛ, т. VIII, стр. 33. Отметим, что в текстах XV—XVI вв. есть случаи употребления термина «орда» в значении ставка: «Менглигирей побил Шиахмата царя Болшиа орды, и орду взял» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 242). Афанасий Никитин, проплывая в 1466 г. мимо ставки хана, назвал ее «Орда» («Хождение за три моря Афанасия Никитина». М.—Л., 1958, стр. 11). Позднее, в употреблении русских, термин «орда» принимает все чаще значение войска того или иного татарского царевича («... а у великого князя нынеча в Володимери многие люди: царь Шигалей, а с ним орда Городецкая вся...» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 298), но сохраняет значение «лагерь» («... водою влодьях прошедше на орду и обретошаю пусто без людей, токмо вней женск пол, и стар и млад» (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. I. СПб., 1963, стр. 132).

[71] Подробнее об этом см. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевая орда в Улусе Джучи. «Вестн. Моск. ун-та», серия истории, 1970, № 5.

[72] ДДГ, стр. 7.

[73] Это хорошо видно на примере часто встречаемого в духовных завещаниях и докончальных грамотах князей XIV—XV вв. выражения «А переменит бог Орду», заменяемого иногда на «А переменит бог татар» (ДДГ, стр. 37, 44, 49, 54, 56, 61, 66, 71, 79, 85, 88, 93, 96, 98—99, 111, 113, 116, 131, 137, 144, 147, 171, 174, 182, 185, 197). Характерно, что слова «орда» и «татары» здесь применяются как политическое понятие (речь идет о возможном освобождении от золотоордынского ига и необходимости уплаты «выхода»). При этом выражение «татары» имеется только в одной духовной грамоте Василия Дмитриевича 1406 г. и в докончальных грамотах, связанных с рязанскими князьями. В других духовных и докончаниях всюду употребляется более предпочтительное в данном контексте слово «орда».

В записях под 60—70-ми годами XIV в. в летописях появляются выражения Муратова Орда, Мамаева Орда, Синяя Орда, из которой вышли Токтамыш[74] и Арабшах[75] и которая соответствует левому крылу Улуса Джучи (т. е. улусу хана Орды). Синяя Орда названа в числе земель, завоеванных Тимуром[76].

Трактовать эти выражения как «войска» или «ставка» нельзя: этому противоречит контекст[77]. Эти выражения обозначают в летописях большие части татарского государства[78], совершенно так же, как термин орда в поздних восточных источниках начиная с «Анонима Искандера» в сочетаниях «Ак-Орда» и «Кок-Орда» означает различные части Джучидского улуса. Отметим, что в статьях, датированных последней четвертью XIV в., появляется выражение «татарская земля»[79] как синоним «орды». Позднее появляются в русских источниках названия Заяицкая, Перекопская, Белогородская, Пегая, Залесская, Городецкая Орда, в XVI—XVII вв. употребляется выражение Золотая Орда, в применении или к заброшенной ханской резиденции, или к Большой Орде[80].

В XV в. в источниках появляется выражение «орда-базар», соединяющее, по-видимому, значение торгового центра и кочевой ставки. Появление нового термина объясняется, быть может, развитием полисемантизма старого обозначения кочевой ставки — архаического термина «орда». Широко распространенный в XV в. термин «орда-базар» встречается в поздних редакциях русских летописей, причем встав-

---

[74] ПСРЛ, т. IV, стр. 82.

[75] Там же, стр. 73; т. V, стр. 236.

[76] ПСРЛ, т. VI, стр. 124; т. V, стр. 247. В более поздних источниках см. «Пролог сентябрьской и мартовской половины года». М., 1641—1643, стр. 848.

[77] Приведем такой характерный пример: в первоначальной редакции списка татарских областей, обещанных в 1399 г. Витовтом Токтамышу, Орда стоит среди других городов и областей, видимо, как ставка или район кочевания ставки. В поздних редакциях (ПСРЛ, т. XI, стр. 172) Орда выпадает из этого списка и превращается в обозначение всего государства в целом: «и посадим во Орде на царстве его царя Тахтамышя» с перечислением далее районов царства Орды: Каффа, Крым, Азов и т. д.

[78] См. в этом значении в тексте XVI в.: «Божею милостью, великого государя царя и великого князя Ивана Висильевича... и иных многих орд и государств государя» («Русские акты Ревельского городского архива». РИБ, 1894, т. XV, стр. 205).

[79] ПСРЛ, т. V, стр. 251. «...А потом старинная татарская земля или Орда...» — говорится в тексте XVII в., где Орда относится к «татарской земле» (см. «Книга, глаголемая Космография». СПб., 1878—1881, стр. 345).

[80] В «Казанской истории» (1560-е годы) выражение «Золотая Орда» встречается в значении, совпадающем с «Большой Ордой», т. е. в значении части государства бывшего Улуса Джучи («Казанская история», стр. 53, 56), но: «велел ломати мизгири и полаты в Золотой Арде и там делати город» (под 1587 г.) в Пискаревском летописце начала XVII в. — здесь в значении старой ханской ставки (см. О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. Сб. «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 91; ПСРЛ, т. XIX, стр. 8; «Книга Большому Чертежу». М.—Л., 1950, стр. 144—145, 182; см. также «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в.». ИОРЯС АН, 1907, т. XII, кн. I, стр. 72. «Золотая Орда» (Орда-и-Зарин, Сары-Орда, Золотой шатер) в значении ханской ставки известна у Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, стр. 230), у западных путешественников, современников Джучидского государства, например Карпини («Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 75—76; см. П. С. Савельев. Монеты Джучидов, Джалаиридов, Джагатаидов, вып. I. СПб., 1857, стр. 158; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 60; B. Spuler. Die Goldene Horde. Wiesbaden, 1965, S. 429). В XVI в. выражение «Золотая Орда» вопреки мнению К. В. Базилевича (см. К. В. Базилевич. Ярлык Ахмед-хана Ивану III. «Вестн. Моск. ун-та», 1948, № 1, стр. 33) не встречается в значении весь Джучидский улус (см. также А. Г. Митрошкина. Термин «Золотая Орда». «Тр. Иркутского гос. ун-та», сер. языкознания, 1969, т. 65, вып. 4; Г. А. Богатова. Золотая Орда. «Русская речь», 1970, № 1.

ляется в те места, где в более ранних редакциях его не было[81]. Термин этот имеется в актах и переписке татарских ханов XV—XVI вв.[82], на монетах XV в.[83].

В конце XIV — начале XV в. впервые на монетах, по типу и по особенностям штемпеля относящихся к чеканке Орды, появляются названия монетного двора «Улуг» или «Улус»[84] и «Иль-уй» (т. е. иль — дом)[85], которые продолжают время от времени появляться в первой половине XV в., наряду с именем «Орда», заменяя в некоторых случаях это последнее имя на монетах ордынской чеканки. Эта эпизодическая замена на монетах имени «Орда» другим термином, на наш взгляд, также следствие развивающегося полисемантизма термина «орда», несоответствия его старому понятию (ставка хана).

«Тумен» и эволюция этого термина

Изменяется семантика термина «тумен». Это слово обнаруживает тенденцию стать термином, обозначающим административную, территориальную единицу. Это проявилось очень ярко в Средней Азии и Иране в XV в., где кроме того «тумен» сблизился по семантике с терминами «улус» и «иль»[86].

А. Н. Насонов[87] указал на некоторые упоминания в русских ис-

[81] Например, под 1380 г. в Новгородской IV летописи и Воскресенской летописи: «Токтамыш поеть взя орду Мамаеву и царици его, и казну его и все улусы поима, и раздели богатство Мамаево дружине своей...» (ПСРЛ, т. IV, стр. 83; т. VIII, стр. 41). В Никоновской летописи: «Токтамышь взя Орду Мамаеву и царицы его, и казны его, и ордобазары его, и улусы его, и богатство его...» (ПСРЛ, т. XI, стр. 69).

[82] Сб. князя Оболенского, т. I, стр. 75—76. В грамоте Менгли-Гирея 1502 г. значится: «...писана на месте на Сарае»; «писан... на Сарае, на Ордобазаре» (Сб. РИО, т. XLI, 1884, стр. 431, см. также стр. 446). Орда-базар здесь, возможно, нечто вроде старой орды, кочующей близ столицы Бахчи-Сарая. Ордо-базарец — базарянин — купец в орде XVI—XVII вв. (Сб. РИО, т. XCV, 1895, стр. 28, 76; ПДРВ, т. VIII, 1793, стр. 249—252; т. X, 1795, стр. 29, 30, 92, 104, 105).

[83] См. А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 530—533. Встречается термин Бек-базар, Хел-бирди-базар и Джидибек-базар. Орда-базар Улу-Мухаммеда чеканила монеты по болгарской весовой норме для Волжской Болгарии в Среднем Поволжье, Орда-базар Давлет-Бирди — по сарайской весовой норме для Нижнего Поволжья, очевидно в степях Нижнего Поволжья (см. А. Г. Мухамадиев. Два клада татарских монет XV в. СА, 1966, № 2, стр. 272). Были орда-базары и у астраханских ханов, и у узбекского хана Абу-л-Хайра (см. С. К. Ибрагимов. Сочинения Масуда бен-Османа Кухистани «Тарихи Абулхаир-хани». «Изв. АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии, 1958, вып. 3, стр. 94; МИКХ, стр. 155, 515). М. Г. Сафаргалиев напрасно называет орду-базар городом (М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 209); это кочевая ставка.

[84] Например, на монетах Тимур-Кутлуга 800 г. х. в Саранском кладе русских и золотоордынских монет (хранится в Саранском краеведческом музее и в ГИМ).

[85] См. А. Г. Мухамадиев. Ук. соч., стр. 273. Заметим, что у казахов «ак-орда» и «ак-уй» одинаково употреблялись как синонимы для обозначения центральной группы кочевий (см. Т. И. Султанов. Термины «Ак-Орда», «Кок-Орда», «Юз-Орда». Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, вып. 6. М., 1970, стр. 96).

[86] См. Радлов, т. III, ч. 2, стр. 1603; В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 33, 34, 50; т. V, стр. 171, 570; В. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 50; А. А. Семенов. Очерк податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 39; его же. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. СВ, 1948, т. V, стр. 151—152. По свидетельству Бабур-намэ (XVI в.), тумен — область, где количество орошаемой земли достигает 10 тыс. танабов, а 50 тыс. — хазарэ, потому что с этого количества танабов земли достаточно дохода для 10 и 1 тыс. газиев (Бабур-намэ. Казань, 1857, стр. 161, ср. МИКХ, стр. 250, 251). Здесь явственно проступает связь «тумена» и «тысячи» как административных делений с туменом и тысячью как соответствующих кочевых держаний, способных выставить 10 тыс. или тысячу воинов.

[87] См. А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 98—99.

точниках термина «тьма» (тумен): в Любецком синодике («двенадесяте тем людей»), в Рогожской летописи под 1360 г., в Хронографе редакции 1512 г. под 1399 г. Наиболее вероятное значение этого термина в указанных источниках — количество податного населения, составлявшего феодальное держание, княжества, т. е. значение, наиболее близкое к первоначальной семантике этого термина у кочевников Золотой Орды. Это хорошо видно на примере использования этого термина Афанасием Никитиным при описании держаний индийских царьков: «...и тут есть Асатъхан .., а холоп Меликътучяров, а держит, сказывают, седмь темь от Меликтучара. А Меликтучар седит на 20 тмах»[88]. Но в русских переводах крымских ярлыков Литве 1506—1507 и 1540 гг.[89] термин «тьма» употребляется как обозначение и территориального округа, названного по имени центрального города, и в значении феодального пожалования, держания, названного по имени владельца — татарского феодала середины XV в. («Сараев сын Егалтай»). Ф. Петрунь[90], используя ряд анахронизмов в этих ярлыках, показал, что эти ярлыки восходят к редакциям эпохи Хаджи-Гирея и, быть может, Токтамыша. Следовательно, в конце XIV—XV вв. русские переводчики ярлыков и русские писатели прекрасно понимали новое значение и новые оттенки значения термина «тумен» как крупного феодального держания, определенного территориально, но сохраняли и более архаическое значение этого слова. Но позднее это новое «территориальное», «удельное» значение термина в русском языке утрачивается (есть только в указанных ярлыках как следы более раннего текста). Характерно, что, по данным И. И. Срезневского[91], «тьма» в древнерусском языке имеет значения или числительного, или большого множества.

Характерно, что в раннем ярлыке Менгу-Тимура 1267 г. упоминается «людской баскак»[92]. В поздних ярлыках «людской», в подлиннике, очевидно, улусный (вспомним основное ранее значение термина «улус» — народ, данный в удел, народ — государство) «баскак» заменяется на «даруга». «Даруга» упоминается в ярлыках русским митрополитам в трех вариантах: «волостной», «городной» и «сельный». В ярлыке Токтамыша 794 г. х. кочевому феодалу есть обращение к туменному даруге[93], в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. оседлому феодалу должно было быть обращение к даругам «внутренних селений»[94], а в ярлыке Саадет-Гирея 930 г. х. оседлому феодалу есть обращение к даругам «внутренних городов»[95].

В ярлыке Хаджи-Гирея 864 г. х., данном Кырк-Йеру, в обращении указаны «внутренних селений и городов даруги»[96]. Вероятно, «волостной даруга» в русских переводах ярлыков[97] и «туменный даруга»

---

[88] «Хождение за три моря Афанасия Никитина», стр. 14.

[89] Сб. князя Оболенского, т. I, стр. 87—89; Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II. СПб., 1848, стр. 4—5, 363.

[90] См. Ф. Петрунь. Ханьскі ярлики на Українські зимлі. «Східній світ», 1928, № 2.

[91] См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 1082.

[92] ПРП, т. III, стр. 467.

[93] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 15.

[94] Там же, стр. 10—11, 17; А. П. Самойлович. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, стр. 1112, 1123.

[95] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 17.

[96] В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8.

[97] Переводы и все «Краткое собрание ярлыков», по мнению А. А. Зимина, составлены в конце XIV в., видимо, в Московском митрополичьем доме (А. А. Зимин. Ук. соч., стр. 32).

ярлыка Токтамыша 794 г. х. — это одно и тоже, и термин «тумен» переводился русскими переводчиками словом «волость».

С течением времени «туменный» или «волостной» даруга передает название своей должности самой административной единице. У татар улус делится на дороги, у башкир мы находим продолжение этого деления: дорога делится на волости, которые соответствуют основным племенам башкир, последние делятся на аймаки. Нетрудно заметить полную аналогию деления по словарю Вефик-паши, приводившемуся выше (улус — иль — аймак и т. д.). «Иль» соответствует «дороге» и «волости», что примерно одно и тоже. И здесь та же тенденция слияния семантики терминов «тьмы — тумена», «иля», «улуса», «области — дороги».

Терминологический анализ, приведенный выше, показывает тенденцию к слиянию ряда терминов в одно понятие, служащее для обозначения большого территориального округа, феода, лена, объединяющего кочевые и оседлые земли («иль», «суюргал»)[98].

Аналогичные явления отмечаются в Монголии, где «тумен» и «улус» — это территориальное объединение кочевых феодов («отоголов»). В Золотой Орде довольно четко намечалось указанное изменение терминов «тумен» и «улус», но терминология, употреблявшаяся для обозначения кочевых феодов («иль», «суюргал»), оказалась в конце XIV—XV в. еще мало развитой. Она встречается сравнительно редко и причем только в западной части Джучидского государства. По-видимому, долго сохраняли старое значение термины «улус» и «юрт», обозначавшие население и территорию кочевого держания. Это создавало смешение терминов. Видимо, в Золотой Орде не было столь резкой, как в Средней Азии и Иране в середине и во второй половине XIV в., смены социальной терминологии.

Таким образом, мы пришли к выводу о большом архаизме и традиционности социальной терминологии в Золотой Орде во второй половине XIV в., хотя некоторые изменения семантики терминов («тумен», «улус», «орда») и появление новых терминов («суюргал») имели место.

Но следует ли отсюда, что явлений, подобных сложению суюргала в Средней Азии и Иране, в Золотой Орде не было? То есть нам предстоит выяснить, чем отличается улус и его территория — юрт в XV в. от тех же форм XIII — начала XIV в.

Из трех возможных решений вопроса, указанных выше, наиболее вероятным оказывается третье.

Рост тарханных иммунитетов. Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга

Сущность суюргала как ленного владения заключалась в возрастании иммунитетов, в установлении иммунитета не только налогового, но и административно-судебного, что обозначало закрепощение и усиление эксплуатации сидящих на территории суюргала непосредственных производителей[99].

[98] Это, например, отразилось в том, что казахское племя или союз племен, а точнее — население, составлявшее удел какого-либо крупного хана, стало именоваться «жуз» (сотня), т. е. термином, заимствованным, как и «тьма», «тумен», из военно-ленной терминологии ранней Золотой Орды. В. В. Бартольд также отмечал сближение семантики терминов «иль», «улус» и «тумен». Он писал, что эти термины одинаково употребляются для обозначения «большого племени» (В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 49—50), что не совсем точно. Эти термины имеют иной социальный смысл в эту эпоху, будучи связанными с понятием кочевого держания, феода. Сближение «тумена», «улуса» и «иля» действительно было, но разные оттенки этих терминов имели место, отражая разные аспекты кочевого владения.

[99] Б. Н. Заходер так определял сущность суюргала: «...в крупном суюргале объединяются в одних руках земледельческий округ и кочевая степь» (Б. Н. Заходер.

Подобные явления в Золотой Орде нашли выражение в развитии во второй половине XIV в. тарханства и тарханных владений, т. е. владений, освобожденных от вмешательства власти хана. Суюргал образовался из тарханных пожалований [100]. Основным нашим источником в этом вопросе являются ярлыки конца XIV в. В первой половине XIV в. тарханное достоинство дается почти исключительно духовенству [101]. Кочевая степь, видимо, еще не знает широкого распространения тарханных владений.

В конце XIV в. тарханные пожалования в степи становятся, вероятно, более частыми. Мы знаем, что кок-ордынский феодал Кунче-Оглан получил тарханство для своего «иля» и «вилайета» [102].

Для конца XIV в. мы располагаем двумя тарханными ярлыками: Токтамыша 794 г. х. и Тимур-Кутлуга 800 г. х.

В ярлыке Токтамыша содержится освобождение от повинностей хозяйства кочевого феодала Бек-Ходжи. А. Н. Самойлович хорошо обосновал его изначальный характер [103]. Перед нами тарханное владение, восходящее к эпохе Токтамыша.

В ярлыке Кутлуг-Тимура содержится перечисление иммунитетов оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства. Ярлык этот подтвердительный. Им подтверждаются тарханные права, данные братом этого хана отцу некоего Мухаммеда. Таким образом, тарханство в данном случае не древнее. Оно относится к неизвестному хану, брату Тимур-Кутлуга, выходцу, как и этот хан, из левого крыла. Следует отметить, что золотоордынским ханом никто из братьев Тимур-Кутлуга не был. Видимо, здесь ошибка: имеется в виду какой-то родственник, возможно, отец (Тимур-Мелик) или дед (Урус), оба бывшие ханами в 1370-х годах. Так или иначе дача тарханного достоинства не могла быть ранее 1360—1370-х годов, так как до этого времени не было в Сарае ханов из левого крыла [104], а хан,

---

История восточного средневековья. М., 1944, стр. 117—118). В значительной мере это относится и к икта. Отличие икта от суюргала, очевидно, заключается в развитии в суюргале административно-судебного иммунитета (И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.— Л., 1960, стр. 264; см. также И. П. Петрушевский. К истории института суюргала. СВ, 1949, т. VI, стр. 237—238, 244, 245, 284; V. Minorsky. A Soyūrghāl of Qāsim b. Johāngir Aq-Quyunlu. Bull. of the Sckool of Oriental and African Studies. University of London. v. IX, p. IV, 1939, p. 945.

[100] U. F. Schurmann. Mongoliac tributary practicus of the thirtheenth century. «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1956, № 3—4, p. 324.

[101] Это отметил Насир ад-Дин Туси в Иране (M. Minovi and V. Minorsky. Nasir al-Din Tusi on finance. BSOAS, № 10, 1940, p. 776).

[102] Тизенгаузен, т. II, стр. 18.

[103] См. А. Н. Самойлович. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Токтамыша.

[104] Ярлык Тимур-Кутлуга 800 г. х. в этом отношении несколько противоречиво указывает на то, что предки Мухаммеда «жили на правах истинного тарханства, утвержденного пайзой (и) ярлыком, со времени давно бывшего Саин-хана (т. е. Бату)...». Затем ярлык определяет начало тарханства пожалованием, данным братом Тимур-Кутлуга отцу Мухаммеда. Обратимся к другим ярлыкам, большинство из которых является подтвердительными. В них ссылка на давность тарханства, якобы восходящего ко времени Саин-хана, лишена реального содержания, равносильна понятию «истинный», т. е., очевидно, «древний», тархан. Например, ярлык Тюляка 1379 г., подтверждающий ярлык Бирдибека и Азиза, содержит имя Чингис-хана, якобы первого, давшего иммунитет, что совершенно невозможно, и является только иносказанием (ПРП, т. III, стр. 465). То же в ярлыках Менгу-Тимура и Бирдибека (ПРП, т. III, стр. 467—469). Но остается вопрос о том, представляет ли акт брата Тимур-Кутлуга изначальное пожалование или лишь подтверждение уже существующего тарханства. Рассмотрим аналогичные случаи в других ярлыках (русскому духовенству): ярлык Бирдибека ссылается на акт 708 г. х. (1307—1308 гг.). Ярлык Тюляка — тоже на акт 708 г. х., а также на последующие подтверждения его в ярлыках

правивший в левом крыле, не смог бы дать ярлык, относящийся к Крыму.

Существенной деталью ярлыка Тимур-Кутлуга является то, что он утверждает наследственное тарханство. Этот момент не может быть не оценен при изучении перехода от условного пожалования XIII — начала XIV в. к кочевому феоду конца XIV в. Однако каждый раз при смене держателя или хана традиция требовала нового, пусть формального акта.

Сравнение двух ярлыков Токтамыша 794 г. х. и ярлыка Тимур — Кутлуга 800 г. х. очень интересно. Время и место, указанные в них, примерно одинаковы — это Крым конца XIV в. Но в первом случае ярлык пожалован кочевому феодалу, во втором — оседлому. Сопоставление этих двух документов может пролить свет на различия в положении кочевого и оседлого феодала. Рассмотрим начальные строки актов, где перечисляются те лица, которым надлежит выполнять ярлыки.

Ярлык Тимур-Кутлуга оседлому феодалу 800 г. х. (1397/1398 г.):	Ярлык Токтамыша кочевому феодалу 794 г. х. (1391/1392 г.):
правого и левого крыла уланам тысяцким сотским десятским бекам во главе с темником Едигеем, внутренних селений даругам,	Крымского тумена даругам во главе с Кутлуг-Букой, бекам,
кадиям,	кадиям,
муфтиям,	муфтиям,
шейхам,	шейхам,
суфиям,	суфиям,
писцам палат,	писцам палат,
таможенникам,	таможенникам,
сборщикам податей,	сборщикам податей,
мимохожим и мимоезжим послам,	
букаулам,	букаулам,
заставщикам,	заставщикам,
почтовым (ямщикам),	
кормовщикам,	
сокольникам,	
барсникам,	
лодочникам,	каким-то ни было мастерам.
мостовщикам,	
базарному люду.	

Бирдибека и Азиза. Отсутствие ссылок на предшествующие грамоты в ярлыке Джанибека объясняется, как показал М. Д. Приселков, новизной содержания последнего, идущего вразрез с актом 708 г. х., и, видимо, с аналогичным актом Узбека (М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916, стр. 72—78). Ярлык Менгу-Тимура отличен от ярлыка 708 г. х. (если прав М. Д. Приселков, что в ярлыках Бирдибека и Тюляка этот акт 708 г. х. повторен). Поэтому-то нет ссылок на этот более ранний акт в Бирдибековском ярлыке. Думается, что ярлык 708 г. х. самый древний в этой серии ярлыков, он изначальный, а не подтвердительный. Следовательно, в случае отсутствия существенных изменений в подтвердительном ярлыке указывается изначальный акт, а затем подтвердительные. Можно думать поэтому, что если бы акт 708 г. х. был не изначальным, то в ярлыке Бирдибека и Тюляка был бы до него указан изначальный акт. Следовательно, раз в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. нет ссылки на более раннее пожалование, чем акт его брата отцу Мухаммеда, мы можем это тарханное пожалование отцу Мухаммеда считать изначальным.

Некоторые лица в ярлыке Токтамыша не названы и заменены выражением «каким-то ни было мастерам», перечисление огланов левого и правого крыла заменено выражением «Крымского тумена даругам», перечисление тысяцких, сотников и десятников заменено одним словом — «беки». Опущены в ярлыке Токтамыша «внутренних селений даруги» (можно предполагать, что эти даруги были в оседлых районах). В остальном порядок лиц, указанных в ярлыках Токтамыша и Тимур-Кутлуга, совпадает. Существенны ли эти расхождения? К сожалению, мы не знаем других золотоордынских ярлыков, данных кочевым и оседлым феодалам, и не можем исследовать серию ярлыков этого типа. Но отсутствие «внутренних селений даругов» в ярлыке кочевому феодалу примечательно. Кроме того, сокращение перечисления должностных лиц косвенно свидетельствует, быть может, о меньшей зависимости кочевого держания от всего этого чиновничьего мира. Характерно, что оставлены мусульманские религиозные должности. Это может говорить об успехах ислама в среде кочевой аристократии.

Повинности кочевого и оседлого населения в конце XIV в.

В ярлыке Токтамыша 794 г. х. имеется выражение: تومان سليغين قسمتين, т. е. «раскладку областных подушных» (в переводе И. Н. Березина) или «раскладку и раздел в тюмень» (в переводе В. В. Радлова) [105]. Словом «область» И. Н. Березин переводит слово «тумен». Этот же налог («салыг»), который И. Н. Березин переводит как «подушная» [106], а В. В. Радлов как «раскладка» [107], упоминается в том же ярлыке Токтамыша в перечне повинностей, от которых освобождало тарханство: سليغ مسمى «называемые подушные» (в переводе И. Н. Березина). В ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. «салыг» назван вместе с «каланом» и «ясаком»: تاماليق قسمت قبور ياساغى قلان مسما سالبغ بورج خرج «дань, раскладываемую на подданных, оброк, называемый подушные, недоимки, выходы» (в переводе И. Н. Березина) [108] или «ясак с арыков, собираемый с подданных по раскладке, и подать и расходы, называемые каланом» (в переводе В. В. Радлова) [109].

Существует еще одно толкование этого места, предложенное Х. Шурманном, который считал, что слова «табанлык касымат кубур

---

[105] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 15; его же. Очерк.., стр. 455; B. Spuler. Op. cit., S. 338; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 34.

[106] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 15; его же. Внутреннее устройство Золотой Орды. Казань, СПб., 1850, стр. 17—20; его же. Очерк.., стр. 471.

[107] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 34.

[108] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство, стр. 18. В работе «Очерк внутреннего устройства...» И. Н. Березин ошибочно переводит слова «кубур ясахи» как «налог на четвероногих» (см. И. Н. Березин. Очерк.., стр. 475), сопоставляя слово «кубур» с термином «копчур».

[109] См. В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 34—35.

ясаки» означают три категории ясака, но различий между ними он не дает. Л. З. Будагов слово «табанлык» в этом ярлыке переводил как «мостовщина»[110] («подать за переходы или переправы по раскладке на мостовщину»).

В ярлыке Саадет-Гирея 930 г. х. «калан» назван вместе с «ясаком» («оброк, называемый ясак» — в переводе И. Н. Березина или «ясачный оброк, оброчный ясак»), а «салыг» — отдельно, в другой части перечисления повинностей, от которых освобождает тарханство, причем в том же словосочетании, как и в ярлыке Токтамыша 794 г. х.[111]. В том же словосочетании есть термин «салыг» и в ярлыке Селямет-Гирея 1017 г. х.[112].

В ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея 929 г. х. «ясак», «калан» и «салыг» названы вместе (причем «салыг» в том же словосочетании, как в ярлыках Токтамыша 794 г. х. и Саадет-Гирея 930 г. х.): оброк, подать, именуемую салыг» (в переводе С. Вахидова)[113], «ясак, калан и подушный налог» (в переводе Ш. Ф. Мухамедьярова)[114].

В ярлыке Ислам-Гирея 993 г. х. (в переводе Биярславнова) имеется выражение «дарственные сборы, именуемые салыгом»)[115].

«Ясак» и «калан» названы вместе в крымских ярлыках 864 и 872 г. х.[116].

Приведенные варианты перевода расходятся в толковании слов

, употребленных с собственно налоговыми терминами, отчего фрагментам текста придается либо разъяснительный, либо перечислительный смысл. С. Е. Малов при переводе ярлыка Хаджи-Гирея придавал этим словам перечислительный смысл, переводя их словами «называя», «говоря»[117]. Правомерность его переводов подтверждается и тем, что в ярлыках имеются такие случаи, когда эти слова стоят при налоговых терминах так, что разъяснительный смысл им придать невозможно, например в ярлыке Токтамыша 794 г. х. и Саадет-Гирея 930 г. х.

Мы склонны считать, что «ясак», «калан» и «салыг» были тремя самостоятельными налоговыми терминами и обозначали разного рода повинности. Это подтверждается ярлыком Саадет-Гирея 930 г. х., в котором «салыг» назван обособленно от «ясака» и «калана». И. Н. Березин заметил, что в русских актах «ясак» — дань отличается от «калана» — оброка[118].

Следовательно, указанному месту из ярлыка Тимур-Кутлуга 800 г. х. можно придать перечислительный смысл: «ясак с арыков, собираемый по раскладке, (так) называемый калан, салыг, бурч, харадж». Последние два термина И. Н. Березин переводит как «недо-

---

[110] H. Schurmann. Op. cit., p. 310; З. А. Будагов. Ук. соч., стр. 328.

[111] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 22; его же. Внутреннее устройство.., стр. 17, 20; B. Spuler. Op. cit., S. 318.

[112] См. З. А. Фирковичъ. Ук. соч., стр. 58, 63, 64.

[113] См. С. Вахидов. Ук. соч., стр. 32—33.

[114] См. Ш. Ф. Мухамедьяров. Ук. соч., стр. 107, 109.

[115] Ф. Ф. Лашков. Сборник документов... ИТУАК, № 22, стр. 95.

[116] См. В. Д. Смирнов. Ук. соч.; И. Н. Березин переводит «калан» как подать в ярлыке Нур-Давлет-Гирея 872 г. х. (И. Н. Березин. Тарханные ярлыки.., стр. 4—5).

[117] С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 190.

[118] И. Н. Березин. Очерк.., стр. 471; Б. Шпулер сопоставляет калан с «пошлиной» (B. Spuler. Op. cit., S. 335).

имки» (и как «расходы»), «выход», а В. В. Радлов — одним словом — расходы [119].

К сожалению, у нас почти нет данных для характеристики этих податей в Золотой Орде, да и в других районах тюркского и монгольского мира XIII—XIV вв. [120]. «Салыг» в ярлыке Токтамыша назван как подать, раскладываемая в тумене. Именно это, видимо, дало возможность и И. Н. Березину, Б. Шпулеру и Ш. Ф. Мухамедьярову переводить этот термин как «подушная», а ясак — как повинность земледельческая, судя по ярлыку Тимур-Кутлуга, раскладываемая по орошенным землям, — нечто вроде поземельной подати.

Но оба эти разъяснения терминов «салыг» и «ясак» основаны на толковании слова «касимат» как определения к этим налоговым терминам. Однако надо учесть, что в Иране был особый налог «касимат», наиболее вероятное значение которого было «часть», «доля», «распределение», «раскладка», «разверстка». И. П. Петрушевский полагает, что это в Иране было мелкое постатейное обложение хозяйственных объектов [121]. Не исключено, что в ярлыках Токтамыша и Тимур-Кутлуга назван особый налог — «касимат».

Позднее, на землях распавшегося Улуса Джучи ясак стал основным видом обложения населения, поступавшего главным образом в казну. Он известен как татарский побор на Руси XV—XVI вв. [122]. В Казанском ханстве это был основной вид подоходно-поземельного налога с подчиненного нетатарского населения. Он собирался с полей, бортных угодий, охотничьих угодий и т. п. В XVI в. становится фиксированной денежной или натуральной повинностью с используемой пашни [123]. В Сибири в XVI—XVII вв. ясак был подушной натуральной повинностью [124]. От уплаты ясака освобождала тарханная грамота русского царя [125]. Известен был и салыг (у казахов, киргизов и др.) [126]. Характерно отсутствие ясака в ярлыке кочевому феодалу, выданном Токтамышем в 794 г. х. Это подтверждает отличие ясака от салыга, который имеется в обоих ярлыках: и кочевому и оседлому феодалу, следовательно, представлял собой подать, уплачиваемую и кочевниками и оседлыми земледельцами. Что касается калана, то в собственно золотоордынских актах нет никаких разъяснений этому термину. В иранских актах того же времени он наличествует и, видимо, обозначает поземельную подать в отличие от копчура — подати, главным образом подушной; иногда калан обозначал поставки в пользу армии

[119] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство.., стр. 18; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 20—21, 35.

[120] В уйгурских текстах XII—XIV вв. есть термины «калан», «ясак», «салыг» (ДС, стр. 34, 410, 482).

[121] V. Minorsky. Op. cit., p. 948; И. П. Петрушевский. Земледелие.., стр. 381—382; А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в Хулагуидскую эпоху. СВ, 1948, т. V, стр. 117; H. Schurmann. Op. cit., p. 356.

[122] Ясак в XVI в. с русских земель в русских переводах татарских актов, видимо, приравнивался к «даням» и «выходам». Ср. «одоевский ясак» (ярлык Мухаммед-Гирея Василию III 925 г. х.) и «дани и выходы» с Одоева (ярлык Менгли-Гирея 913 г. х.). См. Сб. РИО, 1895, т. XCV, стр. 638; Сб. князя Оболенского, т. I, стр. 87—89. Но в договорной грамоте рязанских князей 1496 г. ясак и выход упомянуты отдельно (СГГД, т. I, стр. 321, 326; ДГГ, стр. 284, 288, 333, 338).

[123] См. В. В. Дмитриев. О ясачном обложении в Среднем Поволжье. ВИ, 1956, № 12, стр. 107—115.

[124] См. С. В. Бахрушин. Научные труды, т. IV. М., 1954, стр. 53.

[125] См. В. В. Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. ЗАН, 1864, т. IV.

[126] МИКХ, стр. 317—339; Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. Зап. ХНИИЯЛИ, 1947, вып. I, стр. 26.

или вид кормления [127]. И. П. Петрушевский предполагает, что в Иране калан был в некоторых случаях синонимом хараджа (главный вид поземельной подати), но для этого предположения мало оснований. Калан был известен в Крымском ханстве XVI в. [128].

Терминология золотоордынской налоговой системы была рассмотрена Х. Шурманном в связи с изучением налогов в монгольских государствах вообще [129]. Он считал, что еще с первых десятилетий образования монгольской империи налоги делились на регулярное обложение и на чрезвычайные сборы, раскладываемые по улусам. Х. Шурманн приводит такую таблицу:

Таблица 2

	Регулярные налоги	Сборы
Монголия	албан	кубчири
Иран	калан	копчур
Русь	дань	пошлина
Золотая Орда и Средняя Азия . .	калан	ясак

Таким образом, специфика канала, во всяком случае первоначально, заключалась в его регулярности (по мнению Х. Шурманна), а сам термин происходил от монгольского термина «албан» [130].

Подчеркивая смешение налоговых терминов в более поздний период, Х. Шурманн бессилен дать конкретное разъяснение содержания налоговых терминов.

«Харадж» упомянут в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. и в более поздних ярлыках [131]. Харадж — просто налог в татарском языке: подать с дыма, земская подать; подарочный расход, в значении «трата», «расход» в актах армянополовецкой общины в Каменец-Подольской области [132].

«Бурч» в большинстве тюркских языков имеет значение «долг», «задолженность» [133], и предложенный И. Н. Березиным перевод этого слова кажется нам наиболее удачным («недоимки»).

В ярлыках русским митрополитам указываются кроме конкретных повинностей, о которых речь пойдет ниже, несколько общих неопределенных сборов: «дань» (в ярлыках 1267, 1357, 1379 гг.), «пошлина» (в ярлыках 1347, 1351, 1357, 1379 гг.), «запросы» (в ярлыках 1351, 1357, 1379 гг.), «дары» (в ярлыках 1351, 1379 гг.), «мзда» (в ярлыке 1347 г.) [134]. Соотнести точно тюркские налоговые термины с их переводами на русский язык не представляется возможным, хотя предположения делались. Следует сказать, что русский древний переводчик нигде не придал своему переводу, содержащему несколько налоговых терминов, разъяснительный смысл.

---

[127] См. И. П. Петрушевский. Земледелие.., стр. 384.

[128] См. Ф. Ф. Лашков. Сборник документов.., стр. 88, 127.

[129] См. H. Schurmann. Op. cit., pp. 310, 358.

[130] C. W. Hinz. Zwei Steuerbetreiungsurkunden. DII. Berlin, 1952, S. 214.

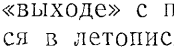
[131] См. С. Вахидов. Ук. соч., стр. 32—33; Ш. Ф. Мухамедьяров. Ук. соч., стр. 108, 109 («пошлина» в переводе Ш. Ф. Мухамедьярова, С. Вахидов термин не переводит); З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 58, 63; B. Spuler. Op. cit., S. 318.

[132] Документы.., стр. 411.

[133] Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 275; B. Spuler. Op. cit., S. 319.

[134] ПРП, т. III, стр. 467 и сл. О «запросах» в пользу Джучидов с русского населения упоминается в русских летописях (ПСРЛ, т. XV, ч. I, стр. 66).

В русском изложении письма Токтамыша Ягайле говорится о «выходе» с подвластных хану земель. Этот «выход» часто встречается в летописях. Этому слову в оригинале соответствует слово



, которое И. Н. Березин переводил как «выходы», «расходы», а В. В. Радлов как «дань»[135]. Конкретное содержание этого побора или налога также не устанавливается. В ярлыке Токтамыша 794 г. х. этот термин обозначает какие-то платежи, причем ему придается очень общий смысл. В этом ярлыке после этого слова идет термин «надбавка» (в переводе И. Н. Березина). Это словосочетание Л. З. Будагов переводит как «налог на расходы»[136].

Кроме указанных выше податей в ярлыках Токтамыша 794 г. х. и Тимур-Кутлуга 800 г. х. указаны следующие повинности и налоги:

выставление «подвод, корму» — в ярлыке Токтамыша и

«скотов их в подводы да не забирают; постой да не ставят; кормов и содержания да не требуют» (в переводе И. Н. Березина)[137], «со скота их не берут подвод, не назначают постоя и не требуют с них ни пойла, ни корма» (в переводе В. В. Радлова)[138] в ярлыке Тимур-Кутлуга. Выше мы указали на существование должности кормовщика («сусунчи») в Золотой Орде.

Повинность, кормовая и подводами, была указана еще в XIII в. в тексте Карпини и ярлыке Менгу-Тимура 1267 г., а в XIV в.— в ярлыках митрополитам: «...ни подвода, ни корм, ни питье...» (ярлыки 1357, 1379 гг.), «...ни подвода, ни корм» (ярлыки 1351 г.). Постойная повинность указана в ярлыках 1351, 1357, 1379 гг.[139]. Н. И. Веселовский ошибочно считал, что «подвода» означала обязанность подводить верховую лошадь[140]. Кормовая, подводная и постойная повинности указаны в крымских и казанских ярлыках XV—XVII вв.[141].

Эти повинности для обеспечения перевозок известны были у монголов XIII в., в Хулагуидском Иране, в государстве Тимура.

---

[135] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I, стр. 51; его же. Внутреннее устройство.., стр. 18, 20; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 6, 14. В письме Едигея Василию имеется упоминание «выхода» (ПСРЛ, т. XI, стр. 210).

[136] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 15; его же. Внутреннее устройство.., стр. 18; Л. З. Будагов. Ук. соч., т. II, стр. 224.

[137] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10, 11, 15; его же. Внутреннее устройство.., стр. 18, 20.

[138] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 36, 37.

[139] «Путешествия...», стр. 45—46; ПРП, т. III, стр. 465—470.

[140] ЖМНП, 1917, № 2—3, стр. 127.

[141] См. С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 190; В. Д. Смирнов. Ук. соч., стр. 8—11; И. Н. Березин. Тарханные ярлыки.., стр. 2—5; его же. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 20 -21; С. Вахидов. Ук. соч., стр. 32—33; Ш. Ф. Мухамедьяров. Ук. соч., стр. 108—109; М. Гусманов и др. Ук. соч., стр. 148—150; З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 58, 63, «Алафе — корм» — такая повинность была в Хулагуидском Иране (см. И. П. Петрушевский. Земледелие.., стр. 384 и сл.).

Имелась амбарная повинность: انبار حقی ایکین خرتیلاماسونلار.

«...Да не требуют на амбары хлебного харчу...» (в переводе И. Н. Березина) в ярлыке Токтамыша 794 г. х.[142], امبار مالی — «амбарная пошлина» в ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х.[143]. Амбарная пошлина названа в более поздних крымских[144] ярлыках. «Амбарщина» взималась с торговых помещений в Казани в XVI в.[145]. «Мал» — налоговый термин в Хулагуидском Иране, обозначавший как денежный, так и натуральный налог[146].

В ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. названа بورلا تمغاسی «бурловая» или «житная тамга» (в переводе И. Н. Березина, который не знал значения слова «бурла»)[147].

В связи с этим следует вспомнить название чиновника в Золотой Орде в русских переводах татарских ярлыков митрополитам: «бураложник». А. Н. Самойлович сопоставляет его с букаулом. Невыясненный термин «бураложник», быть может, окажется возможным сопоставить с бурловой тамгой[148]. В. В. Радлов переводил эти слова как «повинность с виноградников»[149].

В ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. названа تمغا — «тамговая пошлина» (в переводе И. Н. Березина), «гербовая пошлина» (в переводе В. В. Радлова)[150]. В Иране XIII—XIV вв. «тамга» означала подать с городского ремесла и занятий, налог на купцов и ремесленников, но взималась и с земледельческого населения[151]. Вспомним, что был административный пост в Золотой Орде — «тамговщики». «Тамга» как повинность, от которой освобождал ярлык, упомянута в ярлыке Менгу-Тимура русскому духовенству 1267 г.[152]. «Тамга» упоминается также в летописях как дань с русского населения[153]. Тамга была известна у ногайцев и в Крыму XVI в. и т. д.[154].

[142] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 15.

[143] Там же, стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство Золотой Орды, стр. 17; B. Spuler. Op. cit., S. 318; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 34.

[144] См. И. Н. Березин. Тарханные ярлыки.., стр. 4—5; его же. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 20.

[145] Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. 1877, стр. 58.

[146] См. И. П. Петрушевский. Земледелие.., стр. 373.

[147] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство, стр. 17; B. Spuler. Op. cit., S. 318. «Бурла» — печать продолговатой формы, в конце XIX в. употребляемая только при Хивинском дворце (Л. З. Будагов. Ук. соч., т. I, стр. 276). «Буралка» — повинность, известная в Крымском ханстве (Ф. Ф. Лашков. Сборник документов.., стр. 88, 127).

[148] H. Schurmann. Op. cit., p. 346.

[149] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 34.

[150] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство..., стр. 18; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 35.

[151] См. В. В. Бартольд. Соч., т. IV, стр. 317 и сл.; И. П. Петрушевский. Ук. соч., стр. 386; B. Spuler. Op. cit., S. 317.

[152] ПРП, т. III, стр. 467.

[153] НIЛ, стр. 82 и др.

[154] ПДРВ, т. X, стр. 59. В поздних переводах ярлыков Гиреев (XVI в.) тамга — сбор с купцов (см. Сб. РИО, 1895, т. XCV, стр. 27, 30, 76, 146, 246, 303).

В том же ярлыке имеется упоминание — ايندير حقى «плата за гумно», упоминаемая также у Рашид ад-Дина [155].

В ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. указана пошлина — ترتناق «весовая» (в переводе И. Н. Березина и В. В. Радлова), налог с ввоза и вывоза (по Б. Шпулеру) [156]. Имелась административная должность в Золотой Орде «тартанакчи», описанная выше.

При перечислении административных постов в ярлыках «тамгачи» и «тартанакчи» встречаются вместе, что говорит о сопряженности этих должностей. Можно предполагать, что это — сборщики подати и пошлин на дорогах и таможенных заставах. В ярлыках при перечислении повинностей, от которых тарханство освобождало, эти подати также указывались часто вместе [157].

В ярлыке Тимур-Кутлуга 800 г. х. говорится:

ترخان ليق تبان ليق يول حقى قراول لوق
تيلا ماسون لر

«...для тарханской горной дороги да не требуют караулов...» (в переводе И. Н. Березина) [158]. В. В. Радлов это место переводит как «...не требуют с них ни дорожной платы, должной от тарханов и служителей, ни платы в караулы», имея в виду две повинности [159]. Эта последняя повинность названа в ярлыке Хаджи-Гирея 857 г. х. [160].

Известен также по договорам с генуэзскими колониями в Крыму налоговый термин «comerihum», по мнению В. Юргевича, означавший таможенную пошлину (у татар — гюмрюк). В уставе 1449 г. для генуэзских колоний в Крыму есть статья о ханских сборщиках этой пошлины [161].

В I главе мы уже описали ряд поборов, которые еще с XIII в. взимались с оседлого населения и были распределены при помощи переписи. Позднее на Руси в пользу хана и его администрации собиралась кроме прочих «даней и выходов» (содержание их неопределенно) «поплужная» повинность [162] — дань, взимаемая с плуга, аналогичная «поральному серебру» и «посошному» [163]. Имелись специальные «поплужники», очевидно, для сбора этой дани.

---

[155] См. И. Н. Березин. Ук. соч., стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство.., стр. 17—18; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 35.

[156] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство.., стр. 17—18; В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 6—7; B. Spuler. Op. cit., S. 318.

[157] См. С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 189—190; И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 20; его же. Тарханные ярлыки.., стр. 5; З. А. Фиркович. Ук. соч., стр. 58, 63.

[158] И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 10—11; его же. Внутреннее устройство.., стр. 19.

[159] В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 21, 35.

[160] См. С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 190.

[161] См. В. Юргевич. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. ЗООИД, 1863, т. V, стр. 829.

[162] ПРП, т. III, стр. 467; B. Spuler. Op. cit., S. 338.

[163] О посошном серебре см. ПСРЛ, т. XI, стр. 210 (в письме Едигея Василию I).

От всех этих налогов или части их освобождал тарханный ярлык, но помимо иммунитетов важно отметить и другую сторону социальной формы, получившей в Средней Азии и Иране название «суюргал» — это объединение в больших ленных владениях кочевых и оседлых (городских и сельскохозяйственных) районов и вычленение их из общей системы государства. Тенденцию к этому объединению и обособлению можно проследить на нумизматическом материале [164].

Образование локальных вариантов денежного обращения и рост децентрализации

Реформа хана Токты 710 г. х. (1310/1311 г.) обеспечила при Узбеке нивелировку денежного обращения Южного Поволжья и Северного Кавказа. В 1340-х годах денежный рынок Волжской Болгарии еще сохраняет некоторое своеобразие, связанное с чеканкой здесь до 1330-х годов местного дирхема. Но уже в 1350—1360-х годах большая территория, охватывающая все золотоордынское Поволжье, мордовские земли, Северный Кавказ, Приазовье и Крым, не дает никаких серьезных отличий в составе серебряного денежного обращения. Всюду господствует столичный дирхем чеканки Нового Сарая и Гюлистана. Это был кратковременный период некоторого единства (конечно непрочного, относительного) Золотой Орды. Но в конце 1360—1370-х годов XIV в. выделяются так называемые «нумизматические провинции», внутри которых крепнут внутренние экономические связи, охватывающие районы, тяготеющие к определенным экономическим центрам. В конце XIV века это — Азак и степи в низовьях Кубани, Дона и Донца (здесь преобладает в обращении азакский дирхем); Приазовье (здесь обращается дирхем, чеканенный в Орде); Сарай и Нижнее Поволжье (здесь обращаются серебряные монеты столичной чеканки); Среднее Поволжье (здесь ходят старые, обрезанные под новый вес дирхемы, а в начале XV в. — новые монеты Болгара и Нового Болгара); в начале XV в. — Приднепровские степи и Молдавия. В течение всего золотоордынского периода Хорезм и низовья Сырдарьи составляли особую нумизматическую провинцию.

Формирование локальных вариантов денежного обращения в конце XIV в., при котором Дешт-и-Кыпчак оказывается расчлененным между несколькими «нумизматическими провинциями», не означало широкого проникновения монет в среду номадов. В первой части нашего исследования [165] мы стремились показать ограниченность этого проникновения. Клады и отдельные находки в степи монет могли сохраниться от деятельности купцов, путешественников, кочевой аристократии. Столичные серебряные монеты в середине XIV в. легко разносились торговлей по всей державе, легко переносились купцами и путешественниками через степи, разделявшие города и городские зоны Золотой Орды. Но в конце XIV — начале XV в. в степях возникают какие-то границы, какие-то барьеры вследствие экономического тяготения отдельных районов к определенным центрам. Наряду с «трансстепными», междугородними связями и поездками существенными становятся торговые связи внутри этих «нумизматических провинций», не выходящие за их границы и насыщающие рынки местной монетой [166].

---

[164] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1960, т. I; его же. Находки джучидских монет. НЭ, 1964, т. IV.

[165] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 212 и сл.

[166] Примерно к этому же времени, видимо, относится возникновение представлений в канцеляриях Египта о членении Золотой Орды на административные деле-

Примеры новых форм феодальных держаний

Видимо, типичной новой формой кочевого удела, сходного с суюргалом, было держание Ходжи-Черкеса (по монетам Черкес-бека)[167]. Известно, что экономическим центром его владений был Хаджи-Тархан. Но в их составе были и достаточно обширные кочевые угодья вокруг Хаджи-Тархана. Во всяком случае, как отметил М. Г. Сафаргалиев, на карте Пицигани 1367 г. кочевая ставка Ходжи-Черкеса отстоит на довольно большое расстояние от этого города, расположена выше Хаджи-Тархана[168]. Ходжи-Черкес владел своим уделом еще в 1374 г., когда он выпустил в этом месте монету со своим именем[169]. В 1375 г. уже упоминается другой владелец Хаджи-Тарханского «суюргала», некий Салчей, якобы внук Джанибека[170].

Другим таким феодальным владением было держание Ай-бека из рода Шибана в районе Сарайчика. М. Г. Сафаргалиев показал, что это были владения Ай-бека, который упоминается как хан, захвативший Сарай после Ходжи-Черкеса[171]. Он обратил внимание на существование сарайчикских монет 775 г. х. (1374 г.) с именами Алп-Ходжи и Ильбан-хана, опубликованных Х. М. Френом и П. С. Савельевым. П. С. Савельев отождествил Ильбана с Шибанидом Ильбаком, известным по письменным источникам[172]. М. Г. Сафаргалиев считал, что имя Алп-Ходжа на монетах следует читать как Али-Ходжа и это одно и то же лицо, что и Ильбан (Ильбак). Этот вопрос остается открытым. Следует отметить близость имен сына Ай-бека Кари и сына некоего Шибанида Иль-бека (может быть, Ильбака) по имени Каан-бай (вероятно, Каган-бек)[173]. Ай-бек был эмиром Бирдибека, завладел своим улусом и чеканил монеты в Сарайчике. Сараем Ай-бек завладел только после Черкеса. Позднее, в 1375 г., Сарайчикским уделом, возможно, владел после потери Сарая сын Ай-бека Кари-хан

ния (иклимы). У ал-Калкашанди указаны следующие области: Хорезм, степи вокруг столицы Сарая (Нижнее Поволжье), Хазария с главным городом Баланджар в Дагестане, Северо-Восточный и Центральный Северный Кавказ, Крым, Азов и прилегающие области с включением Керчи, Тамани и Нижней Кубани, Черкесия, Волжская Булгария, Валахия и Болгария на Дунае, страна асов в горном Крыму, Русь. Надо думать, что именно по этим зонам шло раздробление Золотой Орды (ал-Калкашанди, т. IV, стр. 451—477).

[167] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 389—390. Ходжи-Черкес был «походным эмиром» Бирдибека. В. Г. Тизенгаузен предположил, что он был «эмиром левого крыла». А. Ю. Якубовский принял это за факт (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 286) без достаточных оснований. Но Черкес, очевидно, действительно происходил из левого крыла, так как во второй редакции «Анонима Искандера» он назван в числе ханов левого крыла (Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i-Mu'ini, pb. par J. Aubin. Teheran, 1957, стр. 87, на персидском языке).

[168] На карте Пицигани на Нижней Волге помечено «casa de Jarcasi». Ф. Ф. Чекалин. Саратовское Поволжье XIV века по картам того времени и археологическим данным. ТСУАК, 1889, т. II, вып. 1, карта.

[169] См. Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева. СПб., 1832, стр. 22; А. К. Марков. Ук. соч., стр. 860; ибн-Халдун писал, что Ходжи-Черкес, Урус-хан и Ай-бек «правили своими владениями самостоятельно» (Тизенгаузен, т. I, стр. 389).

[170] ПСРЛ, т. XI, стр. 24; т. XVIII, стр. 117; М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 127.

[171] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 126; Тизенгаузен, т. I, стр. 391, 406, 407.

[172] Rec., p. 299; П. С. Савельев. Монеты ханов Джучидов, Джалаиридов, Джагатаидов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша. СПб., 1858, вып. 2, стр. 227—229; А. К. Марков. Ук. соч., стр. 477; Тизенгаузен, т. II, стр. 55.

[173] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 128; П. С. Савельев. Ук. соч., вып. 1, стр. 59—60; вып. 2, стр. 229—230; Тизенгаузен, т. II, стр. 55.

(может быть, это Каган-бек, который чеканил монеты в Сарае). Потом Сарайчик был захвачен Шибанидом Арабшахом.

Владение типа суюргал, почти независимое от центральной власти, было у Мамая, бывшего темником при Бирдибеке и ставшего потом одним из старших эмиров. В 1361 г. он организовывает заговор против Тимур-Ходжи. Он был зятем хана Бирдибека и этим в значительной степени объясняется его успех в политике. Уделом Мамая были степи и города Крыма, хотя ряд торговых городов полуострова, где большую роль играли итальянцы, получил статус автономии. Так же, как Ай-бек и Черкес, Мамай горел желанием завоевать Сарайский престол и овладеть всем Улусом Джучи. Для этого он использовал ханов-марионеток Абдуллаха, а затем Мухаммед-Булака, которые имели перед ним то преимущество, что являлись Чингизидами.

Чрезвычайно важным представляется проследить те изменения, которые претерпела армия в связи с социальными сдвигами во второй половине XIV в. Если в XIII и начале XIV в. улусное членение кочевого населения находило точное повторение и соответствие в войсковых подразделениях, то теперь эта связь, вероятно, существенно нарушается.

Следует сказать, что в организации войска принимают участие и города. Раньше мы никогда не встречали упоминания войсковых единиц, выставленных городами. В конце XIV в. появляются войсковые единицы, выставленные для Токтамыша Азаком, Болгаром, Крымом Каффой [174]. Отметим сообщение летописи о наемных или вербованных из оседлого населения отрядах в войске Мамая [175].

Явление типа «суюргала», усиление иммунитетных прав кочевых и оседлых феодалов привели вполне естественно к росту центробежных сил в Джучидском улусе. Это вызвало острую смуту и междоусобицу.

К моменту смерти Бирдибека в Золотой Орде, кроме Мамая, было «несколько (других) эмиров монгольских, поделившихся в управлении владениями в окрестностях Сарая, они были несогласны между собою и правили своими владениями самостоятельно. Так, Ходжи-Черкес завладел окрестностями Хаджи-Тархана, Урус-хан своими уделами, Ай-бек хан — таким же образом... Когда Бирдибек умер и (верховной) власти не стало, а эти эмиры правили самостоятельно в провинциях...» [176].

Смута 1360—1370-х годов привела в упадок города. Истощение резервов рабского труда, связанное с ослаблением центральной власти, само по себе грозило упадком. Недолгое процветание городов в Золотой Орде в середине XIV в. приходит к концу уже в 70-х годах XIV в. [177].

Иммунитеты кочевой аристократии конца XIV в. распространялись и на кочевое население и на оседлое. Но последнее существовало в Дешт-и-Кыпчак главным образом в городах и сельскохозяйст-

---

[174] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 156, 164.

[175] Мамай «...наймаа Фрязы, Черкасы, Ясы и иныа к сим» (ПСРЛ, т. XI, стр. 47; см. также т. XV, ч. 1, стр. 139, под 1380-м годом). В другом месте: «Со всеми князи ордыноскими с всею силою татарскою и половецкою, еще же к тому понаимова рати: бесермены, армены, фрязи, черкасы, буртасы» (ПСРЛ, т. XX, стр. 200; т. XXIII, стр. 124—125). См. также La storia della antica Liguria e di Genova, scritta dal Marchese Girolamo Serra. 1834, Torino, v. II, p. 439.

[176] Тизенгаузен, т. I, стр. 389—390.

[177] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Клады.., стр. 112 и сл.; его же. Находки.., стр. 166 и сл.

венной округе городов, которые приходят в конце XIV в. в упадок. Тем самым эта сфера эксплуатации ускользает от жадных рук дорвавшейся до полноты власти в своих улусах кочевой феодальной верхушки, держателей кочевых ленов-суюргалов. Вот почему в середине XIV в. у кочевой монгольской аристократии так резко проявляется тенденция захватывать отдельные периферийные, традиционно оседлые сельскохозяйственные и городские зоны (мордовские земли, болгарское Прикамье и др.).

Еще в 1327 г. царевич Щелкан Дюденевич, двоюродный брат Узбека, попытался сделать Тверское княжество своим уделом и заменить русских князей своими вассалами — татарскими беками[178].

В долине реки Мокши были владения беков, ведших свой род от Бехана, современника Дмитрия Донского по родословным, хранившимся в архиве Саровского монастыря. От него пошли Сеид-Ахметовы, Адашевы, Кудашевы, Тенишевы, Янгалычевы. Видимо, Бехан — один из кочевых аристократов «из Золотой Орды» — претендовал на какие-то окраинные земли и получил их в описываемую нами эпоху[179].

Русские летописи сообщают, что в 1361 г. «Булаттемир, князь Ординский, Болгары взял и все грады по Волзе и улусы поимал, и отня весь Воложский путь»[180].

М. Г. Сафаргалиев считает, что отец Пулад-Тимура, некий Нуган (или Туган), был тем самым Нуганом, который был в составе совета четырех эмиров[181]. Очевидно, Пулад-Тимур был одним из представителей верхушки монгольской аристократии, близкой ко двору. Он выпустил в 768 г. х. монеты со своим именем и с именем ханов Азиза и Джанибека II, но без обозначения места чеканки[182].

В 1370 г. русские летописи знают болгарского князя Хасана и «Салтана Бакова сына»: «Князь же Казаньский Асан посла противу их (нижегородского войска) с молением и с челобитьем и со многыми дары; они же дары взяша, а на княжении посадиша Салтана Бакова сына» (видимо, последний был как-то зависим от русских)[183].

В районе реки Пьяны, судя по летописи в 1361 г., появился князь из Золотой Орды Секиз-бей, который все пограбил и осел в этой области («обрывся рвом, ту седе»). Последнее указание говорит о том, что это был не просто погром и набег, а что пришедший хан обосновался на какой-то срок в этом районе, как в своем уделе[184].

М. Г. Сафаргалиев очень убедительно сопоставляет его с правителем Таны, который упоминается в договоре с венецианцами 1349 г.[185]. Если это одно лицо, то перед нами еще один случай, когда в окраинные оседлые земли Золотой Орды приходит представитель верхушки городской монгольской аристократии, связанный с управлением государством.

Мордовские земли завоевал и обосновался в Наровчате (Мокше) выходец из Бездежа Тогай. Это произошло в 1361 г. Тогай пытался

---

[178] ПСРЛ, т. X, стр. 194; Н. И. Веселовский. Заметки по истории Золотой Орды. ИОРЯС АН, 1916, т. XXI, стр. 7—10.

[179] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 95.

[180] ПСРЛ, т. X, стр. 233; т. XV, ч. 1, стр. 70.

[181] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 119.

[182] См. П. С. Савельев. Ук. соч., вып. 2, стр. 208 и сл.; А. К. Марков Ук. соч., стр. 472 и сл.

[183] ПСРЛ, т. XI, стр. 12—13; т. XV, ч. 1, стр. 92.

[184] ПСРЛ, т. XV, ч. 1, стр. 71.

[185] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 104, 119.

воевать с Рязанью, но потерпел неудачу [186]. В Мокше Тогай-бек чеканил медные монеты со своим именем [187].

Выросшие в условиях покровительства со стороны ханской власти, обильно снабжавшей строительство и ремесло рабами и награбленными ценностями, золотоордынские города, окруженные кочевой стихией, не были столь устойчивы, как среднеазиатские города или города Ирана, возникшие давно, имевшие традиционное мелкое феодальное ремесло, устойчивые связи с сельскохозяйственными оазисами, в которых они располагались.

В центральной, степной части Золотой Орды, где города были основаны почти «на пустом месте», ослабление центральной власти и быстрая смена ханов были особенно гибельными. В окраинных районах Золотой Орды, где было традиционное сельскохозяйственное и городское население, города оказались более устойчивыми. И хотя в Крыму и в Болгарах смута 60—70-х годов XIV в. обошлась достаточно дорого городскому населению (вспомним разгром и упадок Болгара), но все же именно здесь города, городская культура в целом пережили конец XIV столетия и сохранились в XV в.

Неравномерность социального развития правого и левого крыла Золотой Орды

Таким образом, изменение улусной терминологии в источниках круга Низам ад-Дина Шами, в разделах, касающихся Улуса Джучи, было не случайным и механическим перенесением новой терминологии персидской историографии на материал Золотой Орды. Изменению терминологии соответствовали существенные сдвиги в социальном развитии самой Золотой Орды, изменения в ее улусной системе. По косвенным данным, исследуя социальную терминологию, мы можем установить неравномерность развития западной и восточной частей Золотой Орды.

Рассмотрим два круга источников: сочинения Шереф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами, с одной стороны, и «Анонима Искандера» — с другой. Для раннего периода излагаемых событий источник сведений «Анонима Искандера» ясен. Это «Сборник летописей» Рашид ад-Дина. Для более поздних сообщений источник «Анонима Искандера» нам не известен. Как предполагают издатели второго тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Г. Тизенгаузена, источники «Анонима Искандера» были написаны на тюркском языке. Это предположение основывается на большом количестве тюркских и монгольских слов в «Анониме Искандера» в части, независимой от Рашид ад-Дина. Встречаются непереведенные на персидский язык тюркские фразы [188].

Еще В. В. Бартольд отметил эпический оттенок некоторых мест «Анонима». Это вызвало предположение, что источник «Анонима» написан был в немусульманской среде, вероятно в среде уйгурских писцов.

---

[186] ПСРЛ, т. IV, стр. 10—11; т. VIII, стр. 11, 13; т. X, стр. 233; т. XXV, стр. 181, 183. Не является ли этот Секиз-бей и Серкиз, бежавший к Дмитрию и принявший христианство, одним лицом? См. С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 397—398.

[187] См. А. А. Кротков. Два собрания джучидских монет. ТНВОК, 1930, вып. 37, табл. II, *31—33, 39*.

[188] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 126—127. Автор «Анонима Искандера» Муин ад-Дин Натанзи, «хотя и писал в Ширазе на персидском языке, обнаруживает большие симпатии к степным нравам и традициям» (В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 800).

Издатели «Сборника» В. Г. Тизенгаузена правильно подметили, что в описаниях второй половины правления Тимура автор «Анонима Искандера» употребляет значительно меньше тюркских слов и излагает события, видимо, по своим впечатлениям, будучи их свидетелем.

Установлено, что ряд сведений «Анонима Искандера» существенно отличается от сведений Шереф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами. Вместе с тем обычно в этих случаях они совпадают с записями Хазиф-и-Абру, приведенными Абд ар-Раззаком Самарканди. Но при этом у «Анонима Искандера» есть детали, отсутствующие у Хазиф-и-Абру, и наоборот. Это позволяет думать, что оба эти автора пользовались общим источником, отличным от источника Шереф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами.

Что это был за источник, использованный «Анонимом Искандера» для описания событий, начиная с первых годов XIV в. (последние записи, сделанные по Рашид ад-Дину, относятся к гибели сыновей Ногая) и кончая первой половиной правления Тимура?

Известно, что Улус Джучи был разделен на правое и левое крыло. Это было основное политическое деление Улуса Джучи. Оказывается, что различия сведений Шереф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами, с одной стороны, и «Анонима Искандера» — с другой связаны с различной осведомленностью их источников о делах в той или другой части Улуса Джучи. И Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди очень мало пишут о событиях в улусе дома Орды, т. е. в левом крыле Золотой Орды до Токтамыша. «Аноним Искандера» посвящает этим событиям целые разделы, давая описание правления Эрзена и его потомков—Уруса и Тимур-бека. Уже только это заставляет признать источником «Анонима Искандера» или одним из его источников какую-то хронику, хорошо осведомленную в делах левого крыла Улуса Джучи, описавшую дела этой страны более подробно, чем источники и Йезди и Шами, основывавшиеся на хрониках походов Тимура. У последних авторов мы находим один и тот же список золотоордынских ханов. У «Анонима Искандера» имена ханов приведены в другом порядке [189]. Характерно, что для «Анонима Искандера» история ханов правого крыла кончается на самозванном сыне Джанибека Кильдибеке. Далее он дает историю ханов, владевших центральной властью в Золотой Орде, в Сарае, называя только выходцев из левого крыла. По «Анониму», в Сарае правили после Кильдибека лишь ханы левого крыла. Для списка Шами и Йезди, наоборот, типичен тот факт, что из правителей Сарая, выходцев из левого крыла, упомянуты только важнейшие (Хызр, Мурид и Урус), а остальные опущены, в то время как ханы правого крыла названы.

Таким образом, различия сообщений Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Йезди, с одной стороны, и «Анонима Искандера» — с другой, касаются, в частности, сведений о левом крыле Улуса Джучи. При анализе этих сведений мы видим, что у «Анонима Искандера» версии событий о левом крыле точнее и полнее. В то же время Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди допускают в списках ханов Улуса Джучи грубые ошибки относительно ханов левого крыла Джучидов. «Аноним Искандера» почти ничего не знает о ханах правого крыла начиная с Бирдибека, а список Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Йезди обнаруживает хорошее знание ханов правого крыла, сидевших в Сарае после Бирдибека.

[189] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 106, 127—132, 145—146; см. Г. А. Федоров-Давыдов. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 224 и сл.

В изложении событий в улусе Бату (правого крыла) в начале XIV в. (т. е. в наиболее древней части того периода, в котором «Аноним» не зависит от Рашид ад-Дина) у «Анонима» допущена грубая ошибка: 17 лет отведено подправление отца Узбека Тогрула, который, судя по монетам, не правил вообще. Это характеризует источник «Анонима» как весьма далекий от информации, шедшей из правого крыла Джучидского улуса.

Таким образом, источник круга Низам ад-Дина Шами хорошо осведомлен о делах именно правого крыла западной части Улуса Джучи. И именно в этой группе источников наблюдается указанное выше смещение понятий старой терминологии и появление термина «суюргал». В другой же группе источников, связанных с «Анонимом Искандера», наиболее подробно освещающем дела восточной части Улуса Джучи (его левого крыла), господствует старая терминология и не встречается применительно к истории Золотой Орды термин «суюргал». Очевидно, влияние хроник или сочинений, а может быть и устной информации [190], послуживших источником сведений «Анонима Искандера» по истории левого крыла в первой половине и середине XIV в., не знавших употребления термина «суюргал», объясняет то, что у «Анонима Искандера» нет этого термина. В тех частях этого сочинения, где описываются события вне пределов Золотой Орды, а следовательно, где влияние указанного гипотетического источника отсутствует, термин «суюргал» встречается [191] и смена старой улусной терминологии новой наличествует.

То же наблюдается и в отношении слова «иль» как замены термина «улус» при описании истории Джучидов. «Аноним Искандера», очевидно, под влиянием своего источника, сложившегося в среде левого крыла Улуса Джучи, очень консервативен в области терминологии и не заменяет старый термин «улус» словом «иль», как это делают авторы, зависящие от Низам ад-Дина Шами.

Характерно в этом отношении сочинение Абдар-Раззака Самарканди. Он употребляет термин «суюргал» применительно к Золотой Орде там, где использует тексты Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Йезди. В тех же местах, где он зависит от тех же источников, что и «Аноним Искандера», слово «суюргал» не употребляется, хотя контекст содержит поводы для этого употребления.

Таким образом, очевидно, в восточной части Улуса Джучи более прочно сохраняется старая улусная терминология [192]. Источники, основанные на официальной хронике походов Тимура (близко знакомые с исторической традицией, освещающей историю правого, западного крыла Улуса Джучи), показывают в частях, относящихся к истории Золотой Орды, употребление новой социальной терминологии («суюргал», «иль»). Очевидно, несмотря на общую консервативность соци-

---

[190] См., например, Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i-Mu'ini.., (введение).

[191] Ibid., p. 87.

[192] Б. А. Ахмедов обратил внимание на то, что в источниках XVI—XVII вв. по истории узбеков XV в. тарханные владения кочевых феодалов термином «суюргал» не называются (Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965, стр. 93). Отметим, что термин «орда» в смысле «ставки хана» употребляется при описании восточной части Дешт-и-Кыпчак в персидских источниках XV—XVI вв. весьма часто (Тарих-и-Рашиди, см. В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., т. II, стр. 199, 302). Но характерно, что казахи в XVII в. разделились на 3 «жуза», т. е. сотни, а не на «орды», как называли русские вплоть до XIX в. эти деления (см. В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., т. II, стр. 382—383). Аналогичные образования в западном Дешт-и-Кыпчак носили название «орда» (ср. «Большая орда»), хотя и там, а особенно в русском употреблении, термин «орда» наряду с новым значением, равнозначным слову «держава», «улус», сохранял значение «ставки».

альной терминологии в Золотой Орде, новые термины пробивали себе путь именно в западной части Золотой Орды, где они известны и в актах и где социальная основа этой новой терминологии была более развита.

Левое крыло Улуса Джучи на протяжении XIV и XV вв., очевидно, сохраняло признаки большей социальной и экономической консервативности по сравнению с правым крылом. Проникновение в степь денежных отношений, как показывает учет и картографирование монетных находок в левом крыле, было крайне незначительным. Кочевые улусы левого крыла были очень мало связаны с оседлыми районами. Богатейший ремесленный и земледельческий район — Хорезм, территориально близкий улусу Орды, управлялся сарайским ханом, его наместниками и чиновниками. На долю ханов левого крыла Джучидов остались значительно более бедные центры — Сыгнак и города низовьев Сырдарьи, лишенные той обширной богатейшей сельскохозяйственной периферии, какая составляла богатство Ургенча.

Вопрос об «Ак-Орде» и «Кок-Орде»

В заключение остановимся на одном частном вопросе в истории Золотой Орды, который раньше решался, как нам кажется, неправильно. Это вопрос о том, какие части Улуса Джучи назывались именами «Ак-Орда» (Белая Орда) и «Кок-Орда» (Синяя Орда).

«Аноним Искандера» четко проводит различие между левым и правым крылом потомков Джучи. Потомков правого крыла он называет султанами Кок-Орды, а потомков левого — султанами Ак-Орды. Это употребление терминов «Ак-Орда» и «Кок-Орда» после работ А. Ю. Якубовского вошло прочно в советскую и иностранную литературу и не вызывало до последнего времени ни у кого сомнений. Считалось, что улус Орды, размещавшийся в низовьях Сырдарьи, назывался Ак-Ордой, а улус Бату Кок-Ордой. При этом допускалось также ошибочное отнесение улуса Шибана (современный Казахстан и юго-западная Сибирь) также к левому крылу, т. е. к Ак-Орде, несмотря на то, что к улусу Орды относились только четыре сына Джучи: Орда, Тука-Тимур, Шингкур и Сингкум.

Тот факт, что русские источники называют левое восточное крыло, т. е. Ак-Орду «Анонима Искандера», Синей Ордой, был исследователями замечен [193], но не вызвал желания пересмотреть определения «Анонима» и относился за счет неточности русских летописцев.

М. Г. Сафаргалиев предположил, что «Аноним Искандера» содержит ошибку в отнесении Ак-Орды к левому крылу, а Кок-Орды к правому [194]. Он привел следующие свидетельства, подтверждающие правомерность отнесения русскими летописцами термина Синяя Орда (т. е. Кок-Орда) к левому крылу, а следовательно, и термина Белая Орда (Ак-Орда) к правому крылу.

Кутба в поэме «Хосров и Ширин» называет Тинибека, видимо, сына Джанибека (т. е. хана из правого крыла), ханом Белой Орды [195].

---

[193] См. П. С. Савельев. Ук. соч., вып. 1, стр. 158 и сл. П. С. Савельев предпочитает называть улус Орды «Синей Ордой»; см. также В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях.., т. II, стр. 122.

[194] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 14—15. Без всяких оснований Б. Ишболдин тоже называет западную часть Улуса Джучи Белой Ордой, но, противореча себе, объявляет орду Урус-хана тоже «Белой» (см. B. Ischboldin. Essays on Tatar History. New Delhi, 1963, pp. 29—31).

[195] Маловероятно, что Тинибек правил два года в улусе Орды, как думает Э. Наджип (Э. Н. Наджип. «Хосрау и Ширин» Кутба и его язык. «Тюркологичес-

Родословная «Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могул» 1426 г. называет уруг потомков Орды Кок-Ордой [196].

Абу-л-Гази сообщает, что ставка Джучи была в Синей Орде (Кок-Орде). А так как Орда-Ичен получил юрт Джучи, то, следовательно, улус Орды, по Абу-л-Гази, назывался Синей Ордой [197].

В русском изложении письма Токтамыша Ягайле «Улуг Улус» (Великий Улус в значении государства Токтамыша) назван Белой Ордой [198].

Действительно, несколько независимых друг от друга сообщений противостоят одному только сообщению «Анонима Искандера» [199]. Следовательно, следует признать вероятным то предположение, что «Аноним» допустил ошибку в отнесении Ак-Орды к левому крылу, а Кок-Орды к правому крылу.

Эта предполагаемая ошибка нашего источника связана с другой важной его ошибкой. Излагая, по Рашид ад-Дину, ход событий, связанный с бегством сыновей Ногая, знаменитого соперника Токты, и их поражение, «Аноним» совершенно неожиданно заключает: «После этого Улус Джучи разделился на две части. Те, которые относятся к левому крылу, то есть пределы Улуг-тага, Секиз-ягача и Каратала до пределов Туйсена, окрестностей Дженда и Барчкенда утвердились за потомками Ногая, и они стали называться султанами Ак-Орды» [200]. Далее правителем Ак-Орды назван сын Ногая Сасы-Бука. Получается, что именно Сасы-Бука был сыном Ногая, соперника Токты, правителя западных районов Дешт-и-Кыпчак. Этот сын Ногая бежал на восток и основал династию султанов Ак-Орды. «Аноним Искандера» путает здесь две личности: Сасы-Бука был сыном Баяна, правнука Орды, а сыном Ногая, бежавшим на Восток, был Турай.

Хорошо зная, что земли, расположенные по Сырдарье, закрепились еще в XIII в. за левым крылом, «Аноним» приписал эти земли тем не менее потомкам Ногая, хана из ветви правого крыла [201]. Воз-

---

ский сборник». М., 1966, стр. 81—82), принимая «Ак-Орду» за обозначение левого крыла. Там в это время правил весьма устойчиво Эрзен (см. Тизенгаузен, т. II, стр. 130). См. также Мир-али-Шир. Л., 1928, стр. 6—7.

[196] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 41.

[197] См. Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 151.

[198] См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I, стр. 22. «Белая» имела значение «великая», «главная». Претендовавшее на главенство среди русских земель Московское княжество в XV в. стало называться «Белой Русью» (см. ПСРЛ, т. VIII, стр. 101; т. XII, стр. 26; т. XVIII, стр. 178; т. XXV, стр. 254; А. Соловьев. Великая, Малая и Белая Русь. ВИ, 1947, № 7, стр. 33; В. Н. Татищев. История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 439; В. А. Ульяницкий. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887). Возможно, эпитет «белый», у тюрков вообще связанный с обозначением социальных верхов, прилагался к орде — сюзерену. Когда ногаи, башкиры, азовские правители называли Василия III и Ивана IV «Белым царем», в этом тоже был оттенок признания своего вассалитета (см. Сб. РИО, 1895, т. XCV, стр. 671—672; ПДРВ, 1793—1795, тт. VIII—X; Р. Г. Кузеев. Башкирские шеджере. Уфа, 1960, стр. 33, 117). О связи наименования «Белая Орда» и «Белый царь» Московский см. B. Ichboldin. Op. cit., p. 29. «Белым царем» называли польско-литовские татары польского короля (см. Ф. Чацкий. О татарах, живших в Польше. Северный Архив, вып. XII, 1824, стр. 230). Отметим, что в армянских источниках XIII в. Менгу-каан назван «Белым царем» (см. К. П. Патканов. История монголов по армянским источникам, вып. 1. СПб., 1873, стр. 37).

[199] Употребление терминов «Ак-Орда» и «Кок-Орда» у Гаффари и Хайдера Рази повторяет употребление этих выражений у «Анонима Искандера», поскольку эти два сочинения непосредственно использовали текст «Анонима». Как самостоятельные свидетельства эти источники быть приняты не могут.

[200] Тизенгаузен, т. II, стр. 127.

[201] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 57—58.

можно для того, чтобы разрешить это противоречие, «Аноним» вводит новые обозначения: «Ак-Орда» отнесена к потомкам Ногая, а «Кок-Орда» — к потомкам Токты.

Если предположить, что левое крыло в действительности называлось «Кок-Ордой», а правое крыло — «Ак-Ордой», то ошибке «Анонима Искандера» можно найти рациональное объяснение.

Мы предположили выше, что после деления на правое и левое крыло (деление между Бату и Ордой) было вторичное деление улуса Бату на правое и левое крыло между Токтой и Ногаем.

Возможно, обратив внимание на то противоречие, что земли по Сырдарье, принадлежавшие потомкам левого крыла, оказались, по его изложению, во власти потомков Ногая, представителя правого крыла, и введя для разрешения этого противоречия новые термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда», «Аноним Искандера» приписал эти термины именно вторичному делению: левое крыло улуса дома Бату у него стало «Кок-Ордой», а правое его крыло (потомки Ногая) — «Ак-Ордой». То есть «Аноним Искандера» правильно употребил значение этих терминов, но только не для первоначального членения на улусы сыновей Джучи, Бату и Орды, а для вторичного членения улуса Бату на улус Ногая и улус Токты. Вот почему именно потомки Ногая и Токты у него стали султанами Ак-Орды и Кок-Орды, а не потомки Орды и Бату, действительных основателей левого и правого крыла дома Джучи.

Характерно, что «Аноним Искандера» ошибся в таком важном вопросе, как определение названия левого крыла, а ведь именно история этого улуса представлена у него наиболее точными сведениями и он располагал источником, близким к кругам левого крыла Джучидов. Очевидно, термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» были новыми. Это подтверждается тем, что значение «государство», «держава», а тем более «часть государства», у термина «орда» появилось только в конце XIV в. В тех источниках, которыми пользовался «Аноним», этого термина, видимо, не было [202]. Автор «Анонима Искандера» сам должен был разобраться в отнесении их к той или иной части Улуса Джучи.

Ошибки «Анонима Искандера» повторены в сочинении Гаффари [203]. Но Гаффари пытался как-то разобраться в указанном противоречии «Анонима». Видимо считая невозможным, что потомки Ногая стали ханами левого крыла, он возвел родословную Ногая к хану Орде, сыну Джучи. С другой стороны, Гаффари и хана Токту возводит к Орде, вопреки четкой традиции в исчислении родословной Токты. Очевидно, при Гаффари употребление терминов «Кок-Орда» и «Ак-Орда» стало более определенным, и Гаффари не мог оставить то противоречие, что Токта — хан правого крыла, оказывается владетелем Кок-Орды (т. е. левого крыла). Поэтому он вынужден был, вопреки ясным указаниям источников, возвести родословную Токты к потомкам Орды.

---

[202] В историческом сочинении Хафиз-и-Абру, видимо, этих терминов не было. Последняя часть четвертого тома его исторического сочинения известна по сочинениям Абд ар-Раззака Самарканди, почти точно передавшего текст Хафиз-и-Абру (см. В. В. Бартольд. Хафиз-и-Абру и его сочинения. Ал-Музаффарийя. Сборник в честь В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 25). В тех местах текста Самарканди, которые отличаются от текстов Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Йезди и которые параллельны соответствующим местам текста «Анонима», употребления выражений «Ак-Орда» и «Кок-Орда» мы не найдем. А в соответствующих местах текста «Анонима Искандера» они имеются.

[203] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 210—211.

Эти характерные ошибки Гаффари только подтверждают наше предположение о том, что «Аноним Искандера» неправильно употреблял новые для него термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда». Нам следует исправить его ошибку и называть левое крыло Улуса Джучи в конце XIV — начале XV в. Кок-Ордой, а правое — Ак-Ордой.

В источниках XVI—XVII вв. по истории узбеков «Кок-Орда» не употребляется почти совсем, а «Ак-Орда» относится к улусу Шибанидов, т. е. к узбекам. А так как узбеки в XV—XVI вв. фактически поглотили земли по Сырдарье, то термин «Ак-Орда» распространяется и на бывший улус дома Орды [204]. Отнесение же улуса узбеков, т. е. улуса Шибана, к Ак-Орде вполне согласуется с нашими предположениями, что Ак-Ордой именовалась та часть Джучидского улуса, которая отошла к дому Бату. Шибан не вошел в число тех ханов, сыновей Джучи, которые, по Рашид ад-Дину, составили улус Орды (т. е. левое крыло). По «Анониму Искандера», Ибирь — Сибирь (улус дома Шибана) входила в правое крыло [205]. В сочинении XVII в. «Бахр ал-Асрар» Махмуда ибн-Вали говорится, что Ак-Орда более известна под названием Юз-Орда (орда — сотня). Возможно, что здесь имеются в виду казахский жуз (сотня), а выражение Юз-Орда показывает, что термин «орда» совпадает с улусным членением на сотни — жузы [206]. В таком случае название «Ак-Орда» оказывается отнесенным к территории современного Казахстана, т. е. к территории древнего улуса правого крыла, которым владел дом Шибана [207].

---

[204] Абу-л-Гази. Ук. соч., стр. 152. Сочинение XVI в. «Михман-Намэ-и-Бухара» сообщает, что в Сыгнаке (улус Орды) Шибаниды устроили свое родовое кладбище (см. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 308); родовое кладбище следует рассматривать как символ владения родом этой территорией (см. Л. Л. Викторова. Ук. соч., стр. 559).

[205] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 127.

[206] См. Б. Д. Ахмедов. Ук. соч., стр. 163; МИКХ, стр. 327—347, 551. Т. И. Султанов предлагает выражение «Юз-Орда» переводить как «основная, главная орда» (Т. И. Султанов. Ук. соч., стр. 94—96). В этом Т. И. Султанов видит подтверждение отнесения Ак-Орды к правому, главному крылу Улуса Джучи.

[207] О путанице в употреблении понятий «белая» и «голубая» орда (шатер) в позднейших источниках см., например, турецкое сочинение об истории Крымских ханов. Урус и Токтамыш, оба из левого крыла, названы один родом из колена белого, другой — из колена голубого шатра (ЗООИД, 1844, т. I, стр. 380—381).

ГЛАВА VI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА МОНГОЛЬСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ АРИСТОКРАТИИ В КОНЦЕ XIV В. ПРАВЛЕНИЕ ТОКТАМЫША

Смута 60-х и 70-х годов XIV в. была вызвана возникновением сепаратистских стремлений среди местной феодальной знати, которые, в свою очередь, объясняются ростом иммунитетов у кочевой аристократии.

Группировки золотоордынской знати в 1360—1370-х годах

Среди феодальной знати конца XIV в. наметился ряд группировок, каждая из которых имела свои специфические интересы и свою линию поведения.

Сепаратистски настроенная феодальная знать захватила или наследственно владела оседлыми периферийными районами: Суфи в Хорезме[1], мокшанские князья, Пулад-Тимур, Хасан и «Салтан Баков сын» в Болгарах, Секиз-бей и Тогай — в мордовских землях. Их желания и политические устремления, видимо, были направлены на утверждение автономии их улусов.

Кочевые аристократы, в том числе и Джучиды, державшие уделы (типа суюргалов) в степи, обычно опирались на поддержку какого-либо города: Ходжи-Черкес в Хаджи-Тархане и прилегающих степях, Джанибек II и Пулад-Тимур (первый после неудачи в Болгарах примкнул к этой группе аристократии и засел, видимо, в Маджарах), Мамай в Крыму, Ай-бек и, может быть, Али-Ходжа или Ильбан в районе Сарайчика, Арабшах, который после неудач в Сарае пытался обосноваться в Мордовских землях, но был выгнан оттуда Мамаем[2]. Среди этой прослойки аристократии ведется борьба за Сарай. История этой междоусобной борьбы за ханскую власть довольно хорошо освещена источниками и неоднократно описывалась в литературе. Представители указанных обеих групп аристократии легко переходили из одного лагеря в другой.

Третьей прослойкой джучидской аристократии следует считать те группы монгольской знати, которые были прочно связаны с управлением государством, со службой при дворе хана и составляли могущественную и влиятельную прослойку вельмож. Они же часто определяли и смену ханов. Ханы не чувствовали себя самостоятельными владыками, так как их действия сковывало это придворное окружение. Характерны, например, такие взаимоотношения хана и придворной, связанной с управлением монгольской аристократии: эмиры сажают на пре-

---

[1] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. НЭ, 1965, т. V, стр. 184 и сл.; его же. Из истории политической жизни Хорезма в XIV в. КСИЭ, 1958, вып. XXX; Б. И. Вайнберг. К истории Кунградских Суфи. «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г.». М., 1960.

[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 27.

стол угодного им хана, после чего хан устраивает резню и репрессии с целью подавить самостоятельность и властолюбие главных придворных эмиров. Но эти мероприятия приводят не к росту ханской власти, а к новому дворцовому перевороту, организованному обычно другой группой вельмож. Приведем некоторые сведения об этой группе монгольской феодальной аристократии в 60—70-х годах XIV в.

Известно, что Джанибек был убит Тоглу-беем, одним из самых влиятельных эмиров хана, с целью возвести на престол своего ставленника, сына Джанибека — Бирдибека. В этих событиях на стороне Бирдибека выступала его мать Тогай-Тоглу-хатун[3]. А. Н. Насонов и М. Г. Сафаргалиев предполагали, что Товлубий, упоминаемый в русских источниках как посол и военачальник Узбека при переговорах с русскими, и Тоглу-бей «Анонима Искандера» — одно лицо[4]. Тогда карьера Тоглу-бея рисуется следующим образом: начав свою деятельность в должности второстепенного эмира, Тоглу-бей находился все время на службе у хана. При Джанибеке он не дослужился до высших постов, которые остаются за эмиром Маглу-беем[5] и визирем Махмудом. Во время переворота Тоглу-бей, очевидно, надеялся занять высший государственный пост («...восхоте всею Ордою владети и всеми землями и тако многих князей Ординьских привлекоша к себе в совет, обещающе кому надо дати»[6]. Упоминаемый летописью совет, очевидно совет эмиров, известный при хане еще с начала XIV в., фактически находился всецело в руках Тоглу-бея, который привлекал туда своих подкупленных союзников, и они становились орудием его интриг. По одобрению Тоглу-бея, Бирдибек уничтожил своих родственников — возможных претендентов на престол[7].

Многие старые эмиры Джанибека приняли переворот Бирдибека. В договоре Джанибека с венецианцами 1347 г. были названы следующие эмиры: Маглу-бей (Mogalbey, Тайдзи (Thouazi), Ягалтай (Jagaltay), Ядхозин (Jerdhezin), Кутлуг-Бука (Cotloboga). В договоре Бирдибека, с венецианцами 1358 г. названы три старых эмира: Маглу-бей, Кутлуг-Бука и Ягалтай, и три новых: Асам-бей (Asambei), Сара-бей (Sarabei), Толо-бей, возможно Тоглу-бей (Tolobei)[8]. Характерно, что при Бирдибеке Тоглу-бей попадает в число знатнейших и влиятельнейших эмиров, при хане, и совет эмиров, видимо, был под сильным его влиянием.

«Аноним Искандера» повествует затем о конфликте Бирдибека с эмирами, которые «дабы дела царства не расстроились,.. согласившись (между собой) возвели на трон царства неизвестного человека, под предлогом, что он Кильдибек, сын Джанибека-хана». Последний, побоявшись роста власти эмиров, постепенно уничтожил их. Погибли Могул-бука (вероятно, главный эмир Джанибека и Бирдибека Маглу-бей), Тоглу-бей, эмир Ахмед, Нангудай[9].

---

[3] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 128—129.

[4] См. А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., 1940, стр. 117—118, прим. 4; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 109.

[5] Под именем Моуалбоуги известен по ярлыку Бирдибека Алексею (ПРП, т. III, стр. 469). Из контекста и места, где помещено имя в ярлыке, следует, что он был начальником эмиров.

[6] ПСРЛ, т. X, стр. 229.

[7] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 129; ПСРЛ, т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 229.

[8] J. Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldenen Horde im Kiptschak. Pest, 1840, S. 517. Сара-бей — может быть уже упоминавшийся Сару-Бек (Тизенгаузен, т. I, стр. 282).

[9] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 129. Рогожская и Никоновская летописи относят гибель Маглу-бея (Муалбузина) и его сторонников (Муалбузина чадь) ко вре-

Этот отрывок содержит, видимо, ошибочное и не подтвержденное другими источниками сообщение о Кильдибеке (возможно, здесь он спутан с Кульной). Но даже если факты неточны, общую обстановку интриг при дворе ханов отрывок передает, видимо, достаточно правдиво.

Гибель Тоглу-бея и Бирдибека описана русскими летописями. Очевидно, действительно инициаторами переворота были эмиры, которых испугала жестокость Бирдибека и его абсолютистские устремления. Был, очевидно, уничтожен и весь лагерь сторонников хана[10]. Эмир Сара-бей, видимо, погиб позднее в смуту, после убийства хана Тимур-Ходжи[11]. При Муриде главным эмиром был сын Могул-буки Ильяс[12].

Часть этой столичной вельможной аристократии попадает в провинцию в качестве наместников. Возможно, именно сын Кутлуг-Буки Элиас упомянул в договоре с Каффой 1387 г. в качестве наместника Солхата, которым раньше управлял Черкес-бек, что явствует из договора с Каффой 1380 г.[13].

Столкновение вельможного придворного окружения хана с самим ханом и участие этого окружения хана в дворцовых переворотах показывает, что стремление ханов к сильной единоличной власти в эту эпоху имело противников не только среди сепаратистски настроенных феодалов на местах (в степи и оседлых окраинах), но и в самом аппарате управления в лице эмиров и вельмож, стремившихся забрать все нити управления в свои руки и создать род олигархического эмирского управления всем государством.

Борьба Мамая и сарайских ханов

Через всю борьбу ханов за престол в 1360—1370-х годах проходит разделение всего правого крыла (улуса Бату) на две части: Поволжье контролируется сарайскими ханами, западные степи, Причерноморье — Мамаем, который действует от лица подставных ханов-марионеток Абдуллаха и Мухаммеда-Булака. В 60—70-х годах XIV в. действует монетный двор в Орде, который чеканит монеты от имени Абдуллаха. Владения Абдуллаха (фактически Мамая) включают Крым, Азак (где Абдуллах также чеканит монеты) и Шехр ал-Джедид (расположенный где-то в Молдавии)[14]. Отдельные выпуски в 60-х годах монет Абдуллахом в Сарае связаны с эпизодическими захватами Сарая Мамаем.

Очень характерной для этой эпохи была организация Абдуллахом и Мухаммедом-Булаком монетных выпусков в Орде, образование «нумизматической провинции» в Северном Приазовье, где обращались преимущественно монеты Орды. Смутные 1360—1370 гг. пришли на смену эпохе Узбека и Джанибека — самодержавных ханов, державших в своих руках и кочевую степь (соответственно кочевая ханская ставка — орда) и городское и оседлое земледельческое население (столи-

мени Науруза, объясняя ее действиями прохызровской партии в Сарае (ПСРЛ, т. X, стр. 232; т. XV, ч. 1, стр. 69).

[10] ПСРЛ, т. X, стр. 230—231.

[11] ПСРЛ, т. XV, ч. 1, стр. 71. В летописи: «Сарая и Когуи», вероятно, искаженное Сара-Бука.

[12] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 130.

[13] La storia della antica Liguria e di Genova; scritta dal Marchese Girolamo Serra. Torino, 1834, v. II, p. 440; Lettere Ligustiche ossia osservazioni critiche, sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il grande con le memorie storiche di Caffa. Lugi Oderico. Bassano, 1792, pp. 180—182; W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen-âge, v. II. Leipzig, 1936, p. 207; см. также ЗООИД, 1872, т. VIII, стр. 294—295. Возможно, Черкес-бек в договоре 1380 г.— это хаджи-тарханский владетель, оказавшийся в Крыму. Вспомним, что еще в 1374 г. Хаджи-Тархан достался другому беку.

[14] По убедительным исследованиям С. А. Яниной нумизматического материала с городища Старый Орхей в Молдавской ССР.

ца—Сарай). Мамай и его марионетки-ханы, обособившиеся от Сарая и противопоставившие свою орду Сараю, были вынуждены кочевую ставку превратить не только в политический центр степи, но и придать ему видимость города, политическое значение городской столицы, центра, способного в этом значении политически противостоять Сараю. Выпуск монеты в ставке—орде при Мамае как политическая акция, может быть, преследовал именно эти цели. Противоположные Мамаю группировки опирались на Сарай, сделали его своим политическим центром.

В середине XIV в. орда кочевала вблизи столичных городов в Нижнем Поволжье. Судя по ярлыку Тайдулы 1351 г., орда была в Сарае (видимо, вблизи Сарая) [15]. По ярлыку Тайдулы 1354 г., орда кочевала в окрестностях Гюлистана. По ярлыку Тайдулы 1347 г., орда кочевала на Желтой Трости (у Камышина) [16]. В договоре с венецианцами 1358 г. указано, что орда была где-то на Ахтубе [17]. В этом мы можем усмотреть тенденцию к слиянию городской столицы и орды.

Бывшее раньше традиционным раздвоение ханской власти между кочевой ставкой — ордой и городским центром — Сараем (раздвоение, преодолеваемое единой ханской центральной властью) теперь с упадком центральной власти выразилось в политическом разобщении Сарая и Орды. Первый стал центром того района Поволжья и поволжских городов, который всегда составлял непосредственное держание джучидского хана, его «домен». Орда превратилась в центр мамаевых владений, и притом центр не только кочевой, но и принявший ряд атрибутов города (главным из которых следует назвать чеканку монет). Сарай и орда разобщаются территориально. Теперь орда кочует где-то в Северном Приазовье [18]. Возможно, что некоторая большая крепость власти Мамая в орде объясняется тем, что вся та вельможная правительственная верхушка, вышедшая из правительственных кругов Узбека и Джанибека, которая подрывала власть хана и совершала бесчисленные дворцовые перевороты, осталась именно в Сарае. Мы знаем из материалов, изложенных выше, что эти вельможные правительственные круги были связаны с городской жизнью, с торговлей и ремеслом городов, и прежде всего столиц.

Таким образом, все то, что еще во времена Джанибека находилось в устойчивом равновесии, вследствие общего подъема экономики и городской жизни в стране, в эпоху 1360—1370-х годов приобрело совсем другое содержание на фоне кризиса городского производства, упадка торговли и политической смуты. Центральная власть утратила свой авторитет, города приходят в упадок, а вельможная феодальная верхушка, выращенная на почве этих городов, остается. Но теперь она, склонная к олигархии и дворцовым переворотам, не усиливает, а подрывает власть хана.

С другой стороны, кочевая ставка, центр власти над кочевниками и управления степью, оказывается местом, где складываются более

[15] ПРП, т. III, стр. 469.

[16] Там же, стр. 467, 470, 476.

[17] J. Hammer-Purgstall. Op. cit., S. 521.

[18] Об этом говорит топография монет конца 60—70-х годов XIV в., чеканенных в орде (см. Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1960, т. 1, стр. 108—109, рис. 2). В 1377 г. митрополит Митяй по пути в Константинополь попал в орду Мамая, и, судя по контексту летописи, она была где-то на Нижнем Дону и в Приазовье (ПСРЛ, т. VIII, стр. 31; т. XV, ч. 1, стр. 129). Характерно, что и в самом конце XIV в. орда упоминается в западных степях Улуса Джучи, на Дону (ярлык Токтамыша 794 г. х. и его же письмо Ягайле 795 г. х.) и на Днепре (ярлык Тимур-Кутлуга 800 г. х. См. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I. Казань, 1850; его же. Ханские ярлыки, вып. II. Казань, 1851).

благоприятные условия для твердой власти, но теперь не только хана, но и власти улусных аристократов, держателей владения типа «суюргала». Ханская власть становится только ширмой. При этом орда — кочевая ставка — принимает некоторые атрибуты городского центра.

Аристократия левого крыла

Таков был тот общественный механизм, приведшей к тому, что уже к 1360—1370-м годам Сарай и другие поволжские города перестают быть такими центрами, которые могут объединить государство. В них нет тех социальных сил, на которые эти города могли бы опереться, выставив мощного монарха и выдвинув объединительные централистские лозунги и силы. Такой силой не могла быть и западная улусная аристократия, которая хотя и была временно объединена Мамаем вокруг орды, но, как мы увидим позднее, вела борьбу с ханами за обладание верховной властью. В некотором отношении такой силой в конце XIV в. могла быть только прослойка аристократии левого крыла, связанная с городами Сырдарьи и пришедшая на смену золотоордынской западной аристократии в управлении государством Джучи. Она составляла крупную прослойку джучидской феодальной аристократии.

Начиная с Хызра и затем в лице Тимур-Ходжи, Орда-шейха, Мурида на сарайский престол восходят Джучиды левого крыла из потомков хана Орды, сына Джучи. Эта группа аристократии активно включается в борьбу за верховную власть в государстве и постепенно захватывает Сарай все на больший и больший срок.

Среди феодальной знати Кок-Орды конца XIV в. кроме ханов мы знаем по источникам следующих лиц:

Туй-Ходжа, отец Токтамыша, из рода Тука-Тимура сына Джучи, правитель Мангышлака при Урусе, казненный им за отказ принять участие в завоевании Сарая [19].

Балтыкча, главный эмир Уруса и его преемника Тимур-Мелика, отец Едигея. Попав в плен к Токтамышу, был им казнен за то, что хотел сохранить преданность своим ханам [20].

Едигей — правитель Золотой Орды в XV в. Его биография в XIV в. очень сложна [21]. Первоначально, во время борьбы Уруса, с одной стороны, и Токтамыша и Тимура — с другой, он был в лагере Уруса, хотя и оказывал ряд услуг его противникам. Затем перешел на сторону Токтамыша и Тимура, обнаружив свои явные симпатии к Тимуру. После казни отца и начала конфликта между Тимуром и Токтамышем перешел на сторону Тимура, затем вернулся в улус левого крыла, не пожелав оставаться нукером Тимура. Там Едигей пытается сколотить лагерь кок-ордынской аристократии, независимый от Токтамыша и Тимура, во главе с джучидским ханом Тимур-Кутлугом. Видимо, Едигей владел уделом в Кок-Орде [22].

Мухаммед-оглан — эмир Кок-Орды, племянник Токтамыша. В борьбе Тимур-Мелика против Токтамыша и Тимура был сто-

---

[19] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 61, 62, 131, 132, 211, 214.

[20] Там же, стр. 132, 133, 191. О двух версиях об отце Едигея см. В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 797 и сл.; версия «Анонима Искандера» более достоверна.

[21] Исследователи подчеркивали авантюризм Едигея. В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 797 и сл.; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 385. Биография Едигея не просто авантюрная жизнь беспокойного нойона. В жизни Едигея отразились в какой-то степени судьбы и устремления аристократии левого крыла рубежа XIV—XV вв.

[22] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 107, 118.

ронником сохранения мира с Тимуром и отказа от бесплодной борьбы с ним [23].

Казан-бахадур — главный эмир при Тимур-Мелике — перешел на сторону Токтамыша и Тимура в 1379 г. [24].

Урук-Тимур — один из эмиров Уруса, бежавший затем к Токтамышу и Тимуру, был взят в плен Тимур-Меликом, прощен им, но снова бежал в лагерь Тимура, обнаружив свое упорное стремление к союзу с Тимуром [25].

Али-бек Конгурат—эмир Уруса, главный эмир Тимур-Мелика, а затем Токтамыша, перешел во время войны Уруса с Тимуром и Токтамышем в лагерь последних, сторонник протимуровской ориентации, пока был у власти при Токтамыше, стремился к сохранению мира с Тимуром, когда Токтамыш вступил в конфликт с Тимуром, был, видимо, отстранен от власти новым окружением Токтамыша [26].

В Кок-Орде социальные процессы шли более замедленно. Когда кок-ордынская аристократия ввязалась в междоусобную борьбу и стала периодически захватывать центральную власть в Джучидском улусе, она стояла примерно перед теми же задачами внутри своего улуса, перед которыми стояла аристократия правого крыла в период правления Токты на рубеже XIII—XIV вв. Это особенно ярко проявилось в деятельности Токтамыша, проводившего в первый период царствования политику централизации и опиравшегося на аристократию Кок-Орды. Унификационная денежная реформа Токтамыша, направленная на подъем городской жизни, свидетельствовала об объединительных тенденциях этого хана, в которых он, очевидно, опирался на укреплявшуюся связь с городами некоторых кругов кочевой аристократии (как в свое время при Токте и Узбеке, но только кок-ордынской аристократии). Поэтому становится понятной ориентация кок-ордынской аристократии на союз с Тимуром, который казался им восстановителем твердой государственной дисциплины, покровителем городов, которые он призван был вновь обеспечить рабской силой, проводником централизаторской великодержавной политики.

«Замятня великая»

Именно на это двадцатилетие 1360—1370-х годов падает «замятня великая» в Золотой Орде. Множество ханов борются за то, чтобы овладеть столичным городом — Сараем. Прежде незащищенный стенами Новый Сарай окружается в 1360-х годах оборонительной линией — рвом и валом [27]. В 1359 г. Бирдибек был убит в результате дворцового переворота, и началась смута [28].

В нашу задачу не входит детальное изучение запутанной истории борьбы за власть многочисленных ханов в 1360—1370-х годах. Нам важно отметить, что претендентами выступили представители всех основных прослоек феодальных верхов Золотой Орды второй половины XIV в. Улусная аристократия как западных районов степи в лице Мамая и его ставленников, так и Поволжья и Заволжья (Ай-бек, Ходжи-Черкес) активно вмешивается в борьбу за сарайский престол. Кок-ордынская аристократия представлена целой серией ханов: Хызр, Орда-Мелик-шейх, Тимур-Ходжа, Мурид, Азиз-шейх сын Тимур-Ходжи, Хад-

---

[23] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 191.
[24] Там же, стр. 131.
[25] Там же, стр. 108—109, 131, 138, 150—152, 191.
[26] Там же, стр. 106—107, 109, 113, 147, 151, 152. 160
[27] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 249—250.
[28] Тизенгаузен, т. II, стр. 129.

жи-хан сын Эрзена, Арабшах, Урус сын Чимтая. В этой борьбе участвуют и представители дома Узбека и Джанибека в лице Кульны. Но реальный исход борьбы решает сарайское эмирство, т. е. дворцовое окружение хана в Сарае.

В этой борьбе в конце 1370-х годов резко противостоят две силы, две группировки: Урус и Мамай.

Урус неоднократно подстрекал Чимтая, своего отца, завладеть правым крылом. Тенденция кок-ордынской аристократии к экспансии на запад и объединение всего Джучидского улуса под своей властью нашла в Урусе своего верного приверженца. В начале 1360-х годов в самом Сарае образуется эмирская партия, которая приглашает ханов из Кок-Орды. Так, известно, что эмиры приглашали Чимтая. Под влиянием этой партии «эмиры (Сарая) соглашались на царство Орда-шейха». Однако при Орда-шейхе победила враждебная левому крылу партия эмиров, которая у автора «Анонима» вызывала осуждение [29].

Победой этой партии и свержением Орда-шейха закончились события в Сарае, которые привели затем к новой победе сторонников левого крыла и вступлению на сарайский престол Хызра, а затем нескольких других ханов левого крыла, вплоть до Уруса. При них эмиры, видимо, постоянно организовывали перевороты, хотя окончательной победы ни сторонники левого крыла, ни противники его не одержали. Так получалось, что посаженный на сарайский престол хан левого крыла погибал от рук заговорщиков, но партия сторонников левого крыла все же сажала на престол нового хана из того же крыла. Мурид тоже пал от руки своего старшего эмира Ильяса, который был из ак-ордынской эмирской династии Могул-Буки (Ильяс — сын Могул-Буки, старшего эмира Бирдибека и Джанибека) [30]. Следующий хан из левого крыла был, по «Анониму Искандера», Азиз, сын Тимур-Ходжи. Азиз чем-то не понравился своему окружению (какое-то время он находился под влиянием сарайского духовенства, в частности последователя Есави мистика Сейд-Ата) и был убит. Видимо, дворцовая партия в Сарае, партия противников левого крыла, опять сыграла свою роль. Преемником Азиза «Аноним Искандера», пропуская всех ханов из правого крыла, называет Хаджи-хана, сына Эрзена. Этот хан из левого крыла возбудил недовольство эмиров, и они также его убили [31].

Такова картина взаимоотношений ханов левого крыла с сарайскими эмирами; побеждала то партия противников, то партия сторонников ханов левого крыла. Если обратиться к археологическим памятникам Золотой Орды и вспомнить, что именно в эти десятилетия политической смуты Новый Сарай был обнесен стеной [32], то можно найти в нем отражение этих взаимоотношений. Традиции строительства городской фортификации могли быть принесены из левого крыла, где города имели стены (Сыгнак и др.). Раскопки 1961—1968 гг. показали, что вал и ров Нового Сарая в 1360—1370 гг. были проведены таким образом, что некоторые аристократические замки были этой фортификационной линией перерезаны и частично разрушены, что вызвало коренные перестройки и изменения жизни усадеб. Если предположить, что фортификация была создана левоордынскими ханами, то опальные,

---

[29] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 130.

[30] Там же.

[31] Там же, стр. 131.

[32] Вспомним, что в эпоху упадка империи Юань крупные центры были также укреплены. Тогон-Тимур, строя столицу на Керулене, укрепил ее мощной стеной. Х. Пэрлээ. Киданьские города и поселения на территории МНР (X в. — нач. XII в.). «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 58 и сл.

разрушенные этой фортификацией усадьбы могли принадлежать враждебной им группе сарайских вельмож [33].

Мы отмечали, что аристократия левого крыла была до некоторой степени способна объединить Золотую Орду в рамках державы Узбека и Джанибека и ставила такие задачи. Эта великодержавная политика получила свое выражение в деятельности Токтамыша. Урус-хан был его предшественником на этом поприще. Урус стремился объединить все Поволжье. М. Г. Сафаргалиев привел интересные места из «Дяфтари Чингис-намэ», где Камские Булгары называются урусхановским юртом [34]. В 1375 г. Урус провел безуспешный поход против Хаджи-Тархана, где сидел Ходжи-Черкес, пытаясь присоединить этот удел [35].

Объединительная политика Урус-хана не увенчалась успехом. Против него выступили две политические силы: на западе Мамай от имени подставных ханов, а на востоке Токтамыш, у которого была поддержка могущественного Тимура.

Распад западной части Улуса Джучи на две части, Мамая и Уруса, во второй половине 1370-х годов напоминает внешне раздел между Токтой и Ногаем. К концу 1370-х годов Мамай, действуя от имени Мухаммед-Булака, контролирует почти все земли к западу от Волги [36]. Так же, как когда-то Токта, теперь Урус выступает объединителем всего наследства Джучи. Так же, как когда-то Ногай, теперь Мамай выступает как претендент на центральную власть и как проводник идеи гегемонии западных улусов в Золотой Орде. Однако существо дела сильно изменено. За Ногаем стояла старая патриархальная кочевая знать, сторонник старых порядков в своем родовом достоянии — Улусе Джучи, не признававшая новых методов эксплуатации городского и сельского населения. За Мамаем стоит западная золотоордынская сепаратистская аристократия, которую Мамай еще держит в руках силой, но которая готова разорвать в клочки его объединение. За спиной Токты стояло другое направление в джучидской аристократии, склонное к организации систематической эксплуатации оседлого населения и сближению с городской жизнью и управлением всего государства как единого целого. Уруса, а затем и Токтамыша поддерживают круги кок-ордынской аристократии, по уровню развития хотя и близкие к состоянию аристократии правого крыла на рубеже XIII—XIV вв., но более слабые, малочисленные, не опирающиеся на такое мощное развитие городов, как это было в начале XIV в.

Победа Токтамыша

После длительной борьбы Токтамыш при помощи Тимура победил Уруса и его сына Тимур-Мелика. Характерно, что по мере того как Урус входит в дела западных областей Поволжья, видимо сближаясь с сарайскими эмирами, аристократы и эмиры Кок-Орды отходят от него и отдают свои симпатии Токтамышу. Мы увидим, что позднее то же случится и с союзниками Токтамыша. В эти годы Токтамыш в борьбе с Урусом мог опереться не только на Тимура, но и на аристократию Кок-Орды, которая постепенно отходит от Уруса [37]. Быть может, в этом ее отходе значительную роль играла поддержка Токтамыша Тимуром, который для этой аристократии, видимо, являлся залогом восстановления сильной государственности. Не случайно, что эти круги левого крыла в буду-

---

[33] См. А. Г. Мухамадиев, Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае. СА, 1970, № 3.

[34] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 130.

[35] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 391.

[36] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 131.

[37] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 107, 108.

щем сами предадут Токтамыша, присоединяясь уже непосредственно к Тимуру. Мотивы действий Тимура объясняются желанием убрать опасно усилившегося Уруса при помощи марионетки, которой, так неудачно для себя, Тимур пытался сделать Токтамыша.

В 1379 г. Тимур разгромил Тимур-Мелика и посадил в Сыгнаке Токтамыша. Эмиры левого крыла перешли к Токтамышу: главный эмир Кок-Орды Казан-бахадур с несколькими знатными эмирами вслед за ним «стали направляться непрерывно отряд за отрядом и в непродолжительное время к нему присоединилась масса (людей)»[38]. Тогда же перешел, по предположению М. Г. Сафаргалиева[39], Али-бек, который упомянут среди эмиров Уруса во время кампании Уруса против Токтамыша. Часть эмиров осталась верной Тимур-Мелику (например отец Едигея, казненный затем Токтамышем), часть пыталась уговорить Тимур-Мелика отказаться от борьбы с Токтамышем (племянник Тимур-Мелика, командир левого крыла Мухаммед-оглан)[40].

В 1380 г. Токтамыш захватил Сарай, Хаджи-Тархан, Крым и Орду Мамая. Успех действий его против Мамая объясняется тем ударом, который испытал Мамай на Куликовом поле. После этой битвы он не смог больше удерживать в своих руках власть.

Разгром Мамая Дмитрием Донским — событие огромной исторической важности. Оно показало слабость Золотой Орды, ее непрочность, оно знаменовало начало высвобождения Руси из-под монгольского гнета. Для Золотой Орды это был один из главных ударов, после которых государство Джучидов раскололось на ряд мелких образований. Целая новая эпоха была открыта этой битвой в истории всей Восточной Европы. Даже усилия Токтамыша не смогли вернуть после битвы на Куликовом поле Золотой Орде ее былое могущество.

После разгрома мамаевых войск на Куликовом поле среди западной монгольской аристократии зреет тенденция поддерживать сильную единодержавную политику, которая была воплощена в Токтамыше. «Мамаевы же князя атаи Мамая совещашеся межь собою, глаголяще: несть добро нам в Мамаеве царстве жити, всюду бо есмы поругаеми и избиваемы от сопротивных наших; и что пользует нам жиитие в царствии его? Отидем убо ко царю Тохтамышу, и узрим тамо, что аще будет. И тако Мамаевы князи, сшедшие с коней своих, биша челом царю Тохтамышу, и даша ему правду по своей вере и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамая оставиша отнюдь в мале дружине, посрамлена и поругана»[41].

Великодержавная политика Токтамыша и ее неудача

Вскоре была покорена вновь Волжская Болгария, которая в 1382 г. упоминается в составе государства Токтамыша. Токтамыш сумел не только восстановить старые границы Золотой Орды, но и вновь укрепить позиции в Руси, где коалиция, возникшая для отпора Мамаю, распалась. Походы Токтамыша 1382 г. вернули Дмитрия Донского в положение данника Орды. Рязанские князья были вовлечены в сферу антимосковской протатарской политики.

Великодержавная политика Токтамыша шла по традиционным руслам монгольской внутренней и внешней политики «сильной власти». Как когда-то при Токте была проведена унификационная денежная реформа. Снова Золотая Орда вступила в союз с египетскими Мамлю-

[38] Тизенгаузен, т. II, стр. 131, 132.
[39] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 142.
[40] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 132, 191.
[41] ПСРЛ, т. IV, стр. 83; см. также т. VII, стр. 69; т. XV, ч. 1, стр. 141; т. XVIII, стр. 130.

ками и снова предъявила притязания на Азербайджан. Но эта традиционная объединительная и великодержавная политика Токтамыша не принесла существенных плодов. Она была противоречива по своей сути, так как не опиралась на достаточно сильные круги сторонников единства, не опиралась на растущие города, а наоборот, проводилась вопреки социальному развитию, которое вело к упадку городов и к феодальному сепаратизму.

Противоречивость политики Токтамыша хорошо проявилась в его денежной реформе 1380 г. Был введен снова единый дирхем, обязательный для всех городов. Этот новый дирхем чеканили Новый Сарай, Орда, Азов, Крым, Хаджи-Тархан, Сарайчик, Маджар и другие города. Но метрологически эта единица соответствовала, видимо, только Поволжью, его денежно-весовым стандартам. В Крыму, Азаке, в некоторых других городах дирхем нового веса был насажен искусственно и не соответствовал утвердившимся здесь весовым денежным единицам [42]. Отсюда — неудачи реформы. Уже в 90-х годах XIV в. некоторые местные монетные дворы переходят на чекан по старым местным весовым нормам. Денежная реформа Токтамыша не создала единства обращения дирхема и не могла его создать. Как отмечалось выше, «нумизматические провинции», т. е. локальные варианты денежного обращения, характеризующие какие-то местные группы экономических связей, начали образовываться в 60-х годах XIV в.; в конце XIV и в начале XV в. они выявляются с еще большей определенностью.

Столь же несостоятельными и противоречивыми были и политические действия хана. С одной стороны, он стремился к усилению центральной власти и укреплению ее авторитета, с другой — раздавал суюргалы или подтверждал иммунитет феодалов. Его объединительная политика, денежная реформа, переселение новых масс пленных ремесленников — все это было направлено на подъем ремесла и торговли (совсем как во времена Токты и Узбека). Но экономическая жизнь сложилась так, что города приходят в упадок и жизнь в них постепенно угасает уже с 1370-х годов. Окончательный и непоправимый удар был нанесен поволжским городам в 1395 г. Тимуром.

Поведение различных группировк золотоордынской знати во время войны с Тимуром

Взаимоотношения Токтамыша с Тимуром для нас очень важны, так как именно вопрос — поддерживать или выступать против Тимура—стал главным для различных группировок феодальной верхушки в государстве Токтамыша. Традиционная линия кок-ордынской аристократии — союз с Тимуром, которая собственно и привела Токтамыша к власти, прослеживается в 1380-е годы. Эмиры Кок-Орды, такие, как Урук-Тимур и Али-бек, а также и Ак-Бука [43], стремились к упрочению союза с Тимуром, к смирению Токтамыша перед Тимуром. Вспомним, что в свое время Али-бек, эмир Уруса, перешел к Токтамышу как ставленнику Тимура [44]. Однако после смерти Ак-Буки и Урук-Тимура новое окружение Токтамыша было настроено против подчинения Тимуру. Их линия была направлена на восстановление великодержавной политики первых Джучидов. И именно наиболее острые моменты внешней поли-

[42] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде. АЕ за 1957 г. 1958.

[43] По политической ориентации он был близок к Али-беку и Урук-Тимуру (Тизенгаузен, т. II, стр. 109, 151, 152, 168). Его принадлежность к Ак-Орде или к Кок-Орде прямо не устанавливается; можно думать, что Ак-Бука персидских источников и Ак-Бугин русских летописей (Пимен в 1389 г. проплывал по Дону мимо улуса Ак-Бугина, ПСРЛ, т. XI, стр. 96) — это одно лицо.

[44] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 109, 151, 152.

тики (помимо отношений с Тимуром) — союз с Египтом и претензии на Азербайджан — оказались традиционными вопросами внешней политики Джучидов, и Токтамыш не преминул их выставить[45]. Советниками, побуждавшими Токтамыша к конфликту с Тимуром, были Казанчия и другие «смутьяны из племени мангыт». У нас нет оснований относить их к какому-либо крылу[46]. Возможно, некоторую роль в повороте политики Токтамыша сыграли и круги, связанные с управлением, в частности с провинциальным городским управлением. Воспоминание о процветании городов при Узбеке и Джанибеке, может быть, толкало эти круги к тому, что они выступали сторонниками традиций политики этих ханов первой половины XIV в. Не случайным представляется тот факт, что послом в Египет в 786 г. х. (1384/1385 г.) был выбран сын Рамазана, правителя Крыма, Хасан[47].

Конфликт с Токтамышем возник еще в 1385 г. Вначале удача была на стороне Токтамыша, и он заходил со своими войсками за Кавказский хребет и в Среднюю Азию. Однако в тылу Токтамыша вскоре созрел внутренний заговор. Его организовала группировка сторонников союза с Тимуром. Некоторые эмиры левого крыла бежали к Тимуру: Кунче-оглан и Тимур-Кутлуг, сын Тимур-Мелика, от которого трудно было ждать верности Токтамышу, затеяли заговор против Токтамыша, и когда из этого заговора ничего не вышло, бежали к Тимуру[48]. За Тимур-Кутлугом бежит к Тимуру и Едигей (фактический глава всей кок-ордынской аристократии). Это все — представители именно кок-ордынской аристократии, которая поддерживала Токтамыша, когда он был в союзе с Тимуром, и которая сейчас поступила с Токтамышем так же, как в свое время с Урусом, когда он вступил в конфликт с Тимуром. Характерно, что Токтамыш в это время идет по стопам Уруса в противотимуровской своей деятельности, о чем особенно ярко свидетельствует его союз с могулистанским правителем, врагом Тимура, с которым в свое время блокировался Урус в борьбе с Тимуром и Токтамышем.

Кампанию 1388—1389 гг. Токтамыш проиграл. Тимур окончательно закрепляет за собой Хорезм и присырдарьинские города — городские центры Кок-Орды. Эта неудача вызвала новую волну недовольства Токтамышем внутри лагеря феодальной аристократии.

Западные монгольские эмиры — постельник Бахыт-Ходжа, Кадыр-Ходжа, Мамат-Ходжа, принявшие христианскую веру, в 1391 г. бегут к московскому князю[49]. Продолжает свою протимуровскую агитацию Едигей, подстрекая Тимура к нападению на Джучидский улус. В 1391 г. Тимур организовал новый поход против Токтамыша, описанный много раз в литературе. Токтамыш смиренно выразил готовность договориться, соглашался с приоритетом Тимура, но последний увидел в этом только слабость. Характерно, что Тимур потребовал, чтобы переговоры со стороны Токтамыша вел Али-бек, известный сторонник союза с Тимуром еще во времена Уруса[50]. В 1391 г. в битве на реке

[45] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 329; т. II, стр. 152. Союз с Египтом, по мнению М. Г. Сафаргалиева, имел антитимуровскую окраску (М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 145—146).

[46] М. Г. Сафаргалиев среди этих эмиров предполагает Едигея и его брата Исабека, но этому нет никаких подтверждений. Да это было бы странно, так как Едигей в это время проводит протимуровскую линию (см. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 145).

[47] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 452.

[48] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 155; М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 148.

[49] ПСРЛ, т. XI, стр. 125; т. XVIII, стр. 139.

[50] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 112—113, 160.

Кундурче Тимур одержал победу[51]. Во время боя опять сказалось недовольство части аристократии Токтамышем. В частности, Токтамышу в бою изменил Оглан-Булат[52] (очевидно, Бек-Пулад, который упомянут в качестве заговорщика в письме Токтамыша Ягайле 795 г. х.).

Характерно, что после этого поражения кок-ордынская аристократия, бежавшая к Тимуру, возвращается с ярлыками Тимура в свои старые владения[53]. Возвращаются Кунче-оглан, Тимур-Кутлуг и Едигей. В конце XIV в. феодальные пожалования настолько прочно закреплены за определенными ветвями монгольской знати, что становятся постоянными, наследственными, родовыми их владениями. Это объясняет, очевидно, возможность сохранения за определенными царевичами и нойонами их старых уделов после нескольких лет изгнания и политических смут.

Кок-ордынской аристократии было важно вернуться в свои уделы. Их не интересовало получение от Тимура суюргалов в его землях в Средней Азии. Они не желают, после того как получили свои владения, снова являться к его двору, становиться его нукерами. Получив свои улусы, они чувствуют себя снова независимыми и вполне самостоятельными.

Тимур отпустил Едигея, Тимур-Кутлуга и Кунче-оглана — эмиров и царевичей Кок-Орды — в их улусы и выдал им тарханные ярлыки при условии, что они вернутся к его двору «с семьями и родными», пообещав им еще большие милости[54]. Тимур хотел сделать из них послушных вассалов, видимо, предполагая, что они будут у него служить. Едигей противится этому[55]. Страх лишиться феодальной автономии, растерять своих вассалов, свой улус, войти в полное подчинение Тимуру и сделаться его дружинником — вот что звучит в речах Едигея. В этом выразилась противоречивость политической ориентации кок-ордынской аристократии. Стремление к распространению своей власти на весь Улус Джучи толкало их на союз с Тимуром, который был для них образцом деспота, восстановившего сильную власть и единодержавие. Когда же войны 1390-х годов привели к разрушению Хорезма и кок-ордынских городов, к исчезновению городских союзников Тимура (как, например, партии Ходжи-Лака в Хорезме), кок-ордынская аристократия остается единственным сторонником союза с Тимуром, но не поглощения Кок-Орды Тимуром. Потому-то, когда встал вопрос о поглощении Кок-Орды Тимуром, а следовательно, об утере самостоятельности кочевой аристократии в восточном улусе, эта группа феодалов оказывается противником Тимура. Сами же, ратуя за сильную власть, сделав все для передачи таковой Токтамышу, они испугались усиления власти Токтамыша, предав его и перейдя к Тимуру, а затем испугались единодержавия Тимура в Кок-Орде и предали Тимура. В Золотой Орде в конце XIV в. не было сил, способных привести страну к объединению вокруг центральной власти. Те круги, которые вначале выступают как сторонники этой власти, сами отказываются от нее, когда дело доходит до действительной диктатуры.

Перед теми кругами кок-ордынской аристократии, которые были сагитированы Едигеем, оставалось только одно: предав Токтамыша и отказавшись слушаться Тимура, попытаться сплотиться вокруг Джучида Тимур-Кутлуга, который и был объявлен ханом. Из этого лагеря

---

[51] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 117, 167.
[52] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 392—393.
[53] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 172.
[54] Там же, стр. 118.
[55] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 466—467.

Едигея и Тимур-Кутлуга к Тимуру бежал только Кунче-оглан, но он вскоре возвратился. Остальные представители кок-ордынской аристократии собрались в лагере, созданном Тимур-Кутлугом. Однако он оказался не единственным ханом, выдвинутым феодальной аристократией. Еще раньше в Золотую Орду вернулся Бек-Пулад, сражавшийся в битве при Кундурче, изменивший Токтамышу и бежавший к Тимуру. Вернувшись, он организовал заговоры против Токтамыша. Известно, что огланы и беки: Бек-Пулад, Ходжа ад-Дин (или Ходжа-Медин — чтение И. Н. Березина), Бакчи (или Бакчич), Турджак-Бирди (или Турдучак-Бирди) и Дауд — организовали против Токтамыша заговор, завязав снова тайные отношения с Тимуром[56]. Вскоре Бек-Пулад захватил власть в Сарае. Это был мелкий Джучид, имевший владения в верховьях Дона[57].

Токтамыш делает попытки восстановить свою власть в полном объеме в Золотой Орде. Он захватывает Сарай. Бек-Пулад бежит в Крым, где чеканит монеты в 794 г. х. (1391/1392 г.). Токтамыш осаждает его в Солхате. В это время Сарай захватывает Тимур-Кутлуг. Токтамыш снял осаду с Солхата и возвратился к себе в Сарай и затем возобновил борьбу в Крыму с Бек-Пуладом, победил его и назначил областного начальника Крыма эмира Кутлуг-Буку своим наместником в Крыму[58]. В 1393 г. Токтамыш восстановил свою власть в Золотой Орде. Только часть Кок-Орды осталась неусмиренной. Но Токтамыша признал даже такой его противник, как Кунче-оглан. Сразу же восстанавливаются отношения с Египтом и завязываются переговоры с Литвой, видимо, с целью сколотить антитимуровский блок. М. Г. Сафаргалиев высказал предположение, что в это время с той же целью устанавливаются переговоры с Османидами и с Грузией[59]. Тимур перед началом вооруженных действий против Токтамыша делает попытку решить вопрос мирно, но эмиры уговаривают Токтамыша решать спор только военным путем. Это, очевидно, были те эмиры, которые составляли при Токтамыше лагерь сторонников нереалистической политики восстановления улуса во всей его силе и объеме начала XIV в.[60].

Мы показали неустойчивость политической ориентации аристократии левого крыла, ее враждебность Токтамышу в 1390-х годах и страх перед поглощением Кок-Орды Тимуром. Скорее всего, к войне с Тимуром подстрекали западноджучидские аристократы, которые вошли в правительство Токтамыша во второй половине его правления в 1390-х годах, вытеснив советчиков из группы кок-ордынской феодальной группировки. Возможно, это была та группа феодальной знати, которая по природе своей была носительницей смуты и вражды, но в условиях 1380—1390-х годов после разгрома Мамая стремилась к сильной власти и искала ее в лице Токтамыша. Но ее стремление к центральной власти и восстановлению великодержавия Золотой Орды — это только пожелания; на самом деле она готова была разорвать тело государства на феодальные полунезависимые владения. Она, оказывается, еще в меньшей степени была способна действительно составить силу, которая могла бы объединить страну, еще меньше, чем кок-ордынская аристо-

---

[56] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 150. Об этом есть сведения в письме Токтамыша Ягайле (И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I, стр. 51).

[57] ПСРЛ, т. XI, стр. 96.

[58] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 392—393. Кутлуг-Бука упоминается в письме Токтамыша Ягайле и в тарханном ярлыке 794 г. х. (см. И. Н. Березин. Ханские ярлыки, вып. I, стр. 50; его же. Ханские ярлыки, вып. II, стр. 16).

[59] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 161.

[60] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 174.

кратия. Не случайно, что пока Токтамыш опирался на левое крыло, его дела были более удачны: он сумел восстановить старые границы Улуса Джучи, предпринял денежную реформу. Как только он стал опираться на западную аристократию, он был втянут в конфликт с Тимуром и страна была вновь раздроблена мятежными феодалами. Сам же Бек-Пулад — представитель западной улусной аристократии — подал пример, выступив как претендент на престол, играя на конфликте с Тимуром. Война 1395—1396 гг. принесла Токтамышу полный разгром. Вновь роковую роль сыграла ненадежность эмиров, подбивших Токтамыша к войне. В разгар боя у Терека эмиры поссорились между собой и допустили сепаратные действия, что привело к поражению Токтамыша.

Проанализируем судьбы и политические симпатии известных нам огланов и нойонов последних двадцати лет XIV в., современников правления Токтамыша.

Эмиры левого крыла

Али-бек, Урук-Тимур—эмиры, уже известные нам своим поведением в первый период правления Токтамыша, сторонники сближения с Тимуром. В 1390-х годах их роль сводится на нет.

Тимур-Кутлуг, Кунче-оглан и Едигей. Участвовали в битве 1391 г. на стороне Тимура[61]. Их протимуровская ориентация сменяется сепаратизмом и противодействием Тимуру и Токтамышу. Едигей сначала открыто выступает на стороне Тимура, затем после битвы 1391 г. уходит от него в свои владения, пытаясь создать лагерь аристократии левого крыла вокруг Тимур-Кутлуга. Кунче-оглан в битве на Тереке оказывается на правом крыле войск Токтамыша. До этого он порвал сначала с Токтамышем, перейдя к Тимуру, потом с Тимуром, примкнув к Тимур-Кутлугу. Авантюризм привел, очевидно, Кунче-оглана к тому, что в армии Токтамыша в битве на Тереке он был не эмиром-тысячником, выступавшим во главе своего улуса — «иля», а просто воином-бахадуром, поставленным ханом, несмотря на его кок-ордынское (левое крыло) происхождение, на правый фланг[62].

Иса-бек — брат Едигея — участник походов Токтамыша в Мавераннахр, на Кавказ. После бегства Едигея к Тимуру сохранил верность Токтамышу. В битве на Тереке воевал на левом крыле[63].

Эмиры правого крыла

Ак-Бука (его принадлежность к правому крылу очень гипотетична) действовал совместно с Али-беком и Урук-Тимуром. В 1390-х годах Ак-Бука почти сходит с политической арены. В первый период правления Токтамыша он был сторонником протимуровской политики.

Яглы-бей (его принадлежность к правому крылу может быть предположена на основании лишь довольно туманного сообщения «Родословной Тюрков») [64] участвовал в походах против Тимура, был приближенным Токтамыша в период его конфликтов с Тимуром, в битве на Тереке, где погиб, сражался в составе левого крыла, был послан Токтамышем туда с правого фланга, так как это левое крыло было обессилено[65].

Бек-Пулад-оглан, поддерживавший Токтамыша в его конфликте с Тимуром до 1391 г., когда перешел на сторону Тимура, впоследствии

---

[61] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 159.
[62] Там же, стр. 118—120, 176—177.
[63] Там же, стр. 151, 153, 168, 173, 177.
[64] Там же, стр. 207.
[65] Там же, стр. 151, 168, 173, 177, 202, 208.

выступил и захватил власть в Сарае как соперник Токтамыша, затем обосновался в Крыму и Азаке.

Бек-Ярыг — владелец удела где-то в степях западной части Золотой Орды. Видимо, выступал в лагере сторонников Токтамыша в его конфликте с Тимуром до самой битвы на Тереке, где он был на правом крыле войска. Позднее был разгромлен в своем уделе Тимуром[66].

Ак-Тау — также, видимо, имевший удел в западных степях, куда он бежал после разгрома на Тереке. В этой битве выступал как эмир Токтамыша на правом крыле. Впоследствии он изменил Токтамышу и бежал в Рум[67].

Дауд-Суфи — видимо, эмир правого крыла. В битве на Тереке был на правом крыле[68]. В письме Токтамыша Ягайле упоминается среди заговорщиков, завязавших сношения с Тимуром.

Удурку — сражался в битве на Тереке на правом крыле и бежал затем к брату — Бек-Пуладу[69].

Состав феодального командования армий Токтамыша во время столкновений с Тимуром в 1391 и 1395 гг. был следующим:

В 1391 г.[70]	В 1395 г.[71]
Эмиры и огланы Ак-Орды (правого крыла)	
Бек-Ярыг	Бек-Ярыг
Ак-Тау	Ак-Тау
Али-оглан	Али-оглан
Яглы-бей	Яглы-бей
Бек-Пулад	Дауд-Суфи
Ак-Бука	Удурку
Эмиры и огланы Кок-Орды (левого крыла)	
Иса-бек	Иса-бек
Таш-Тимур	Кунче-оглан
Эмиры, связанные с Хорезмом	
Сулейман Суфи	
Илыгмыш	
Прочие огланы и эмиры	
Ченте-оглан	Ильяс-оглан
Али	
Науруз-Конкурат	
Урусчук-Кыят	
Хасан-бек-Сарай	
Куке-Бука	
Кунгур-бей	

Таким образом, основные кадры феодалов, выступившие на стороне Токтамыша в его войнах с Тимуром в 1391—1396 гг., были представителями правого крыла (Ак-Орды). За исключением Кунче-оглана, Таш-Тимура и Иса-бека, все остальные упоминаемые в источниках эмиры и огланы, принявшие участие в кампании 1395 г., были запад-

---

[66] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 120, 121, 153, 168, 176, 179.
[67] Там же, т. I, стр. 465; т. II, стр. 120, 121, 168, 176, 177, 179.
[68] Там же, т. II, стр. 120, 176.
[69] Там же, стр. 120, 122, 123, 176, 182, 183.
[70] Там же, стр. 168.
[71] Там же, стр. 120, 173.

ными феодалами. Это ак-ордынское окружение Токтамыша оказалось ненадежным. Дауд-Суфи и Бек-Пулад были, видимо, в связи с Тимуром еще раньше, а Бек-Пулад даже выступал претендентом на престол. Ак-Тау, Бек-Ярыг не оказали поддержки левому крылу, что привело к гибели войска Токтамыша.

После победы на Тереке войска Тимура вышли на Волгу, где устроили страшный погром золотоордынских городов. В Сарае остался ставленник Тимура сын Уруса — Койричак-хан. В то время эмиры правого крыла, бежавшие с поля боя у Терека, провозгласили одного из царевичей левого крыла ханом. Это был Тука-Тимурид Таш-Тимур, который обосновался в Крыму.

Агонизирующее государство Золотой Орды утратило к концу XIV в. уже все свои четкие внутрифеодальные членения. В армейских построениях эмиры левого и правого крыла переходят с одного фланга на другой. Соответствие строя армии и феодальных уделов нарушается. В политической жизни группировки правого и левого крыла утрачивают свои определенные линии поведения, и все нивелируется авантюризмом отдельных выскочек на фоне сепаратизма, разложения центральной власти, гибели городов и торговли.

Тимур и его полководцы уничтожили в Крыму Таш-Тимура, разорили Каффу и ряд других городов. Они разбили и заставили бежать непокорных эмиров и нойонов Золотой Орды, вторглись в Русские земли, разорили Азак, Маджар, затем немного погодя совершили карательную экспедицию против Хаджи-Тархана, жители которого имели смелость проявить недовольство наместником Тимура. История Токтамыша как правителя Золотой Орды кончилась.

ГЛАВА VII

ФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА В НАЧАЛЕ XV В. ПАДЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Разгром государства Токтамыша вызвал очень большие бедствия и в степи. Об этом в красноречивых выражениях сообщает Арабшах[1]. Разгром, учиненный Тимуром, вызвал отлив кыпчакского населения в Турцию, Русь, Литву.

Феодальная борьба 1360—1370-х годов и война Тимура с Токтамышем, окончившаяся поражением Токтамыша, оказалась гибельной для золотоордынских городов. В предыдущем разделе мы пытались показать, как те социальные сдвиги в Золотой Орде, которые фиксируются нашими источниками в конце XIV в., обусловили и запустение городов, и сепаратизм феодалов, и феодальные войны.

Особенности политической борьбы в Золотой Орде в конце XIV — начале XV в.

Вместе с тем политические бури второй половины XIV в. привели к тому, что прежде более или менее четкие топографические членения половецкой степи, которые соответствовали определенным прослойкам феодальной аристократии со своими политическими устремлениями, постепенно перемешиваются в общем хаосе феодальной усобицы, авантюризма ханов и неразберихи. Тука-Тимуриды, ханы левого крыла, действуют и обосновываются в Крыму, внук Урус-хана Борак осаждает Одоев, Тука-Тимуриды Улу-Мухаммед мечется между Волжской Болгарией и Крымом, а Саид-Ахмет кочует в западноукраинских степях, Тимур-Кутлуг, Джучид левого крыла, внук Уруса, обосновал свой юрт в Хаджи-Тархане.

У нас мало источников для того, чтобы непосредственно изучать социальный строй золотоордынского общества. Поэтому мы используем косвенные данные, по которым можно судить об уровне развития социального строя. Такими косвенными данными являются политические события, в частности борьба внутри лагеря феодалов за власть и ленные владения.

В конце XIV в. в сложной и напряженной политической борьбе, в которой участвуют Тимур, Токтамыш, несколько десятков Джучидов различных ветвей и несколько групп феодальной аристократии, еще можно приблизительно наметить основные направления и устремления определенных групп Джучидов и аристократии, связанных с теми или иными районами Золотой Орды, с теми или иными внутренними членениями феодального государства, в основном восходящие к первоначальному делению Улуса Джучи на улус Орды (Кок-Орда) и улус Бату (Ак-Орда).

Лагерь кок-ордынской аристократии выступает с определенной политической доктриной — занять золотоордынский престол, пользу-

[1] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 464—470.

ясь союзом (союзом, но без поглощения Золотой Орды) со среднеазиатским деспотом-завоевателем Тимуром.

Мы отмечали олигархические тенденции чиновной, вельможной, связанной с правительством аристократии в столичных городах Поволжья, их боязнь ханской власти. Но среди этой группировки постоянно идет борьба сторонников захвата престола царевичами левого крыла и их противников, стремящихся сохранить господство дома Бату и Узбека.

Ярко проявляется сепаратизм князей правого крыла, которые имели свои владения в той части государства, которая была расположена в восточноевропейских степях. Эти владения, по нашему предположению, соответствуют в ряде случаев владению типа «суюргал», объединяющему оседлые и городские районы и кочевые степи с половецким населением.

Среди всех этих феодальных группировок не было силы действительно способной обеспечить централизацию и длительную консолидацию государства. Временное объединение под властью Токтамыша объясняется удачным для этого хана стечением обстоятельств, которые, однако, вскоре переменились, некоторой тягой к централизму в среде аристократии Кок-Орды, на которую он опирался и, наконец, личными свойствами самого Токтамыша. Но его мероприятия, направленные на упрочение центральной власти, оказались несостоятельными, противоречивыми и приводили лишь к иллюзорному, временному объединению государства. Стоило Токтамышу потерпеть военное поражение, как он сам сделался одним из владельцев большого суюргала и обосновал улус, имевший резко выраженную тенденцию к автономии, «Крымский юрт Токтамыша»[2].

Начало XV в. выдвинуло нового объединителя Улуса Джучи, которому удалось удержать на некоторое время в своих руках большую часть Золотой Орды. Это был Едигей, правивший от лица своих подставных ханов-марионеток.

Неудачи объединительной политики Едигея

Едигей от имени Шадибека в 802 г. х. (1399/1400 г.) провел новую, третью по счету, унификационную денежную реформу. Он снова попытался ввести единую по весу серебряную монету. Изучение этой реформы показывает, что действие реформы распространялось только на поволжские рынки, что унификация не была всеобщей (болгары чеканили монету в это время по другой норме), что эта реформа еще в меньшей степени, чем реформа Токтамыша, привела к унификации денежного обращения. Денежное обращение в начале XV в. четко разделилось на ряд локальных вариантов[3].

То относительное единство государства, которое мы наблюдаем в эпоху Узбека и Джанибека, держалось на торговле, развитии ремесла и городов, бывших главной скрепляющей силой феодального государства. С городами были связаны и ханское правительство и весь аппарат власти хана.

Вполне естественно, что каждый новый «объединитель» пытался своими унификационными реформами как-то возродить торговлю, привлечь торгово-ремесленные круги городов на свою сторону. Таковы были замыслы Токты, и они были в значительной мере осуществлены, так как феодализация степи еще не зашла далеко, а города развивались

[2] См. об этом М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 176.

[3] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, 1960, т. I, стр. 119 и сл.

прогрессивно, именно на базе общегосударственной торговли и притока рабской силы и средств из покоренных земель, что обеспечивала ханская сильная власть. Таковы же были замыслы Токтамыша, но они остались только замыслами; претворение их в жизнь оказалось противоречивым и ограниченным. Денежная реформа не привела к действительной унификации обращения. Города находились в состоянии начавшегося упадка, а феодализм в степи зашел так далеко, что центробежные силы доминируют над центростремительными. Денежное обращение конца XIV в. распадается на ряд локальных вариантов, показывая тем самым, что местные экономические связи для городской жизни имели большее значение, чем общегосударственная торговля. Реформа Токтамыша в некоторой степени восстановила эту общегосударственную торговлю, но разрыв торговых связей в ряде мест, в частности между Средним и Нижним Поволжьем, остался непреодоленным реформой.

Сравнительное изучение денежного дела XV в. в Среднем и Нижнем Поволжье показывает, что несмотря на полное прекращение поступлений сарайской или хаджи-тарханской монеты на рынки Волжской Болгарии, а болгарской — на рынки Нижнего Поволжья, все же имело место согласованное изменение весовых норм чеканки монет в этих двух, казалось бы, изолированных районах денежного обращения. Несмотря на отсутствие единой для этих районов ханской власти при всех изменениях вес сарайской и хаджи-тарханской серебряной монеты XV в. относится к весу болгарской, как 3 : 2[4]. Сохранение этого соотношения было удобно для перерасчетов. Можно думать, что те сферы мелкой и средней торговли, которые разносили монеты по стране, к XV в. сократились, полностью деградировали; осталась лишь крупная и караванная торговля, оперировавшая системой чеков и безналичных расчетов,— явление, которое наблюдалось в торговле между Поволжьем и Хорезмом в XIV в. Деградация мелкой розничной торговли в городах и перенесение центра тяжести на крупную транзитную караванную торговлю отмечаются в денежном деле уже в конце XIV в.[5]. В XV в. примером крупной торговой акции является поездка ширазского купца в Сарай в 1438 г.[6].

В 1400 г. денежная реформа застала центральные города Золотой Орды в руинах. Те периферийные города, которые сохранили свою экономическую жизнь, оказались более тесно связанными со своей округой (процесс, начавшийся еще в середине XIV в.). Реформа ни в коей мере не преодолела разрыва общегосударственных торговых связей. Наоборот, в начале XV в. с еще большей резкостью и четкостью вырисовываются контуры локальных вариантов денежного обращения. При этом действие унификационной реформы (обмен старых дирхемов на новые во всем объеме был произведен только в Нижнем Поволжье) ощущается только в центральных районах.

Таким образом, неудавшаяся унификационная денежная реформа 802 г. х. (1399/1400 г.) была механической попыткой объединить экономическую жизнь. Но вместе с тем эта реформа показала, что разгром Тимуром золотоордынских городов имел разные последствия в различ-

---

[4] См. А. Г. Мухамадиев. Два клада татарских монет XV в. СА, 1966, № 2.

[5] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет. НЭ, 1963, т. IV, стр. 173; его же. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. НЭ, 1965, т. V, стр. 219.

[6] См. В. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, вып. II. Ширазский купец в Поволжье в 1438 г. М., 1967.

ных областях страны. Оседлые окраины Золотой Орды (Мордва, Верховские русские земли, Волжская Болгария, Хорезм, Крым и тяготеющие к нему области) восстановили торговлю, ремесло и денежное обращение. В степи же и в городах, расположенных в степи,— в половецких золотоордынских городах (города Нижнего Поволжья, Азак, Маджар, Сарайчик, а также города нижней Сырдарьи) — не восстановили своего денежного обращения в значительном объеме. В этих городах, некогда так насыщенных медными и серебряными монетами XIV в., почти нет находок монет XV в., хотя монеты там чеканились. Все эти монеты сосредоточиваются в кладах — капиталах торговцев-ростовщиков, организаторов транзитной крупной караванной торговли в XV в., оторванной от мелкого торга золотоордынских городов.

Едигей не мог опереться ни на какую социальную силу в своем стремлении объединить Дешт-и-Кыпчак и весь Джучидский улус. Его деятельность выразилась в серии интриг и беспринципных альянсов с самыми разнообразными группировками феодальной кочевой аристократии. Сама же эта аристократия утратила все свои традиционные членения на группы, связанные с территориальным расположением улусов, потеряла какое-либо политическое лицо, став на путь авантюристической борьбы за уделы, земли, пастбища, престол и власть.

Борьба феодалов между собой в Кок-Орде в XV в. достигла того уровня, который наблюдали мы в Ак-Орде в 1370-х годах. Едигей, один из эмиров левого крыла, становится правителем от лица ханов левого крыла (так же, как Мамай в свое время был правителем от лица ханов правого крыла в борьбе за власть в Улусе Джучи). Это, видимо, последний возможный шанс на объединение и сохранение государства — выдвижение темника и его правление от лица марионеток-ханов.

В Ак-Орде, т. е. в западной части Улуса Джучи, где феодализм развивался более быстрым темпом, это было проделано в 1370-х годах и показало, что те социальные круги, на которые мог опереться такой временщик, не способны привести к централизму. В Кок-Орде этот путь был пройден в начале XV в. и показал то же самое. В конце XIV в. кок-ордынская аристократия еще могла выдвинуть из своих рядов хана — проводника политики сильной ханской власти и поддержать его. В начале XV в. ни о какой сильной ханской власти не могло быть и речи. Власть мог захватить и некоторое время ее удерживать только авантюрист и интриган, достаточно удачливый и ловкий. Захват ханской власти темниками-временщиками, правившими от лица ханов-марионеток, был возможен в этот последний этап политического разложения феодальной Золотой Орды потому, что эта власть осуществлялась в обход сложившихся группировок вельмож и правительственных кругов. Именно эти круги создавали неустойчивость власти в Сарае в конце XIV в., и, быть может, именно их отсутствие в орде Мамая и дало ему хотя бы некоторую возможность удерживать власть более или менее долгое время. Не хан садился теперь на сарайский престол, вокруг которого борются олигархические группировки аристократии, а авантюрист с группой своих приверженцев, обосновавшихся в его орде, захватывал столицу и сажал там какого-нибудь лишенного всякой фактической власти Джучида. Власть сосредоточивалась теперь не в руках хана и его правительства, вельмож и придворных, а в руках темника, в его орде, где кроме его вассалов-нукеров и кочевых феодалов не было других значительных группировок феодалов. Потому смещение или гибель хана меняли только ту декорацию, за которой прятался временщик (в Ак-Орде в 1370-х годах — Мамай, в Кок-Орде в начале XV в.— Едигей).

Нам представляется, что именно эти обстоятельства позволили Едигею в последний раз объединить Золотую Орду. Это была последняя возможность объединения, последний шанс централизма в государстве, и когда он был исчерпан, Золотая Орда перестала существовать, уступив свое место ряду независимых государств, образовавшихся на ее развалинах. Деятельность Едигея и его борьба с другими феодалами свелась к тому, что Едигей систематически сажал на престол марионеток-царевичей из левого крыла (Тимур-Кутлуг, Шадибек, Пулад и др.). Противниками его выступают сыновья Токтамыша, разбросанные по всей Золотой Орде.

Характерно то, что, выдвигая царевичей левого крыла, Едигей действовал, видимо, согласно традиции, восходившей к тому времени, когда ханы левого крыла домогались сарайского престола. Сам Едигей, основатель так называемого «Мангытского Юрта» на Яике, не был в это время непосредственно связан с кок-ордынской территорией. Но Тука-Тимуриды, принадлежавшие с XIII в. тоже к улусу Орды,— Токтамыш и его дети — выступали против Едигея, опираясь на самые различные феодальные образования: они действовали то из Крыма, где Тука-Тимуриды пользовались, видимо, особой поддержкой, то из Сибири, то из Волжской Болгарии; особенно часто они использовали поддержку Литвы.

Принадлежа к династической линии Тука-Тимура, Токтамыш захватывает власть именно в Крыму[7], где его происхождение из рода Тука-Тимуридов имело какой-то политический вес и значение, поскольку его предшественник Таш-Тимур также принадлежал к этой же ветви. Последующие властелины Крыма также были Тука-Тимуридами. Таким образом, за Тука-Тимуридами прочно закрепился Крым.

Другой хан — Тимур-Кутлуг осел в Хаджи-Тархане и вскоре захватил Сарай[8]. Его принадлежность к Кок-Орде и основание юрта в районе Хаджи-Тархана, который всегда рассматривался как часть правого крыла,— пример того явления, которое мы охарактеризовали как смещение феодально-территориальных границ внутри степи. Это смещение старых юртов в начале XV в. сказалось и в изменении традиции. Теперь стали считать Казань Бораковым юртом (Борак из потомков Орды, внук Улуса), Астрахань — Тимур-Кутлуговым (тоже из ханов Кок-Орды)[9], Крым — Токтамышевским юртом.

Распад Золотой Орды

Борьба ханских группировок привела к образованию новых государств на развалинах Золотой Орды, в каждом из которых к власти приходит та или иная ветвь Джучидов. После образования Казахского ханства в 1430-х годах, а также отпадения восточных районов во власти джучидского хана Кичи-Мухаммеда оставались только степи Восточной Европы, главным образом Подонье и Поволжье. Русские летописи в 1440-х годах знают две орды в степях Восточной Европы: «татар» Саид-Ахмеда и «татар» Кичи-Мухаммеда. Эти две кочевые группировки вели борьбу на территории степей, оставшихся от Золотой Орды, которую русские источники теперь называют Большой Ордой. Эта борьба сопровождалась внутренней усобицей в каждой из этих группировок.

Степная территория Восточной Европы в это время распределяется между Кичи-Мухаммедом и Саид-Ахмедом следующим образом:

[7] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 364; М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 175; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. I. СПб., 1863, стр. 95, 229—230.

[8] См. Тизенгаузен, т. II, стр. 133; В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., т. I, стр. 49.

[9] ПДРВ, т. VIII, стр. 46, 47, 51.

основные кочевья Саид-Ахмеда были, видимо, на Западе, в Подолии, вблизи границы с Польшей. Кочевья Кичи-Мухаммеда и его сына Ахмеда были в Подонье и Поволжье [10].

Вскоре происходит полное отделение Крыма. В XVI в. окончательно определились границы крымского юрта Гиреев: весь полуостров и часть степей до «Конских» и «Молочных» вод на севере и востоке. Степи Южной России изолируются от оседлых и городских районов. Бывшие в XIV в. в степи золотоордынские города в это время уже лежат в развалинах. Дешт-и-Кыпчак возвращается к своему кочевому облику, кочевая стихия господствует беспредельно, захлестнув все те элементы городской жизни, которые были здесь сто лет назад, но которые не оставили в степи почти никакого наследия.

В 1450-х годах сходят с политической арены Саид-Ахмед и Кичи-Мухаммед. После смерти Кичи-Мухаммеда выделилось Астраханское ханство [11].

Астраханское государство унаследовало от Золотой Орды ее хозяйственный дуализм. Так же, как сто лет назад в Золотой Орде, здесь сосуществовали два экономических уклада (оседлые оазисы, города и кочевая степь), которые сохранялись в Астраханском государстве вплоть до середины XVI в. Контарини сообщает нам о кочевках астраханских татар летом в степях и об их возвращении в район Астрахани на зимние стойбища [12]. Вместе с тем Астрахань (Хаджи-Тархан) была известна как крупный центр транзитной торговли и ремесла, связанный с Кавказом, Россией, Средней Азией, Ираном, Казанью, Крымом и т. п. Характерно, что Астраханское ханство унаследовало от Золотой Орды наличие кочевой ставки-орды, которая известна в письменных памятниках и по монетам [13]. В значительной степени такой же хозяйственный дуализм и наличие кочевой ставки характеризует и Крымское ханство как осколок Золотой Орды. С одной стороны — оседлые земледельческие районы и города. С другой стороны — кочевая ставка хана, обросшая ремесленно-торговыми кочевыми посадами и степи без заметных следов оседлого земледелия [14].

После образования Астраханского ханства в кочевой степи возникло государство Большая Орда. Его правитель хан Ахмат хотя и продолжал считаться номинально главой всех Джучидов, контролировал фактически только степи, входившие в это кочевое государство [15]. Большая Орда оказалась наследницей только кочевой части Золотой Орды. На ее территории не было городов и значительных масс оседлого населения. Что же касается земледелия, то оно существовало в той форме, в какой оно постоянно существует у кочевников. Судя по описанию И. Барбаро, весной некоторые жители орды выезжают в определенные места высеивать хлеб, затем возвращаются в орду, которая летом кочует, а осенью, при возвращении на зимовки, высылают людей собирать урожай [16].

После смерти Едигея в восточной части Золотой Орды создается несколько самостоятельных государств.

[10] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 262, 259, 268.

[11] Там же, стр. 264 и сл., 267.

[12] «Барбаро и Контарини о России». Л., 1971, стр. 223.

[13] См. А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 531. Афанасий Никитин писал, что Астраханский хан имел свою орду. «Хождение за три моря Афанасия Никитина». М.—Л., 1958, стр. 12.

[14] См. В. Е. Сыроечковский. Мухамед-Герай и его вассалы. «Уч. зап. МГУ», 1960, вып. 61, стр. 8.

[15] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 268 и сл.

[16] «Барбаро и Контарини о России», стр. 150; см. также В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 11 и сл.

Границы узбекских кочевий Абу-л-Хайра были очень широки и включали в себя не только нижнее течение Сырдарьи, но и северное Приаралье, а на востоке доходили вплоть до территории Сузака и гор Ала-Тау [17]. Но в середине XV в. эта территория распадается на ряд мелких образований. От узбекского союза отделилась группа кочевников, составившая новое кочевое объединение казахов. Отделились также каракалпаки и мангыты (последние образовали впоследствии Ногайскую Орду). Ногайская Орда была исключительно кочевым государством [18].

На северо-востоке Ногайская Орда соединялась с Сибирским ханством [19].

Кочевым государством оставалось и Сибирское ханство, образованное в первой половине XV в. Хаджи-Мухаммедом — шибанидским царевичем. Границы этого ханства в XV в. неизвестны. Здесь, во всяком случае в южной части ханства, господствовало кочевое скотоводство и звероловство, а городки были не более чем зимовками орды, где оседали бедняки и ремесленники. Однако хозяйство дополнялось все более и более развивающимся земледелием. Здесь, в далекой окраине Золотой Орды, сложился тот комплекс земледелия, охоты, скотоводства, примитивного ремесла и торговли, который вызревал в Половецкой степи и сложился бы там, не будь монгольского нашествия. Здесь не было больших, стремительно выросших на пустом месте золотоордынских городов типа Сараев, Сарайчика или Маджара. Этот район не пережил ни грандиозного подъема, ни стремительного упадка городов, которые имели место в центральных районах Золотой Орды. Поселки западносибирских аборигенов — зачатки оседлости, земледелия, ремесла при монголах продолжали развиваться, пережили тревожные смуты и к XVI в. сохранились как центры ремесла и торговли [20].

Таким образом, в Дешт-и-Кыпчак возникли новые государственные образования, явившиеся наследниками Золотой Орды. Это были: Большая Орда, Ногайская (Заяицкая) Орда, Казахское и Узбекское ханства — кочевые государства, в которых нашла свое развитие кочевая стихия хозяйства, составлявшая один из главных укладов Золотой Орды. На периферийных территориях образовались Крымское, Касимовское и Казанское ханства, в которых получила значительное развитие и продолжение оседлая земледельческо-городская экономика — второй основной уклад Золотой Орды. В Казанском и Крымском ханствах продолжало существовать денежное обращение. В этих ханствах развивались ремесло и торговля, сохранялись те основы городского развития, которые имели место в золотоордынское время. Оседлый городской и земледельческий уклад, в степной части Золотой Орды

---

[17] См. М. Г. Сафаргалиев. Ук. соч., стр. 210.

[18] См. сообщение А. Дженкинсона: «У ногайцев нет ни городов, ни домов, живут они в открытых полях... Когда скот съест всю траву, они перекочевывают в другое место. Это народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющим все его богатство» («Известия англичан о России XVI в.». М., 1884, стр. 38). Сарайчик за все время существования Ногайской Орды был в развалинах. Когда Ногай стал ханом в XVI в. и нужно было построить дворец (Сарай) или зимнюю ставку, они просили русского царя прислать им материалы и мастеров (ПДРВ, 1795, т. X, стр. 222).

[19] См. П. А. Соловьев. Историческое обозрение Сибири, ч. I. СПб., 1886, стр. XVI; С. В. Бахрушин. Примечания на работу Г. Ф. Миллера. История Сибири, т. I, 1937, стр. 476—477.

[20] См. В. П. Левашева. О городищах Сибирского Юрта. СА, 1950, XIII; В. Н. Пигнатти. Искер (Кучумово городище). «Ежегодник Тобольского музея», 1915, вып. XV.

захлестнутый кочевой стихией, в этих периферийных государствах получил дальнейшее развитие.

И, наконец, в самом центре бывшей Золотой Орды, в Астраханском ханстве, а частично в Крымском ханстве мы находим продолжение того симбиоза, сохранение того сосуществования кочевого уклада населения и торгово-ремесленной деятельности городов, который был столь характерен для собственной, центральной территории Золотой Орды, для степей Поволжья, Заволжья, Северного Кавказа, в меньшей степени — для территории Кок-Орды и западных улусов.

Некоторые социально-политические явления, сопровождавшие распад Золотой Орды

Упадок централизма и возвращение к полному преобладанию кочевничества в степи привело к воскрешению в тех «юртах», на которые распалась Золотая Орда, некоторых черт общественного строя, характерных для первых периодов Золотой Орды, т. е. периода ее еще полуфеодального-полупатриархального развития. Восстанавливаются, в частности, воззрения на улус как на общеродовое достояние. В XVI в. в Крыму, у Гиреев, возрождается старинный порядок престолонаследия, при котором преимущественное право на наследование имел не сын, а брат хана, и восшествие на престол снова стало утверждаться советом аристократии. Порядок наследования звания старшего князя в аристократических родах Крыма осуществлялся по тому же принципу. В борьбе за престол снова, как в Золотой Орде XIII в., противостоят две главные фигуры — дядя и племянник [21].

То же можно сказать и о династической борьбе, происходившей в Казанском ханстве и у ногаев [22]. При переходе власти от одного хана к другому восстанавливается кое-где былое значение курултаев и принципа выборности хана [23].

В государствах, образовавшихся на развалинах полукочевой империи — Золотой Орды — и бывших в значительной мере кочевническими организациями, племенное устройство было очень живуче и маскировало феодальный строй. Наметившаяся в Золотой Орде тенденция к прямому наследованию от отца к сыну как в сфере политики, так и в сфере феодальных держаний не привела к преобладанию наследственных держаний аристократических семей. Крупные улусы и административные должности часто оказывались в руках не отдельных знатных семей, а целиком аристократического рода, весьма многочисленного. Постоянная борьба двух тенденций: наследования от отца к сыну и наследования от старшего брата к младшему [24] — отражала борьбу двух тенденций — образование наследственно передаваемых в пределах одной семьи уделов — феодов и сохранение представления об улусе как о родовом держании, части которого находятся во временном владении того или иного из членов рода. Это явственно проступает в статусе земель — «бейликов» в Крыму — уделов знатных родов Ширинов,

---

[21] См. В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 19—21, 34—36, 39—42; Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1894, № 22, стр. 74 и сл.

[22] См. М. Худяков. Очерк по истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр. 30 и сл.; Г. Перетякович. Поволжье в XV—XVII вв. М., 1877, стр. 138—140, 273.

[23] Например, у мангытов-ногаев в XV—XVI вв. МИКХ, стр. 104—105.

[24] О борьбе двух этих тенденций в порядке наследования у казахов в XV—XVIII вв. см. МИКХ, стр. 191—222; В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765), т. 2. Уфа, 1855, тетрадь 1, стр. 62—64.

Барынов и т. п.[25] Владение переходило к старшему в роде, но не обязательно к сыну. Владение было ограничено, и бий не мог им распоряжаться как собственник, ибо оно было общеродовым достоянием[26]. Принципу аристократического общеродового держания, владения всем родом, противостоит другой принцип аристократических владений — майорат, где земельное владение переходило по прямой линии по праву первородства, от отца к сыну. И там и здесь такой порядок сохранял большие феодальные владения нерасчлененными и создавал в совершенно разных условиях и на совершенно разной основе мощный слой аристократии, ограничивающей верховного правителя. Но в одном случае — абсолютизированное земельное держание, в другом — абсолютизированный аристократический род.

Татарскую знать XV—XVI вв. отличает от западноевропейской титулованной земельной аристократии отсутствие титулатуры, отражающей «вотчины». Для последней название земельного владения присовокуплялось к имени как наследственный титул. В татарских государствах XV—XVI вв. характерно присовокупление к тому или иному крупному феоду-суюргалу титула, происходящего от места, которое занимал его владелец в исчислении старшинства в правящем роду. За владением закреплялось название того или иного положения в правящем роду. Как только какой-либо член этого рода занимал это положение, держание передавалось ему. Это наглядно видно на примере титула «нур-ад-дина» у ногаев, который происходил от имени Нур ад-Дина, сына Едигея. Создалось такое положение, что за ногайским ханом закреплялся суюргал—владение на Яике, а владения в районе Волжского устья закреплялись за всеми «нур-ад-динами», т. е. теми сыновьями или племянниками хана, которые признавались старшими и жаловались этим титулом[27].

Промежуточное положение занимал тот порядок, который сложился в Московском государстве в XIV—XV вв., где аристократические роды еще сохраняли свои связи и часто были весьма сплочены (например род Годуновых), но где принцип наследования по прямой линии от отца к сыну при отсутствии права первородства и принципа майората привел к дроблению владений и вырождению родов в захудалую безземельную аристократию, расчлененную на отдельные семьи[28].

Тенденция к возврату к архаическим нормам наследования власти в уделах и юртах была проявлением характерной для неразвитого у кочевников феодализма коллективной эксплуатации правящим

---

[25] Термин, известный в Золотой Орде на рубеже XIII—XIV вв. См. в Codex Cumanicus: «Diutia» — «maal» — «beylic» (имущество). G. Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1886, p. 22.

[26] См. Ф. Ф. Лашков. Ук. соч.; ИТУАК № 23, стр. 84; Г. Ф. Блюменфельд. Крымско-татарское землевладение. Одесса, 1888, стр. 13, 17, 23, 32.

[27] См. В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. II. СПб., 1864, стр. 418—419; ПДРВ, т. IX, стр. 248, 249; т. X, стр. 67, 229, 243, 274, 290; т. XI, стр. 50. Аналогичные явления можно отметить в истории Монголии XIV в. («История Монгольской Народной Республики». М., 1967, стр. 148). Характерно, что в Крыму наследник престола, получавший титул «калга», не обязательно должен был быть сыном хана. Так как часто «калгой» становился, как и следовало по старому счету старшинства, дядя наследника по отцовской линии, т. е. брат хана, то для сына хана был введен новый титул второго наследника престола (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 537). За титулом «калга» в Крыму закреплялся определенный массив земли (Ф. Ф. Лашков. Ук. соч., ИТУАК, № 22, стр. 76 и сл.).

[28] См. С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 80 и сл.

родом вассального населения. С этим мы сталкивались на разных этапах истории Золотой Орды, и это явление, судя по примерам XV—XVI вв., не было изжито в государствах—наследниках Улуса Джучи.

Таким образом, говоря о степи XV в. и сравнивая ее с кочевым населением Дешт-и-Кыпчак XIV в., мы должны констатировать решительное возвращение к кочевому хозяйству и упадок тех элементов оседлости, комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, которые зарождались здесь еще в домонгольское время. Общественный строй Золотой Орды хотя и дал благоприятную почву для городов в начале XIV в., в конце XIV в., особенно в XV в., оказался крайне неблагоприятной средой не только для торговоремесленных элементов, но и для земледельческого оседлого уклада. Феодальная борьба и внешние вторжения привели к упадку хозяйства в степи, отмеченному современниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Старое домонгольское население степей, вошедшее в состав Золотой Орды, население, главным образом состоявшее из половецких, кимакских, гузских племен, а также остатков печенежско-торческих (черноклобуцких) племен, подвергалось в течение золотоордынского периода своей истории коренным изменениям.

Нельзя ставить знак равенства между полугосударственными образованиями половцев XII—XIII вв. и Золотой Ордой. Нельзя рассматривать владычество золотоордынских ханов как простое продолжение старого господства номадов в южнорусских степях. Улусное феодальное государство Золотой Орды было эпохой глубокого изменения как соотношения сил оседлых и кочевых зон Восточной Европы, так и внутренней социальной структуры населения степей.

Собственно монгольское население в Дешт-и-Кыпчак было сравнительно небольшим. Археологически примесь монгольского этнического элемента обнаруживается лишь в Поволжье и Заволжье. Остальные степные территории сохранили старое кочевое население, сменившее только свою родоплеменную аристократию на новых господ—степных ханов Золотой Орды и их эмиров.

Но монгольское завоевание уничтожило ту оболочку племенных делений, которая была характерна для старого кочевого общества половецкой степи и поставило население Дешт-и-Кыпчак в рамки улусной системы — формы феодального развития общества в степи.

В связи с этим происходит резкое изменение некоторых черт культуры, например, исчезает существенный для этнографии половцев обычай — ставить каменные изваяния в честь предков.

Но утратив некоторые важные этнографические особенности, половцы сохранили другие черты своей культуры.

Поскольку половцы и другие кочевые народности домонгольских степей (гузы на Сырдарье) сохраняются как кочевые народности, основные деления Золотой Орды идут по линии традиционных границ, сложившихся между этими массами номадов еще в предмонгольское время. Но в конце XIV в., а особенно в XV в., мы видим, что эти границы утрачивают свою устойчивость. В начале XV в. стираются политические различия между группами феодальной монгольской знати — выходцами из тех или иных районов степи; прежде эти группы отчетливо разграничивались по своей политической ориентации. В XV в. складываются новые кочевые и полукочевые государства в бывшей половецкой степи. Границы этих государств в XV в. и основные деления Золотой Орды в XIII — первой половине XIV в. совершенно не совпадают. Часть кочевых территорий обнаружила в конце XIV — XV вв. экономическое тяготение к Крыму: районы Северного Причерноморья и Приазовья, западная часть Северного Кавказа, часть Молдавии. Земли Кок-Орды были расчленены между узбеками и казахами. Улус Шийбанидов, который сложился на территории восточной ветви кыпчаков, оказался поделенным между Ногайской Ордой и Казахским

ханством. Степное Поволжье, в течение XIII—XIV вв. составлявшее в Золотой Орде единую в экономическом и культурном отношении зону, представлявшее весьма компактный локальный вариант кочевнической культуры и денежного обращения, являвшееся своего рода «доменом» хана, расчленяется между Мангытским юртом, Большой Ордой и Астраханским ханством.

Вместе с тем XV в.— это время исчезновения в степях Восточной Европы курганных обрядов погребений и связанного с ним культа. Нельзя объяснить это только распространением мусульманства. Дело, очевидно, в трансформации самих кочевников, в утере ими старого этнографического облика. Процесс смешения кочевников Дешт-и-Кыпчак и сложения новых кочевых образований, начавшийся в XIII в., получил свое завершение в XV в. И действительно, в XV в. нет половцев-кыпчаков в старом смысле этого слова. В Большой Орде кочуют «татары», в Астраханских степях население также называется «татарами», в восточной части Золотой Орды известны казахи, узбеки и мангыты-ногаи и др.

В Крымском ханстве в XV—XVI вв. были известны четыре знатнейших бекских рода: Ширин, Барын, Аргын, Яшлав. Позднее к этим именам прибавился род Кыпчак. Герберштейн сообщает о таких четырех родах: Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак. Упоминаются кроме этих имен еще роды Кият, Мангыт и Седжиут, которые появились в Крыму с ногаями[1]. Эти фамилии соответствовали так называемым «карачиям» — знатным родам беков. Знатные фамилии «карачии» — Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак — были в Касимовском и Казанском ханствах, карачии были и в Сибирском ханстве и у ногаев[2].

Таким образом, наряду с именем «татар» в западной части Золотой Орды существовали старые племенные названия. Этноним «кыпчак» сохраняется наряду с географическим термином («Дешт-и-Кыпчак») довольно долго. Но имя «кыпчак» утратило этнический смысл, обозначающий кочевую народность, стало обозначать бекский род. Нетрудно найти общие имена в родоплеменной номенклатуре ногаев XVI—XVII вв., казахов, каракалпаков, узбеков XV—XVI вв., башкир. Встречаются такие древние половецкие названия, как «токсоба» у ка-

---

[1] См. В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях и царевичах, т. II. СПб., 1864, стр. 413—415; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948, стр. 21; В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. «Уч. зап. МГУ», 1940, вып. 61, стр. 31—33.

[2] СГГД, т. II, стр. 33 и сл.; В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., т. I, стр. 208—209; М. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр. 182—183; Казанский род Мангытов упоминается значительно позднее в «ногайских делах XVI в. и, видимо, связан с ногаями. В Касимове «карачиями» были Аргын, Кыпчак, Джалаир и Мангыт (XVI в.). Следует отметить, что Джалаир и Мангыт появились вследствие прихода знатных фамилий из киргиз-кайсацких степей и на ногайских орд. Первоначально были те же четыре фамилии, что и в Крыму. Единство наименования первоначальных четырех родов «карачиев» в различных государствах, осколках Золотой Орды, свидетельствует о том, что этот институт в какой-то мере существовал в самой Золотой Орде. Сходство увеличивается тем, что в Касимовском ханстве и в Крыму Кыпчак и Аргын упомянуты в составе левого крыла, а в Крыму и Казанском царстве Ширины занимали в иерархии родов первое место (см. В. В. Вельяминов-Зернов. Ук. соч., т. II, стр. 403, 419, 426—434; В. Е. Сыроечковский. Ук. соч., стр. 29). Поздние предания возводят четыре знатных бекских рода к четырем старшим эмирам, составлявшим совет при хане (Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, 1895, № 23, стр. 124). Н. И. Веселовский считал возможным слово «карапчии» в ярлыке Тайдулы 1351 г. переводить как «карачий» (ЖМНП, 1917, № 3—4, стр. 122; ПРП, т. III, стр. 478). Л. П. Потапов считал, что аргыны были потомками большой тюркоязычной группы в составе Улуса Джучи (см. Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. М., 1969, стр. 90).

ракалпаков[3] — название половецкого племени, известного еще в домонгольской степи. Некоторые башкирские названия восходят к половецкой и болгарской истории, например кыпчаки, бюлярцы, канглы [4].

Можно указать на общность некоторых западных и восточных имен (например, у казахов были племена барины, аргины, которые имеют прямое соответствие с именем беков Барынов и Аргынов в Крыму, Казани и Касимове). Этноним «кыпчак» имелся среди ногаев, казахов, каракалпаков, узбеков, а также среди родов алтайцев[5], кыргызов[6] и др. Эти имена уже не отражают того реального этнического содержания, которое стояло за этими названиями в XIII или начале XIV в.

Все это — следствие раздробления племен, процесс, начавшийся еще в XIII—XIV вв. Перемещение масс кочевников, стирание старых традиционных границ между этническими массивами, раздробление их по новым улусам, суюргалам и государствам — этот процесс шел все время в Золотой Орде и подготовил в XV в. трансформацию домонгольского (главным образом половецкого, кыпчакского) населения в «татар» на западе и «узбеков», «казахов» и «ногаев» — на востоке.

В истории кочевых тюркоязычных народностей большой интерес представляет проблема соотношения старых и новых племенных наименований, этнонимов собирательных и обозначающих части какого-то этнического массива. Кочевая группа, дробясь, попадает в разные племенные объединения, но сохраняет там свои наименования, восходящие к более древнему периоду. Новообразованная кочевая группа может состоять из многих осколков старых групп, сохраняющих в наименовании память о своем прошлом в составе других племенных объединений.

Этнические наименования в Дешт-и-Кыпчак были разными по своему происхождению: по имени или прозвищу хана или вождя, по имени древнего монгольского или тюркского племени, по названию какого-либо отличительного свойства. Наряду с древними наименованиями племен (найманы, кунграты, кыпчаки и др.), которые стали означать мелкие подразделения населения, утратили обобщающий характер, были старые племенные названия, ставшие в силу особых причин наименованиями новых объединений племен, возникших на основе государственного их объединения или объединения их в составе одного феодального владения. Таковы «татары» — этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию в Дешт-и-Кыпчак. Потом это имя стало названием всех кочевников Золотой Орды[7]. Новые объединения именовались часто также

---

[3] См. Т. А. Жданко. Родоплеменная структура и расселение каракалпаков низовьев Амударьи в XIX — начале XX в. КСИЭ, вып. 6, 1949, стр. 60—62.

[4] См. С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 50, 329.

[5] См. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.— Л., 1953, стр. 152; его же. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 60; O. Pritsak. Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker. Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. XXIV, 1952, H. 1—2, S. 55.

[6] См. С. А. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов. СЭ, 1946, № 3, стр. 124.

[7] Сами Чингизиды звали себя монголами, что следует из легенд на ранних их монетах XIII в. Татарами (по имени одного из племен, завоеванных Чингис-ханом) сначала завоевателей, а потом все тюркское кочевое население степи звали главным образом русские, западные и арабские путешественники. Этноним татары встречается также и в персидских источниках, но редко (см. В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 130, 560). О наименовании группировок «татар» Красноярского края по имени владельца улуса см. С. В. Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. «Научные труды», т. IV. М., 1959, стр. 36.

по прозвищам ханов. Таковы были «ногайцы-мангыты», названные так по прозвищу Едигея и по его племенной принадлежности (он был из рода Мангыт).

Вопрос о происхождении имени «узбек» не решен. Впервые термин «узбеки» встречается у Х. Казвини. Золотая Орда носит название «улуса», «государства» Узбека. При этом под названием государства Узбека объединяются в источнике оба крыла. У Х. Казвини термин «узбеки» имеет значение «узбековец» (аналогично «беркаевцы»[8]). Вариант этого термина «узбек» встречается и у Шереф ад-Дина Йезди и «Анонима Искандера»[9]. А. А. Семенов не связывает эти два термина[10]. А. Ю. Якубовский считает возможным переход термина «узбекианы» в значении воины Узбека или жители государства Узбека в этноним — узбек[11]. Б. А. Ахмедов безосновательно считает, что этноним «узбек» сложился независимо от имени хана Узбека[12]. У Б. А. Ахмедова нет никаких оснований говорить, что этот термин как собирательное имя всего тюрко-монгольского населения Дешт-и-Кыпчак возник в 60-х годах XIV в., к тому же узбеками в XV в. называли только кочевников восточной части Дешт-и-Кыпчак. Только в XVI в. это название переносится иногда на жителей всей Золотой Орды (как, например, у Хондемира), но в некоторых случаях применяется только к улусу Шибана, казахам и мангытам (например, у Рузбехана).

Вслед за Махмудом Хайдаром (XVI в.) В. В. Вельяминов-Зернов, П. П. Иванов, М. Г. Сафаргалиев и другие считают, что этноним «казах» произошел от прозвища «вольный», «бесприютный», «изгнанный», которое получили племена, откочевавшие на восток после смерти Абул-Хайра. А. А. Семенов считает, что эта откочевка была слишком незначительным событием в жизни восточнокыпчакских племен XV в. и не могла отразиться в таком кардинальном явлении, как изменение этнонима[13]. А. А. Семенов писал, что вначале «казахи» — это просто кочевники в отличие от узбеков, которые знали в некоторой степени оседлость.

Сущность этих названий, указывающую на правящую верхушку, подметил В. Ф. Шахматов, сравнив с аналогичным процессом образования этнонимов «русь», «тюрк» по наименованию группы правящей аристократии[14]. Против этого тезиса выступил С. К. Ибрагимов[15], который полагал, что слово «казах» обозначало скитальца, изгнанника или воина вообще, было безразлично к социальной принадлежности именуемого. Так действительно было в XIII в. (в тюркско-арабском словаре 1245 г. и в Codex Cumanicus)[16], но в XV в. это слово приме-

[8] Тизенгаузен, т. II, стр. 92, 93.

[9] Там же, стр. 133, 134, 178, 238.

[10] См. А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Средней Азии. «Тр. ИИАЭ ТаджССР», 1954, т. XII, стр. 13.

[11] См. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 301—303; см. также П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, стр. 21—22.

[12] См. Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965, стр. 12 и сл.

[13] См. А. А. Семенов. Ук. соч., стр. 32 и 36.

[14] См. В. Ф. Шахматов. К вопросу об этногенезе казахского народа. «Изв. КазССР», серия историческая, 1950, вып. 6, стр. 97—98.

[15] См. С. К. Ибрагимов. Еще раз о термине «казах». «Тр. ИИАЭ АН КазССР», 1960, т. 8.

[16] В Codex Cumanicus слово «cosac» переведено как «караул», а в генуэзских колониях это слово обозначало татарского воина (см. G. Kuun. Codex Cumanicus bibliothecae at templun Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880, p. 118; Антонин. Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому городу Сугедее. ЗООИД, 1863, т. V, № 116, стр. 613; В. Юргевич. Устав генуэзских колоний в Черном море. ЗООИД, 1863, т. V, стр. 830).

няется чаще всего именно к знати, отколовшейся от своего хана (например, к Джучиду Джабар-Бирди во второй редакции «Анонима Искандера») [17]. В источниках XVI—XVII вв. слово «казах» стало сначала прозвищем («вольный»), а затем этническим термином и стало применяться уже вне всякой связи с аристократией.

В. Ф. Шахматов указывает, что в русских источниках XV в. и в татарских актах XV в. казах обозначает «воина», «военную дружину». «Узбек», по его мнению, также обозначает «воина», «дружинника». В обоих случаях перед нами обозначение военно-феодальной верхушки общества, перенесенное позднее на весь народ. Аналогичный перенос произошел и с наименованием «татары» только не в XV, а в XIII—XIV вв.: вначале татарами называли русские и западноевропейские люди только монголов-завоевателей, отличая от них половцев-куманов.

Механизм изменения этнонимов был следующим: когда кочевая группа входила в состав нового объединения, она получала двойное наименование: старое имя племени и имя того объединения племен, в которое оно включалось. Последнее чаще было не самоназванием, а прозвищем, которое давалось соседями. Впоследствии, приходя в соприкосновение с другими народностями, такие племена в конце концов утрачивали свое старое имя и за ними утверждалось название нового объединения.

Этот процесс постепенно приводит к исчезновению старых этнонимов и замене их новыми, последние, в свою очередь, могут стать «старыми» и быть замещены «новыми» племенными именами, превратиться в названия родов или отдельных фамилий и т. д. Чем быстрее идет процесс консолидации кочевого населения в народность, тем скорее происходит эта смена имен кочевых групп, тем быстрее они исчезают, заменяясь единым именем кочевой народности. В западной части Золотой Орды этот процесс шел, видимо, быстрее. Здесь и денежное обращение и социальный строй развивались интенсивнее; племена кочевников чаще дробились между уделами, улусами, «суюргалами», товарно-денежные отношения кроили Половецкую степь вопреки традиционным племенным границам. На Востоке, в Башкирии, ногайских, узбекских и казахских степях, на Алтае этот процесс шел медленнее. Здесь старая домонгольская аристократия, в отличие от западной половецкой, сохраняла в эпоху Джучидов свои позиции [18]. Здесь сохранились вплоть до XVI в. в племенной номенклатуре имена старых крупных кочевых объединений, восходящие к домонгольской эпохе или к эпохе монгольского завоевания [19]. В западной части Золотой Орды,

---

[17] Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i-Mu'ini. Teheran, 1957, pp. 87, 102; см. также МИКХ, стр. 198; см. также Г. Ф. Благова. Исторические взаимоотношения слов «казак» и «казах». Этнонимы. М., 1970, стр. 144—146.

[18] Примером сохранения старых домонгольских аристократических родов в восточной части Дешт-и-Кыпчак является род кыпчакского хана Баньдуча. Баньдуча стал в начале XIII в. вассалом Чингис-хана, получил право управлять своим родом. Его сын Тутука сохранил власть над своим племенем и тысячей этого племени, став одним из тысячников-кыпчаков среди эмиров и беков, выходцев из монгольской аристократии. Тутука впоследствии перешел к Кубилаю и стал правителем всех кыпчаков этого улуса (Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. ТЧРДМ, 1866, т. IV, стр. 234—235, 487; К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961, стр. 98).

[19] Показательно длительное переживание этнонима «кыпчак» не только у башкир, ногаев, узбеков, киргызов, казахов, но и у ойратов, телеутов, урянхайцев и других восточных группировок кочевников Енисейско-Иртышского района. В среде киргизов этноним «кыпчак» пропадает только в XVIII веке (см. К. И. Петров. Ук. соч., стр. 63, 66, 68, 80—82, 84).

т. е. в Восточной Европе, эти этнонимы сохранились только как имена знатных родов [20].

Тот факт, что на западе Золотой Орды не сохранилось племен со старыми наименованиями, а были только татары, т. е. этнический термин, восходящий к эпохе единства Золотой Орды XIII—XIV вв., а также то, что здесь мелкие членения населения получили названия по территориально-волостным даругам [21], также свидетельствует о более быстром темпе развития социальных отношений в западных районах Золотой Орды. На востоке не только сохранились в племенных названиях старые этнонимы, но и общие этнонимы для складывающихся народностей — «узбек», «казах», «ногай-мангыт» — восходят к улусным держаниям XV в. Общий этноним «татары» в Казахстане не привился для всего этого населения, очевидно потому, что власть татаро-монголов, завоевателей в XIII—XIV вв., здесь была, вероятно, не прямой, как в западном Дешт-и-Кыпчак, а опосредованной в значительной степени местной восточнокыпчакской аристократией в силу неразвитости улусных держаний монголо-татарской аристократии в этих степях. Наименования крупных членений в восточном Дешт-и-Кыпчак относятся именно к той эпохе, когда эти улусы стали реальными феодальными держаниями: улус Едигея, улус узбеков Абу-л-Хайра и т. п. и т. д., т. е. к XV в.

Обилие монгольских этнонимов в казахстанской степи в XV—XVI вв. не является свидетельством о численном господстве монголов в Дешт-и-Кыпчак [22]. Есть свидетельства о малом объеме переселения монголов в XIII в. в Дешт-и-Кыпчак, о быстрой утрате ими своей этнической специфики [23]. В XIII в. найманы, кангалы и т. п. были действительно монгольскими племенами. Но в XV в. это — новые объединения кочевников, прошедших улусную систему Золотой Орды. Мангыты так назывались не потому, что в этом объединении преобладали монголы-мангыты, а потому, что ими управляла мангытская династия Едигея. Наряду с племенным единством этих групп большую роль играет в их объединении вхождение в один иль, улус, подчинение одному хану, т. е. общность вхождения в одну феодальную ячейку кочевого общества. Казахские жузы — это уже не те кочевые племена XII—XIII вв., возникшие как первоначальное племенное патриархальное деление кочевого населения. Это — объединения хотя и имеющие множество пережитков родо-племенного единства, но в основе своей получившие единство как кочевой улус под властью какого-либо хана или группы ханов [24].

---

[20] В Восточной Европе среди поздних тюркоязычных крупных этнических групп (не фамилий) домонгольский кочевнический этноним сохранился у гагаузов, от узов или гузов (Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 131, 151). Некоторые исследователи полагают, что этноним «команы» или «кимаки» сохранился в этнониме «кумыки», но этот тезис оспаривается (см. Я. А. Федоров. К вопросу об этногенезе кумыков. НДВШ, 1951, № 1; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961).

[21] Персидские авторы XIV в. хорошо чувствовали эту тенденцию в Золотой Орде, заменяя этнические названия наименованиями городов или областей (см. Г. А. Федоров-Давыдов. Город и область Саксин в XII—XIV вв. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1970).

[22] В связи с этим отметим, что нам представляются неверными суждения, подобные изложенному у А. Ю. Якубовского тезису: «Два крупных монгольских племени в условиях Дешт-и-Кыпчак — конграты и мангуты, или мангыты, — не только не потеряли своего племенного единства, но даже выросли в значительные народности. Однако, сохраняя свое единство, они не удержали своего монгольского языка, а отюречились» (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Ук. соч., стр. 298).

[23] См. Тизенгаузен, т. I, стр. 235.

[24] Г. С. Загряжский писал, что появление нового отдела у туркмен «зависит от появления нового батыра; около него собирается дружина удальцов, его именем

Поэтому неправ, как нам кажется, С. Е. Толыбеков, когда он пишет: «...деление казахов на три сотни — жуз .., существовавшее в XV — XVIII вв., было явлением, всецело связанным с военно-племенным устройством казахского общества»[25]. Жуз был не племенем, а улусом — держанием, восходящим к улусной системе Золотой Орды. Не родственные связи господствовали внутри каждого такого объединения, а связи общего вассалитета по отношению к хану. Пережитки родоплеменного строя только прикрывали эти отношения вассалитета.

Когда Русь в XII в. распалась на княжества, их территория и население не были племенными. Также и в Золотой Орде. Новые объединения XV в. в основе своей не были племенными. Другое дело, что в кочевом обществе при феодальной раздробленности не было того развития, экономического и социального, отдельных вотчин-уделов, какое было в оседлых феодальных странах, стершее пережитки племенного строя. В кочевом обществе даже в состоянии большой империи эти черты племенного и родового строя были весьма сильны. В условиях падения централизованного государства, в условиях феодальной раздробленности они не только не исчезли, но в значительной степени реставрировались. Вот почему казахское общество XV—XVII вв. выглядит в значительной степени более «патриархально-племенным», чем более раннее общество Золотой Орды.

В условиях улусной системы Золотой Орды происходит трансформация половецкого, гузского и другого старого кочевого населения степей Золотой Орды и утеря ими ряда своих этнических, определяющих их черт. В разных частях Джучиева Улуса этот процесс имел разные темпы.

Различие исторических судеб западной и восточной частей Золотой Орды — объект будущего исследования. Сейчас у нас нет достаточных данных, чтобы ставить эту проблему во всем объеме. Археологических памятников X—XV вв. в Казахстане пока очень мало. Они не дают возможности такого детального изучения их и с точки зрения социального развития, и с точки зрения племенной топографии степи и ее эволюции, как курганы в степях Восточной Европы. Сейчас лишь по скудным отрывкам археологических и письменных источников мы можем, сравнивая эти две большие области степей Евразии, указать на больший архаизм общественного строя и большую замедленность развития кочевого феодализма в восточной ее части. В западной части степей Золотой Орды процессы социального развития идут быстрее и приводят к более полной трансформации старых кочевников в новое население восточноевропейских степей XV—XVI вв.

прикроются несколько бедняков и называют себя его детьми... Отец передает сыну свой народ, который он успеет связать с собою привычкою, грабежом, общими счетами по баранте, и вот появляется новый род...» (Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10).

[25] С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959, стр. 248.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
ал-Калкашанди — Абу-л-Аббас Ахмед ал-Калкашанди. Субх ал-а'ша, тт. I—XIV. Каир, 1913—1920
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВМУ — Вестник Московского университета
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей Российских
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950
ДС — Древнетюркский словарь. Л., 1969
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН — Записки Академии наук
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА — Исторический архив
ИАК — Известия археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР
ИАН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИВАН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР
ИЗ — Исторические записки
ИКУ — Известия Казанского университета
ИМ — Историк-марксист
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИКХ — Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939
МОПИ — Московский областной педагогический институт
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭГО — Материалы по этнографии. Географическое общество Союза ССР
Нахчивани — Мухаммад ибн Хандушах Нахчивани. Дастур ал-катиб та'йин ал-маратиб, т. I, ч. 1. М., 1964; т. I, ч. 2. М., 1971
НІЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
НІУЛ — Новгородская четвертая летопись
НДВШ — Научные доклады высшей школы
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОРЯСАН — Отделение русского языка и словесности Академии наук
ПДРВ — Продолжение древнерусской вифлиофики
ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
ПРП — Памятники русского права
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Радлов — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. М., 1963
Рашид ад-Дин — Сборник летописей, т. I. М.—Л., 1952; т. II. М.—Л., 1960; т. III. Баку, 1957
РГО — Русское географическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека
СА — Советская археология
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
СВ — Советское востоковедение
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
СЭ — Советская этнография

Тизенгаузен — В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов по истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884; т. II. М.—Л., 1941
Тр. АС — Труды археологического съезда
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
Тр. ИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
Тр. ИИАЭ КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР
Тр. ИИАЭ ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Таджикской ССР
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
ТНВОК — Труды Нижневолжского общества краеведения
ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТСУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
ТЧРДМ — Труды членов русской духовной миссии в Пекине
УЗИВ — Ученые записки Института востоковедения
УЗМГУ — Ученые записки Московского государственного университета
ХНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей Российских
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЭО — Этнографическое обозрение
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London
DI — Documenta Islamica Inedita
EI — Enzyklopedie des Islam
GMS — Gibb Memorial Series
JA — Journal Asiatique
KCsA — Körösi Csoma-Archivum. Budapest
MSF — Mémoires de la Société finno-ougrienne. Helsinki
Rec — C. M. Fraehani. Recensio Numorum Muhammedanorum. Petropoli, 1826
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Первоначальные формы отношений монголов и покоренных народностей Восточной Европы 26

Глава II. Улусная система 43

Глава III. Междоусобная борьба монгольской аристократии в XIII в. 68

Глава IV. Золотоордынский город и Дешт-и-Кыпчак в первой половине XIV в. . . . 75

Глава V. Общественный строй Золотой Орды во второй половине XIV в. 109

Глава VI. Политическая борьба монгольской феодальной аристократии в конце XIV в. Правление Токтамыша 145

Глава VII. Феодальная борьба в начале XV в. Падение Золотой Орды 161

Заключение 171

Список сокращений 178

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов

Общественный строй Золотой Орды

Тематический план 1972 г. № 65

Редакторы Л. В. Бурмистрова, В. В. Белугина
Технический редактор Е. Д. Захарова
Корректоры В. П. Кададинская, С. Ф. Будаева, Н. И. Коновалова

Сдано в набор 12/VI 1972 г. Подписано к печати 7/II 1973 г. Л-56035 Формат 70×108 1/16 Бумага тип. № 1 Физ. печ. л. 1,25 Усл. печ. л. 15,75 Уч.-изд. л. 17,35 Изд. № 1542 Зак. 280 Тираж 3285 экз. Цена 1 р. 09 к.

Издательство Московского университета. Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы